Кивдерт
Итгилвдерг

ТАКТИКА РИСКА

ФЛЛ

Жалвын

Альберт Штульберг

ТАКТИКА РИСКА

ПОВЕСТИ

Алма-Ата «Жалын» 1985

Р2
Ш 94

Рецензенты: *О. П. Постников, Б. И. Исаев*

Штульберг Альберт.
Ш 94 Тактика риска: Повести.— Алма-Ата: Жалын, 1985.—176 с.

В книгу вошли три повести о работниках казахстанской милиции —«Первое дело», «Тактика риска», «Трудные дни розыска», посвященные многогранной деятельности оперативных работников уголовного розыска, следователей, участковых инспекторов милиции. В основу книги положены реальные события. Главные герои — опытные работники, а также молодое поколение, пришедшее работать в милицию,— твердо стоят на страже правопорядка, ведут большую работу по профилактике правонарушений.

Ш $\frac{4803010102—156}{408(05)85}$ 203—85

84 Р7

© Издательство «Жалын», 1985 г.

ПЕРВОЕ ДЕЛО

Третий день следователь Донцов из районной прокуратуры сидит здесь, в горах, вместе с участковым инспектором милиции лейтенантом Березиным. Допрашивает, выясняет, уточняет, хотя все, вроде бы, ясно-преясно. Собралась бригада-ух: шабашники-шаромыги, подрядились строить ферму, а директор совхоза, понятное дело, рад. За недолгое здешнее лето, глядишь, и спроворят. Ребята шустрые, ухватистые, давай, только гони деньгу вовремя, чтобы и выпить-похмелиться с устатку на что было. Платили исправно, а ребятки крутились-вертелись, и вот тебе спроворили. Только не то что надо, совсем не то. Теперь не радоваться, плакать в пору.

Лейтенант — милицейский участковый инспектор — сейчас вздыхает да охает. Как проглядел? Поздно теперь, раньше нужно было думать. Особенно, когда с месяц назад прибился к бригаде мужичок один, на все руки от скуки: и плотник, и каменщик, и жестянщик. «Пекарь-токарь по металлу, по хлебу и по салу»,— говорил он сам про себя. Вовсю загуляли тогда дикари, за водкой — ее однажды в сельмаге не оказалось — на лесозавод гоняли, через перевал на мотоцикле ездили, привезли сколько надо. В вагонке, где жили, каждый вечер картишки, мужичок прибылой этот, ловкач был, думал умнее всех. Только третьего дня подловили его, когда он петуха пустил: в открытую сжулил при крупном банке. Хотели поучить, а он шасть нож из-за голяшки и порезал двух. Один сразу скончался, другой — в больнице, тяжелый, вряд ли встанет...

А убийца — на мотоцикл, и ушел. Шустрые ребятки задержать не посмели, по углам забились. Как тараканы...

Мотоцикл уже на другой день нашли недалеко от железнодорожной станции. Бак пустой... Куда теперь подался преступник, да и кто он такой, кто знает? Визитной карточки, понятное дело, не оставил, а дорог у него много и деньги при нем не малые. Обыграл здесь некоторых, и, как потом выяснилось, по загашням пошарил, у ребяток были заначки. Все выгреб.

Никто его раньше не знал, не видел. Фамилию он сам назвал и паспорт предъявил бригадиру на имя Чернова Николая Васильевича, в Ростове-на-Дону родившегося, тридцати двух лет от роду. В Ростов он, конечно, не поедет.

Этот самый Николай Васильевич ребятам байки всякие рассказывал про злую жену, которая ему алиментами житья не дает. Что сидел в колонии — тоже говорил, не скрывал. Опять же из-за жены, жаловался, она, мол, упекла. И не хотел он с участковым местным встречаться, ох как не хотел! И ему сочувствовали, жалели.

Всех допросил следователь, все, казалось бы, собрал по крупицам... Но немного этого всего оказалось, хитер был Чернов Николай Васильевич, если его и впрямь так звали.

Приметы особые, правда, были. И кличка: «Косматый». Она у него навечно на плече. Чайка над морской волной, а ниже синими буквами — «Коля Косматый». Почему вдруг «Косматый»? По показаниям собригадников, он черняВый, цыганистый, но аккуратно подстрижен...

Нужно разослать необходимую ориентировку, это поможет тем, кто будет искать преступника.

Следователь садится за шаткий столик в конторке и начинает писать ориентировку: «У меня в производстве находится уголовное дело по поводу...»

В окошко сечет косой дождь, холодно. Вот тебе и июль. А ведь где-то сейчас в разгаре лето, цветут цветы, бабочки летают. Не дошло сюда еще лето в этот год, задержалось где-то под горами.

Пишет ориентировку следователь и думает —

где же теперь объявится этот Коля Косматый, которому сейчас тридцать два года и две человеческие жизни на совести? Куда он делся?

Этого, конечно, не мог знать следователь прокуратуры Донцов, но он, однако, знал, что телетайп аккуратно отстучит его ориентировку по стране, и, в первую очередь, в те города, где наиболее вероятно появление Коли Косматого. Особенно часто во время хмельных застолий он вспоминал Грозный, Баку, Алма-Ату. А ведь всем известно — что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

В Казахстане июль — жаркий месяц. Вчера было душно, весь день парило. И напарило — ночью прошел ливневый дождь с грозой, поэтому в дежурной части областного управления внутренних дел было прохладно. В открытое окно щедро вливалась предутренняя свежесть.

В дежурке находились двое: ответственный дежурный капитан Утешев, уже не молодой, сухопарый и очень смуглый, и его помощник — лейтенант Шматлай из уголовного розыска, коренастый малый с простецким широким лицом, с которого, казалось, не сходила добродушная улыбка.

Начальник управления позвонил около пяти — еще и не светало. Дежурный с минуту слушал, недоуменно вскинул брови, скучно сказал: «Понял... ясно»,— и положил трубку.

— Что, Жаке, понедельник — день тяжелый?— осведомился помощник, разминая в пальцах сигарету.

Он собрался выйти на улицу покурить.

— Какой там день. Еще ночь.— Дежурный встал из-за пульта, потуже затянул ремень с тяжелой кобурой и надел фуражку, как бы собираясь сейчас же рапортовать. Сказал помощнику, думая о своем:

— Поднимай шофера с тридцать пятой, пусть едет за шефом... Тут что-то не то... На ковер мне сейчас, что ли, шагать?

Шматлай положил сигарету в пачку и уселся за пульт. Он хорошо знал, что идти «на ковер» означало получить нагоняй от начальства.

Капитану Утешеву, по роду службы — ответст-

венный дежурный управления — приходилось часто бывать в кабинетах руководства: докладывать о происшествиях, получать задания. Бывало, вызывали и «на ковер». Не часто, правда, за всю службу раза два. Но никому не пожелал бы...

Сегодня ночь — с воскресенья на понедельник — прошла спокойно. Были, конечно, мелочи, не без того: кража из ларька в микрорайоне раскрыта, лейтенант Шматлай выезжал с ребятами из горотдела. Драка в общежитии профтехучилища улажена...

Посетителей за ночь не было. Короче, волноваться не приходилось. И почему это полковник ни свет, ни заря затребовал машину? Да еще спросил, на месте ли дежурный следователь и эксперт из научно-технического. Где же им быть? На месте, конечно.

Следователь капитан Валентина Артуровна Смолина у себя в кабинете, рядом. У них, следователей, бумаг много, не позавидуешь. Не теряет времени зря, работает.

Эксперт под утро прикорнул на диване — молодо-зелено. Разбудили его, встряхнули, умылся, сна как не бывало.

Пришла Смолина, деловито осведомилась о причине аврала. А что ей скажешь? Прибудет начальство — объяснит. А пока ни ответственный дежурный, ни Шматлай ничего не могли сказать. Сами были в неведении.

Полковник появился вместе с начальником отдела уголовного розыска подполковником милиции Акимовым, заехал за ним стало быть, специально. Оба в штатском.

То, что начальник уголовного розыска в штатском, не удивительно — ему разрешено. А полковник редко бывает не при форме. «Значит, будет вникать сам»,— заключил дежурный, отдавая рапорт.

Здороваясь со всеми, полковник особенно приветлив был со Смолиной: они однокашники по университету и давнишние сослуживцы.

— Что это вас в воскресенье дежурить-то заставили, Валентина Артуровна? Перевелись рыцари в следственном отделе? Не дело, не дело...

Только я рад, что именно вы сегодня дежурите. На двадцатом километре по Большому тракту происшествие, видимо, автодорожное, есть жертвы, как мне сказали. Вы же специалист по таким делам. Кстати, что у вас сейчас в производстве?

— Пять дел, товарищ полковник. По шестому ночью обвинительное дописала. Завтра, то есть сегодня уже,— поправилась Смолина,— отдам на утверждение — и в суд. Но беспокоят меня два: ограбление Угарцева на топливной базе и дело «мотоциклист»— по наезду на Многоводной. Помните?

— Да, конечно, помню оба дела. Ничего не скажешь, путаные. Вот и еще одно посмотрим.— Полковник вдруг обратился к дежурному:— Лейтенанта Шматлая я беру с собой, замените его кем-нибудь из резерва. Едем, товарищи!

Опустела дежурка...

Впрочем, только так говорится: «дежурка». По привычке. Еще год тому назад, в старом здании управления, действительно была дежурка: тесная, вечно прокуренная комнатка с зашарпанными столами и нелепым крохотным окошком в коридор для посетителей. А сейчас, в новом здании, это просторное помещение с широкими окнами и паркетным полом. Здесь два пульта связи со множеством рычагов, кнопок и телефонных трубок. Один для ответдежурного, другой для его помощника. Здесь же телетайп, рации, телефоны прямой связи. Есть и телевизор. Если все спокойно, его можно включить. Такую комнату только по традиции назовешь дежуркой. В ней даже самые заядлые курильщики не дымят, выходят в коридор.

Капитан Утешев вызвал нового помощника — старшего лейтенанта Булатова, как было сказано,— из резерва дежурных, и все старался понять: как же это полковник узнал про двадцатый километр? Не иначе, кто-то позвонил или еще каким-то путем сообщил ему лично. Хотелось об этом спросить «самого». Но промолчал: субординация. Капитан не зря пятнадцать лет милицейские погоны носит. А до того были солдатские. Малинового цвета.

Вскоре прибыл старший лейтенант Булатов —

высокий, спортивный, румяный, как подросток. Он совсем недавно начал службу, дежурил всего второй раз, все в дежурной комнате ему было вновь, он не скрывал своего почти мальчишеского любопытства.

За окном было уже светло, но пасмурно. Начинался новый день — понедельник, двадцатое июля. Ночь прошла спокойно.

Только ведь это как сказать — спокойно. Смотря для кого. Сюда вот, в управление, почти и не звонили. Значит, в городе и в районах действительно было тихо. А на двадцатом километре автодорожное, есть жертвы. Или жертва... все одно.

В семь позвонил дежурный Октябрьского райотдела Изатов. Он, как всегда, говорил громко, напористо:

— Жаке? Привет, товарищ капитан. Изатов докладывает. Запиши в сводку. Пишешь? Ну, пиши: кража из магазина, точка. Написал? Давай дальше. Вечером 19 июля, в точно неустановленное время между 20 и 23 часами, неизвестные преступники путем взлома проникли в магазин совхозрабкоопа. Написал? Пиши еще: из магазина выкрадены товарно-материальные ценности, точка. Сумма похищенного устанавливается, меры к розыску преступников приняты, расследование ведет Октябрьский РОВД. Все. Точка. Как у тебя?

— Плохо,— ответил капитан.— Ночь прошла спокойно...

Плохо было, конечно, не то, что ночь была спокойной. Вот и пришлось объяснять, почему — плохо.

У дежурного окончательно испортилось настроение в связи с тем же происшествием на двадцатом километре. Как же это могло случиться, что он, дежурный, ничего не знал? По Большому тракту в любые дни и в любое время проходит много машин. Там, на большаке, возле километрового столба с цифрой 18, находится пост ГАИ, и ребята несли службу исправно: связь по рации с ними была. Что-то не то, что-то не так...

— В семь тридцать пришел посетитель — первый за всю ночь. Это был мужчина лет сорока-сорока пяти. Он робко проскользнул в дежурку, где

так же робко присел на краешек стула, и тихонько сообщил, что у него украли машину «Волга». Когда украли, не знает. Увели из гаража, который находится на его приусадебном участке.

— Как же так — не знаете, когда у вас угнали машину?— удивился капитан Утешев.

— Или в субботу, или в воскресенье,— промямлил потерпевший.— А, может быть, сегодня ночью...

— Когда же все-таки?— неожиданно включился в разговор Булатов.— Пить, папаша, нужно поменьше. Здоровье беречь.

Утешев сердито взглянул на помощника, но промолчал.

От посетителя действительно густо несло перегаром. Он даже прикрыл рот платочком, собираясь кашлянуть и, все так же робея, рассказал, что он, Егоров Семен Андреевич, бухгалтер базы «Торгплодоовощ», со своей женой Анной Федоровной в субботу утром пошли в гости, к сватам обмывать внука. И обмывали. Гуляли и в субботу, и в воскресенье. До сегодняшнего утра были там. А нынче, в понедельник, около семи, первым автобусом домой поехали: на работу надо.

Булатов опять не сдержался:

— Как же вы на работу собираетесь, а? Вель от вас за три метра перегаром несет!

Дежурный предупреждающе постучал карандашом по пульту: не о том сейчас речь.

— Ну и что?.. Что дальше?

— Как что? Гараж пустой, вот что! Замок вместе с пробоем моим же ломом выдернули!

Дежурный постучал карандашом, и потерпевший опять оробел.

— Лом у меня на усадьбе возле сарая стоял, где лопаты и грабли. А теперь в гараже валяется. Вместо «Волги».

Оформили документы, и Егоров бочком скользнул в дверь, на улицу.

— Он опохмелиться пошел,— с непоколебимой уверенностью сказал Булатов.— Ничего, такой тихоня не одну машину наживет. И для внука. Видал, у него браслет с часами? Класс...

— Наше дело, Булатов, принять меры по заявлению потерпевшего. Которые от нас зависят, ко-

нечно.— Капитан заговорил вдруг с несвойственной ему резкостью:— Все станет на свои места, не сомневайтесь. А вы сейчас лучше информацию отпечатайте, дежурная машинистка что-то не идет. Запомните: на дежурстве только о деле. И не только на дежурстве. Вы в милицейских погонах.

Булатов ухмыльнулся и принялся бойко выстукивать на портативной машинке информацию о происшествиях за сутки. Она оказалась не такой уж кущей. «Моё дело сторона,— думал он тем временем,— сейчас я всего лишь помощник дежурного из резерва, а не инспектор ОБХСС...»

В начале девятого в комнате стало многолюдно. Явился новый дежурный наряд: за пульт ответственного сел майор Абраменко. То и дело заглядывали сотрудники, интересовались новостями.

Ровно в девять капитан Утешев пошел докладывать руководству о событиях последних часов дежурства. В коридоре второго этажа, возле дверей приемной, он столкнулся со своим ночным помощником лейтенантом Шматлаем. Опергруппа, значит, вернулась.

Шматлай шел от начальника, был заметно возбужден и спешил. Так и сказал:

— Спешу, Жаке, бегу. Допросить там надо одного. Да вы не волнуйтесь, о происшествии начальнику на дом Криков позвонил, участковый из Семиозерного. Есть там такой...— И добавил уже на ходу:— Только там не автодорожное, а убийство. И не на большаке, а немного севернее, по грейдеру... Вам полковник расскажет.

Шматлай одобряюще улыбнулся старшему товарищу и торопливо пошел по коридору, а капитан несколько секунд еще стоял и думал: «Ишь ты, ишь ты, майор Криков. Прямо начальнику, ночью...»

О своем думал, торопясь к себе в кабинет, и лейтенант Шматлай. Вот наконец и первое настоящее дело, в раскрытии которого поручил ему участвовать начальник управления. Работать вместе со «старичками» из управления придется, не иначе. А то ведь — два года как окончил высшую школу МВД, а все по мелочам.

Смешно подумать: голубей украли — пищи, мо-

пел увели — бегай. Белье с веревки сняли... Мокрое прямо, тоже ищи. Нашел он это белье: простыни, пододеяльники... Правда, начальник отдела втолковывал тогда, что и белье нужно найти, конечно, и мопед, и голубей тоже. Все, мол, важно. С голубей нередко все и начинается...

И еще думал Антон Шматлай о том, что хорошо вот так идти с серьезным заданием к себе, в свой кабинет. Хоть в маленький, но в свой, где стоит всего лишь стол, два стула и тумбочка с книгами. Раньше, в старом здании, сидел он с тремя коллегами. Ребята хорошие, опытные, но что ведь получалось? Ты, например, бумагу срочно пишешь, а напарник привел кого-то и допрашивает. Волей-неволей послушать хочется, интересно же, как говорит с человеком опытный товарищ. А то и два товарища.

Вот сейчас он будет допрашивать свидетеля, который первым увидел ту машину на грейдере. Будет допрашивать спокойно, в своем кабинете, и никто ему не помешает.

Конечно, после дежурства положен отдых. Да только он, Антон Шматлай, ведь не устал, ночь была спокойной.

В коридоре, усевшись на стул, ждал человек. Это был мужчина лет пятидесяти, в кожаной потертой куртке, сапогах и шапке-ушанке. Входя в кабинет, он посмотрел на свои пыльные, забрызганные чем-то белым, сапоги и осторожно ступил на паркет.

Лейтенант положил перед собой бланки протоколов допроса свидетеля. Допрос начался.

— Я, товарищ лейтенант, как вам уже известно, Свиридов Тихон Семенович,— начал свидетель.

Лейтенант кивком головы подтвердил, что это ему уже известно. И попросил:

— Только я еще раз прошу: говорите подробней, рассказывайте все с самого начала.

— Так и я то же самое говорю: надо с самого начала, чтобы во всем полная ясность была. Как вам тоже известно, работаю я шофером в совхозе «Узунбулак». Уже двадцать пять лет как из армии пришел, так и живу там. Тогда это колхоз был. До пенсии еще восемь годков. Зовут, правду ска-

а то механиком работать, да пока силен — сел, и кручу баранку. Так вот, товарищ лейтенант... Извиняюсь, а как ваше имя и отчество, если можно?

— Можно,— согласился Антон.— Зовут меня Шмаглай Антон Юрьевич, я инспектор уголовного розыска.

— Ну и вот, Антон Юрьевич, дело вышло так. Выпил я в воскресенье. С самого утра на свадьбе у племянника Витьки был, как тут не выпьешь? И поездок вроде бы не предвиделось. Часа так в четыре приходит экспедитор, наш совхозный Ельтай Байжумов. Подарок молодым принес. Рюмку выпил, а мне и говорит: «Не хотел я тебя, Семеныч, из компании уводить, а придется. В город поедем, мне в понедельник в сельхозтехнике надо быть». Я ему: «Ты что, здоров ли? Ведь при градусах я. Как можно?» Он и слушать не хочет. Уговорил меня. В девять часов вечера бросил я в кабину на сиденье тулку шестнадцатого калибра, патронташ. Я, между прочим, всегда ружьишко с собой беру. Дорога степью и лесом, глухая — мало ли что. Ельтай приходит с портфельчиком своим из желтой кожи. Поехали. Так-то я в норме, только во рту, ровно в погребе. Едем. Ельтай мне про город Бухару рассказывает,— был недавно там. Проехали мы степную дорогу, едем лесом. За лесом начинается грейдер, с километр-полтора всего, а потом асфальт, и от поворота до города — ровно двадцать километров, по столбам. Двигаем мы потихоньку, скоро лесу конец. Тут я говорю Ельтаю: «Знаешь, Байжумыч, на асфальт не будем ночью соваться. На восемнадцатом километре пост ГАИ постоянный, а от меня перегаром, понимаешь... Заночуем,— говорю,— в степи. Я знаю, там недалеко от опушки сено свежее есть. Там и остановимся, поужинаем под звездами». Ельтай опять свое. Ты, советует, чаем сухим зажуй: говорят, помогает. Да где там помогает! Даст сержант трубку такую в зубы, и дыши не дыши сразу все видно, что пил и сколько.— Шофер засмеялся:— Это я, конечно, так. Не приходилось мне, Антон Юрьевич, дышать в трубку и не хотелось бы, старый я, скажут: «Что ж ты, отец, с запахом за баранку лезешь?».

Так вот, сказал я про трубку, и согласился Ельтай, засмеялся, понял меня. Хороший он парень, Ельтай Байжумов.

Поредели сосенки, скоро опушка будет. Я там каждое дерево знаю. Сосну заметил, по которой весной бортом ударился. Занесло меня на скользкой дороге, фару тогда разбил. Вот и выехали мы на грейдер: он от шоссе до лесу только. Вдруг Байжумов толкает меня в бок, показывает вправо,— смотри, мол, вроде костер горит. Посмотрел я туда и обмер. У меня, понимаешь, глаз — телескоп. Это я сейчас, когда читаю, очки стал надевать — плюс два. А далеко хорошо вижу. Посмотрел, значит, туда, куда Байжумыч указывает, и жар бросило. «Какой,— говорю,— костер, беда там. Машина там,— кричу,— горит!»

И кладу руль направо, еду по целине. Командую, чтоб, когда остановлюсь, Байжумыч лопату в кузове брал да не подходил бы он, пока огонь не собью, бензобак пеной не залью: не взорвался бы. Два у меня огнетушителя пенных, на всякий случай. Пригодились, видишь. Саданул я пеной, быстро сбил пламя. Внутри там горело, огня не так много было. Это потом уж посмотрели, при вас, бак совсем пустой оказался. Покидали мы для надежности землей, я фонариком посветил, жужжалкой...

...На фронте я всякое видел. Война была. Стреляли людей, бомбами и минами рвали, танками давили. Так то война. А увидел в машине человека, труп вернее, на заднем сиденьи лежал лицом вниз, и нехорошо стало, сердце зашлось. Тут у нас такой разговор состоялся:

— В город,— говорю,— Ельтай, надо. В милицию.

— Надо,— отвечает,— езжай.

— А ты?

— Возьму твое ружье и спрячусь за сосной, покараулю. Мало ли что.

— А не боишься?

— Езжай,— говорит.— Ты лучше не в город, в Семиозерное подайся, туда ближе. Там участковый Криков.

И правда. До города мне по шоссе двадцать

километров, а до Семозерного — пять. Только в другую сторону. И опять же, если ехать в город поста ГАИ не миновать. А там, глядишь начнут расспрашивать, что и как, по пьянке померещилось. С перепоя, скажут, черти зеленые кажутся, перекрестись, мол...

Может, и неправильно я тогда размышлял, но принял такое решение: в Семозерное слу. Жал я, Антон Юрьевич, на всю железку. Участкового, майора Крикова Евментия Пахомовича, с постели поднял. Ну, а дальше вы лучше меня знаете...

То, что было дальше, Шматлай, конечно, знал. Только что конкретно? Он допросил человека, который одним из первых увидел результат преступления (а может быть, все-таки происшествия, несчастного случая?), составил протокол. Потом позвонил Смолиной. Она допрашивала Байжумова.

— Антон, вы? Уже побеседовали?— Смолина порой выражалась мягко: «побеседовали» вместо «допросили», например. Но могла быть и резкой. В зависимости от обстоятельств. Сейчас говорила спокойно, мягко, с видимой усталостью в голосе.— Хороший парень этот экспедитор. Я полагаю, пусть себе едут в свою сельхозтехнику. Как, не возражаете? Я так и думала. Пусть едут. Если выберете время, загляните ко мне, я еще у себя буду минут сорок. А потом домой. Надо же и отдохнуть...

Антон сказал, что зайдет непременно. Вот только бумаги приведет в порядок. А по правде говоря, из бумаг-то на столе был всего один протокол. Просто ему хотелось на несколько минут остаться одному, постараться осмыслить случившееся.

Он плохо знал окрестности города, работал, главным образом, в жилых массивах областного центра — в микрорайонах, в старых, доживающих свой век, кварталах с одноэтажными домами. А тут степь, опушка леса, бегущий из сибирских пределов тракт. Сориентироваться сразу трудно.

Антон достал карту области, довольно подробную. Слева внизу, почти в самом углу, красный неправильный многоугольник — областной центр. От него, почти по диагонали, извивается жирная красная линия с юго-запада на северо-восток. Это

ольшак. Антон прикинул по масштабу: вот здесь — двадцатый километр. Точно в этом месте с жирной красной чертой пересекается тоненькая («прочие дороги»,— написано в легенде карты). Это тот самый грейдер, по которому почти нет движения и на котором примерно в двух-полутора километрах от большака каким-то образом оказалась горящая «Волга». Грейдер, пересекая на двадцатом километре большак, образовывал крутую дугу и опять вливался в него. «Для засада в Шалкудук и тянули эту дорогу»,— решил Антон. Он прикинул опять расстояние между концами дуги. От двадцатого километра до того места, где грейдер вновь пересекался с большаком, было примерно пять километров. Это и хотел узнать Антон. Где-то посередине отрезка шоссе, соединяющего концы дуги, находился постоянный пост ГАИ. Значит, на грейдер, на то место, где оказалась «Волга», можно проехать из города, минуя пост. Достаточно проделать с десяток лишних километров, чтобы описать дугу, на вершине которой располагалось село Шалкудук.

Дело в том, что Антону не удалось выяснить некоторые подробности на месте происшествия. Людей приехало много, на трех машинах. «Газик» участкового Крикова из Семиозерного прибыл первым. Потом подкатила внушительная оперативная машина с возглавляемой полковником опергруппой, а вслед за ней — желтая «Волга» госавтоинспекции. С сотрудниками ГАИ прибыл дежурный следователь областной прокуратуры. У каждого своё дело: полковник хорошо распределил обязанности. Шматлай быстро пробежал по следам сгоревшей «Волги», шагами измеряя расстояние, нашел место, где машина свернула с грейдера на целину. Нужно было еще измерить расстояние от «Волги» до ближайших ориентиров. Беготни было много. Двигаясь по следам машин, Антон подсвечивал фонариком в надежде что-нибудь найти. Ничего. Только примятая трава. А тут полковник приказал ему и Смолиной отправиться в управление и допросить первых и единственных свидетелей — шофера и экспедитора, а по пути взять все сведения о прошедших за ночь машинах у работ-

нов ГАИ, дежуривших на посту, узнать, не проходила ли мимо «Волга» темно-коричневого цвета, без номерных знаков, которые, как определила Смолина, были сняты не так давно...

На посту дежурили лейтенант и старшина. Они были изрядно удивлены, тем, что в столь ранний час мимо них проскочила, не остановившись, машина с синим маячком-мигалкой, так же стремительно пронеслась желтая «Волга» ГАИ. Ночь, оказывается, и у них была спокойной. Автоинспектора аккуратно вели запись всех машин, проходящих мимо поста. Их было немного, все с номерами

— Контора пишет,— сказала тогда недружелюбно Смолина. - В четырех километрах от вас машина сгорела, за поворотом на грейдер.

Лейтенант смутился и, оправдываясь, сказал, что с поста грейдера не видно, лесок прикрывает.

Действительно, Антон это приметил —к востоку от грейдера, почти до самого шоссе, разрослась березовая роща. И ночь была пасмурная, дул северо-восточный ветерок. Огонь с поста трудно было заметить.

Смолина была одним из опытных сотрудников управления, работала здесь уже пятнадцать лет. Её знали все. Сорокалетняя худенькая женщина считалась асом по расследованию грабежей, разбойных нападений и автодорожных происшествий. Эти дела ей, в основном, и поручали.

Шматлаю не приходилось работать со Смолиной по какому-нибудь уголовному делу. Поэтому и знал он её мало, так — «здравствуйте — до свидания». И побаивался, как впрочем, побаивался вообще старших женщин. Не старых, а старших. Пожалуй, даже не побаивался, а смущался, терялся при них, считая себя все еще неоперившимся юнцом, делающим все не так, как надо.

Когда Антон вошел в её кабинет, она стояла у окна и листала книгу в зеленом переплете. «Трасология»,— прочитал Шматлай.

— Пришли?— Смолина положила книгу на стол.— Садитесь, Антон,— и сразу же к делу.— Следствие по убийству... Да, по убийству, это уже точно,— сказала она, заметив, как Шматлай удивленно поднял брови,— мне сейчас звонили из науч-

по технического отдела. Убит из пистолета «ТТ». Так вот, уголовное дело по убийству возбудила прокуратура, это её компетенция. Но искать-то вам, с вами, Антон. Мне сейчас звонил полковник.

«А мне никто еще не звонил»,— с затаенной обидой подумал Антон.

— Именно мы с вами. Потому что сейчас какое время? Время летних отпусков.— Она усмехнулась.— Только не для нас... В нашем отделе мальчиков всего ничего. Почти все в районах. У вас тоже не густо. Полковник так и сказал: «Крутитесь».

Антон вскинул брови и потерянно спросил:

— Как, на такое дело два человека?— он смутился еще больше.

— Да нет, Антон, будет опергруппа. Будет. Шеф на время участкового из Семиозерного подключил, Крикова, их там два участковых, дружина хорошая, есть внештатный помощник.

Антон вспомнил неожиданный ночной звонок полковника, удивление ответственного дежурного и спросил:

— Майор Криков? Это тот неприятный старик?

Смолина весело рассмеялась:

— Ну почему же старик? Ему всего пятьдесят четыре года. Всего. Для кого и много, а есть и такие, как этот Криков. Поработайте с ним, узнаете. И вовсе он не неприятный. Установлен владелец сгоревшей «Волги», некий Егоров.— Антон от неожиданности вздрогнул.— Вот, почитайте. Эти протоколы писали ребята из городского отдела.

Антон читал: «... когда угнали, не знаю... в период между 11 часами 18 июля и 6 часами 20 июля... никого не подозреваю...»

— Чушь какая-то,— сказал он.— А может быть, это он сам, а?

— Нет, исключено. Он действительно два дня был в гостях у родственников, это проверено. За ним числятся другие делишки. Для него, как говорится, беда пришла не одна. С ревизором. Но это потом. Вот что любопытно: в машине-то ведь был ключ! Заводской. А Егоров пользовался другим, самодельным. Говорит, что ключ потерял года два назад.

— Прямо склеротик какой-то,— усмехнулся Антон.

Да нет, тут не склероз, тут все просто и понятно. Обилие водки и вина. А о ключе следует подумать всерьез. К Егорову сейчас Крюков поехал с Аликом Булатовым из ОБХСС. Алик очень заинтересовался этим... гражданином. Ну и пусть, нам легче.

Негромко зазвонил телефон, Смолина слушала, кивала головой, говорила: «Хорошо... хорошо, еду».

— Сын звонил. Говорит, обед стынет, чтоб ехала...

Антон не поехал домой. Да и дома в полном смысле слова у него пока не было: снимал комнату. Квартиру, правда, ему обещают. В прошлом году, когда сдавали управленческий жилой дом, ему даже ордер на жилплощадь выписали. Но тут вдруг приехал старший лейтенант Булатов из высшей школы МВД, и квартиру Антон, не размышляя уступил: у Алика Булатова жена и ребенок, семья...

Шматлай пообедал в буфете.

У буфетчицы Клавы всегда можно было выбрать что-нибудь вкусное, питательное.

Клавой её называли с давних времен, когда она, лет двадцать пять назад, пришла на эту должность. Сейчас ей за пятьдесят. Она грузна. Побаливают ноги. Клава обычно сидела в своем белом халате где-нибудь в сторонке — летом у открытого окна, зимой — поближе к батарее и командовала, называя почти всех на «ты», но с обязательным упоминанием звания, если таковое имелось.

«Что, товарищ лейтенант (или подполковник, все равно), кушать будешь? Молочко холодное? Возьми в холодильнике. Пирожки с картошкой горячие. Бери, бери... Деньги положи, сдачу сам возьми...» Или: «Товарищ майор, а кто посуду уберет за тобой? Ну-ка, поставь тарелочку под кран»...

Никто не сердился на нее за эту добродушную фамильярность. Молодые пытались называть её Клавдией Николаевной, но это не прививалось, и она оставалась Клавой.

В новом здании под буфет выделили светлую просторную комнату на первом этаже, напротив дежурки, и Клава там блаженствовала.

— А вот и он, наш Антон!

Это вошел Алик Булатов с Криковым. У Алика была привычка говорить запанибрата, грубовато, и это не всем нравилось. Но сейчас Антон обрадовался встрече. Эти двое начали действовать, где-то уже побывали, что-то выяснили, Крикова лейтенант узнал не сразу. Ночью майор был в форме: в кителе с орденской колодкой и значком отличника милиции. Сейчас на нем были светлые брюки и новая белая рубашка-сетка с расстегнутым воротником. Выглядел он совсем не так, как в тот предрассветный час. Загорелый, подтянутый с выпуклыми мышцами. Антон не знал, что участковый на общественных началах вел в школе своего села спортивные секции. Он крепко пожал протянутую Антоном руку, и тот отметил быстрый взгляд, которым окинул его майор: цепкий, оценивающий и в то же время дружелюбный.

— А мы думали, что ты дома. Даже начальник тебя не искал,— говорил между тем Булатов.— А ты здесь на сливки нажимаешь. Что, может быть, пройдем к тебе? Ты ведь один сидишь. Полковник распорядился Евментия Пахомовича пока к тебе подселить.

Евментию Пахомовичу Крикову исполнилось пятьдесят четыре года. Биография его была обычной биографией фронтовика. На войне — с самого начала, и до конца. Несколько раз попадал в госпиталь, но возвращался в строй. Мечтал после победы стать сельским учителем. И действительно, несколько лет капитан Криков преподавал русский язык в начальных классах казахской школы, а по совместительству занимал должность военрука.

Не пошло у него это дело. Коллеги — в основном молодые девчата, с университетскими и институтскими ромбиками. А у него за плечами — оконченное еще до войны педагогическое училище. Не по характеру пришлась и размеренная учительская жизнь. Уроки по расписанию, школа и дом, дом и школа. А рядом, в городе — бывшие однополчане. Один из них — Дюсекеев Рашид — в управлении внутренних дел. В то время он был майором, начальником отдела уголовного розыска, а сейчас — полковник, возглавляет все управление.

Познакомился Крюков с Днепровским еще в сорок первом, осенью, в тяжелые дни отступления. Полковник и теперь часто вспоминает хмурый сентябрьский день на берегу Десны под Брянском. Рашид был тогда безусым красноармейцем первогодком, в первые же дни войны встретившим врага.

В тот, запомнившийся на всю жизнь, сентябрьский день было страшно. Где-то недалеко, как гром в весеннюю грозу, громыхала канонада. Когда кричали: «Воздух» — бросайся на сырую глину и не шевелись. Потом опять хватайся за лопату. Нужно было срыть последние перемычки в противотанковом рву. Копали его московские школьники (их вчера эвакуировали в тыл: фронт быстро приближался). Три метра в глубину, семь в ширину — по верху. Тяжелая и вязкая глина липнет к лопате, но они роют и роют...

Появился лейтенант — в каске, с «кубарями», нарисованными химическим карандашом на воротнике гимнастерки.

— Кончай копать, давай за мной!.. — крикнул.

Бежали по дну рва, потом долго лежали в неглубоких, наскоро вырытых окопах, в ожидании чего-то непонятного и страшного. На левом фланге, за лесом, раздались пулеметные очереди, часто защелкали винтовочные выстрелы.

Что там? Неизвестно.

Потом, когда стемнело, установилась тишина, лейтенант прошел по извилинам окопа, остановился возле Рашида. Неожиданно для него спросил по-казахски:

— Ты. казах, джигит?

Будто посветлело вдруг вечернее небо, нависшее над Брянщиной, будто не хмурый лейтенант с нарисованными химическим карандашом «кубарями» на вороте пропотевшей и сырой гимнастерки стоял перед ним, а родной брат. Рашид так и подался вперед. Но ответил четко:

— Казах, товарищ лейтенант.

— Откуда?

— С Иртыша...

— Добро, земляк,— сказал теперь по-русски лейтенант и пошел дальше, вглядываясь в лица

других юнцов. Вообще-то он и сам был немногим старше каждого из них...

Запомнил навсегда полковник и утро следующего дня, когда они переправлялись через Десну. Было холодно, мокрая стеганка не грела.

Опять подошел лейтенант. Рашид уже знал, что фамилия его Криков и он тоже казахстанец.

— Ну как, джигит? Замерз?

— Не замерз, товарищ лейтенант,— ответил Рашид, едва шевеля посиневшими губами.

— Правильно отвечаешь. А если и замерз, все ровно ничего не поделаешь.

Усвоил эту истину Рашид накрепко. Именно так надо выносить все невзгоды, воевать, бить тех, кто пришел непрошенным-незваным на советскую землю.

Поработал бывший командир разведроты Криков сельским учителем не долго, и однажды очень удивил своих коллег-учителей и особенно учеников, когда приехал из города в синей гимнастерке капитана милиции и объявил, что отныне он участковый уполномоченный милиции, так в то время называлась его должность. Потом закончил заочно юридический факультет, за хорошую службу получил «сверх потолка» звание майора. Из своего родного села уезжать не захотел, хотя и звали его в город.

В управлении внутренних дел Крикова знали немногие. Бывал он здесь не часто, только по вызову. Но Шматлай заметил, что резковатый, даже грубоватый порой Алик Булатов как-то особенно почтителен с ним. Как с отцом.

Криков полистал свою маленькую записную книжечку, сказал:

— Итак, машина «Волга» ГАЗ М-22, номерной знак 48—21 с индексом частного сектора. Мы сейчас установили точно, что принадлежит она Егорову, бухгалтеру базы «Торгплодоовощ». Но поговорить с ним не удалось. Напился пьяным. Лежит в гараже, с ломом обнимается. Жена сказала, что пришел из милиции, принес бутылку и опохмелился. Говорит, что пить стал недавно. Вот такие дела.— Криков помолчал, выбивая пальцем дробь по столу.

Потом продолжал: — Теперь об убитом, ведь вы не Вас Антоном зовут? Вы еще не в курсе. Опознать его пока не удалось. Лицо обезображено, карманы вывернуты и очищены с превеликой тщательностью. Однако ясно, что ему 27 лет и зовут его Семеном. Это зафиксировано на кисти левой руки. Заходящее солнце, якорь... «Сеня» и год рождения. На ногах тоже татуировка: «Они устали»... Обычные выверты... Здоровый был парень,— задумчиво добавил Криков.— Мог бы жить и жить...

Совещание у начальника управления было коротким. Он вообще все мероприятия проводил быстро и четко. А сегодня, он, кроме того, вылетает в Москву, начальство вызывает.

Теперь окончательно определился основной состав опергруппы, которой предстояло раскрыть дело,— его уже нарекли между собой «Туманом»: Криков, Шматлай, Булатов.

Полковник напомнил:

— Любого привлекайте. Любого. Два года у нас нет нераскрытых убийств. И это, чтоб не повисло. План хороший, работайте. Майор Криков, вы останьтесь.

Смеркалось. Во дворе управления играли в волейбол. Шматлай с Булатовым сели на длинную низенькую скамейку возле волейбольной площадки.

— Я сам напросился к вам в группу,— сказал Булатов.— Иментай меня поддержал.

— Иментай?— не понял Антон.

— Да, Криков,— засмеялся Булатов.— Евментай Пахомович Криков. Это его наши старики-односельчане называют Иментаем, мы ведь с ним с одного села... Понимаешь, я у него в школе учился, когда он еще учителем был. Потом дружинником стал. Он меня и благословил на эту, как пишут в газетах, трудную, но благородную работу, как и его самого наш полковник в свое время. Я не жалею... Без красивых слов. Только вот к вам, в уголовный, хочется. Не по мне это: недовес, обсчет. Хапнул, присвоил, дачу построил, «Волгу» купил.— Он опять засмеялся.— Кстати, насчет хозяина «Волги». Завтра же надо узнать поподробней, где он потерял ключ.

Вель чудеса. У хозяина ключик самодельный, ну вора настоящий, с которым «Волгу» с завода выдали.

Антон молча курил. Он силился представить себе, как это могло быть на самом деле. В мыслях возникали один за другим самые разнообразные варианты. Кто угнал машину — убийца или убитый? Может быть, вдвоем? Почему машина оказалась на глухом проселке? И, самое главное сейчас, — кто он, этот убитый? Знать бы...

Булатов вдруг сказал:

— Да, трудненько приходится сейчас ребятам из научно-технического отдела. Руки у этого Сени сильно обгорели, а отпечатки пальцев снять надо... Надо бы... Эх, Сеня, Сеня, кто ты такой?

Утром Шматлая разбудила квартирная хозяйка. Она тихонько постучала в дверь.

— Антон Юрьевич, вас к телефону.

Антон вскочил и удивился: проспал — было около семи. Звонил Алик Булатов, из управления.

— Привет, старик, хватит спать. Слушай печальную весть: славы не будет, она сама заявилась ночью в наш казенный дом к дежурному. И знаешь с чем? С повинной...

— А если серьезно?— спросил Шматлай.

— Совершенно серьезно. Приезжай в управление. Впрочем, данной мне властью высылаю за тобой машину. А чтоб ты не мучился, слушай еще: с повинной пришел убийца в четыре ночи. Такими вещами не шутят. Пей кефир и жди машину через десять минут.

В дежурке было весело. Алик рассказывал, что он мечтал прославиться, распутывая сложные завитушки следов, оставленные опасным преступником. Что согласен был поделить сладкое бремя славы с грозой квартирных воровок Шматлаем. Антоном Шматлаем.

Но вот теперь — опять двадцать пять: обвес, обсчет, обмер. И мелкая спекуляция. Это — для него, старшего лейтенанта Булатова. И для Шматлая работенка найдется. Вон в сегодняшней сводочке опять обворованный киоск числится. Взяли

ящик сигарет «Прима» и шесть килограммов кондитерских изделий.

Явившийся с повинной находился в помещении для задержанных. «Испорченное дитя второй половины двадцатого века, неправильно воспринял идеи научно-технической революции,— сказал Булатов.— И пояснил:— Зовут его Сашка. Александр Назаренко. Семнадцать лет. Это подтверждается справкой об освобождении из колонии для несовершеннолетних. Сидел за грабеж. При задержании у преступника изъяли обрез. Умеет водить автомобиль и мотоцикл».

Когда оперативники вошли в комнату, задержанный неохотно встал. Высокий, плечистый парень в синих джинсах, кедах и расстегнутой клетчатой рубашке.

— Здравствуйте,— сказал Антон.

Парень в ответ буркнул что-то непонятное.

— Местный?

— Да. Здешний...

— Из самого города?

— Точно, угадали.

— Земляк, значит,— сказал Антон.— Где проживаешь?

— В микрорайоне,— опять коротко и неопределенно ответил парень.

Разговаривать ему явно не хотелось. Антон не настаивал и вместе с Булатовым вышел в коридор.

— Каков ребеночек, а?— спросил Булатов.

— Да, такие при известных условиях беспощадней взрослых. И бездумней. Но ты мне все-таки расскажи...

— Что рассказывать? Все ясно. Подняли меня в четыре утра. Прихожу в дежурку, он уже показания написал. Убил, мол, с целью ограбления. Назвал место, время... Потом мы поехали с ним к реке и там, под мостом, он мне показал интересные штуки... Пошли к дежурному.

В дежурке Булатов достал из сейфа несколько аккуратно завязанных целлофановых мешочков. В них находились бутылки из-под розового крепкого и номерные знаки с цифрами «48—21».

Отдашь в научно-технический отдел для выявления отпечатков пальцев — и привет. Мы уже полковнику позвонили, в Москву, в гостиницу. Ночью разбудили. Рад, закрепляйте, говорит, показания. Конечно, будем закреплять. Ты, Антон, сейчас бери этого ребеночка и езжай с ним на двадцатый. Пусть покажет место. А я пойду побреюсь, да и отпрыска своего в детсад отвезу. Жена сегодня с восьми на работе.

Шматлай возвратился часа через два, сразу же вместе с задержанным зашел в научно-технический отдел, потом сдал парня под охрану и направился к Булатову. Тот встретил его нетерпеливым вопросом:

— Ну как, старик? Порядок?

— Порядок... Слушай, Алькен, когда ты учился, скажем, в восьмом классе, тебя оружие интересовало? Наганы, браунинги...

— А какого же пацана не интересует оружие? Интересовало, еще как.

— А в пистолетах ты в то время разбирался? Какие системы знал?

— Как тебе сказать... По книжкам.

— Какие?

— Ну, маузер, конечно. Оружие гражданской войны. Браунинг. Помнишь Гайдара — «Школа», «Судьба барабанщика»? Потом что? «ТТ» — Тульский Токарева. Это уже Великая Отечественная. Потом вальтер, немецкий. Это у шпионов. Да, кольт, спутник ковбоев. Наган тоже добрый, между прочим, револьвер. Я даже стрелял из него, когда в седьмом классе учился. У меня отец инкассатором в банке работал, с наганом ходил. Зачем тебе это?

— Понимаешь, я сейчас с этим, подозреваемым толковал. Он же говорит, что пистолет забросил в реку, возле моста, где вино пил с неизвестным ему случайным соучастником. Ну, я так, между прочим, будто, спросил, какой был у него пистолет и где он его взял. Где взял, говорит, дело прошлое. Нашел в общественной уборной. А в марках пистолетов, мол, не разбираюсь. Тогда я его повел прямиком в НТО, к Геннадию. Гена приличную коллекцию пистолетов собрал. Я и выложил десяток пистолетов:

набирай, какой у тебя был. Два «ТТ» положил, между прочим, вперемежку. Эх, видал бы ты как у этого парня глазенки забегали! И знаешь, что он выбрал? «Беретту»! Знаешь, какой? Калибр 9... Догадываешься!

— Знаю, итальянский. Компактная такая машинка... Длина 150 миллиметров, на четыре сантиметра короче «ТТ».

— Точно. И я сразу подумал, что из-за внешнего вида он и выбрал «Беретту». Понравился. Компактностью своей понравился. Пацаны, они долго от игрушек не отвыкают. Антон присел на краешек стола и сказал, пристально глядя на своего собеседника:

— Я так думаю, Алькен. Этот Назаренко не был на месте преступления и пистолета в руках не держал. Не может быть, чтоб спутал «ТТ» с «Береттой». Водил меня вокруг да около двадцатого километра и показал, наконец, обгорелый участок возле самого большака. Там, наверное, костер жгли. До места происшествия километра полтора на север. Я ему показываю другое место, подальше. «Все может быть,— говорит,— я пьян был. Не помню, как за грузовик прицепился и до города доехал. В кармане у того шоферюги-сообщника всего пятерка была, больше ничего»...

В это время в кабинет вошел Криков. Антон при виде его даже привстал от удивления. У майора отросла густая седоватая щетина. На нем были затрепанные штаны, несвежая рубашка. Грудь прикрывал засаленный галстук. Криков, казалось, сердито, даже недружелюбно смотрел на молодых людей — Шматлая и Булатова.

— Здорово, гуси-лебеди,— сказал он недовольным голосом.— Не найдется рублика два?

В открытое окно щедро вливался согретый июньским солнцем воздух.

Криков извлек из кармана помятую пачку «Памира», дрожащими руками кое-как зажег спичку.

Булатов захохотал.

— Ну и Евмений Пахомович! Цирк! Смотрите, у Антона глаза на лоб полезли.

Криков самовольно улыбнулся, аккуратно вло-

жил в пачку сигарету, из другого кармана достал «Казахстанские».

Шматлай смутился.

— Здорово, товарищ майор... Я не знал, что и подумать.

— Ладно, давайте ближе к делу. У меня новости. Помните кражу из магазина в совхозе «Кубань», в ночь на двадцатое? Так вот, взломщики приезжали к магазину на нашей «Волге».— Крюков сделал ударение на слове «нашей» — Это точно. Возле магазина остались четкие следы протекторов, и сомнений быть не может — на них есть приметная деталь, и она хорошо отпечаталась на глине. Следователь снял слепки, я смотрел и так, и так. Сходится.

Сказанное майором, конечно, произвело впечатление. Теперь менялось все представление о происшествии, вырисовывалась определенная цепь событий.

Угон «Волги» из личного гаража бухгалтера базы «Горплодоовощ» Егорова. Это первое. Следующее звено — кража со взломом. Конечно, это пока только предположение. Но предположение, подкрепляемое доказательствами. Четкие следы протекторов с характерными приметами возле магазина — это не шутка. И, наконец, убийство на грейдере. Звено последнее. Но последнее ли?

Правда, в камере предварительного заключения содержится сейчас парень, который пришел с повинной. На первый взгляд его доводы убедительны. Откуда бы знать этому самому Назаренко о том, что на берегу реки, под мостом лежат номерные знаки, снятые с похищенной у Егорова «Волги»? Откуда он мог вообще знать о происшествии на двадцатом километре? Бери этого Назаренко и передавай следователю прокуратуры. Пусть разматывает клубок... Ведь утверждает человек: «Я убил... Я снял номерные знаки с машины и спрятал под мостом. Я забросил пистолет в речку, потому что не собирался признаваться, а хотел скрыться. Сделал я все это по пьянке,— видите четыре бутылки по 0,75 розового крепкого выпил, вы сами тару подбирали и паковали в целлофан.»

Все это коротко изложил Крюков, который ус-

пел уже познакомиться с показаниями задержанного Назаренко и даже сумел увидеть его и побеседовать с ним. Знал он и о результатах вылазки Назаренко на двадцатый километр.

— Вот что, гуси-лебеди,— сказал Криков, врет этот парень. Такое бывает. И в Москву руководству звонили зря. Это ты, Алькен, горячая голова... Мое мнение: Назаренко, конечно, соучастник преступления, а иначе как бы знать ему то, что он знает? Но не убийца. Антон прав: на месте преступления он не был и пистолет в руках не держал... Помню, давно это было, я сам тринадцатилетним оболтусом выменял у такого же, как я, револьвер, «шпалер» тогда говорили. То была ржавая железка без щечек, ни рукоятки, ни пружины. Я мыл его в керосине, драл шкуркой, смастерил пружину и довольно искусно вырезал из дубовой доски щечки. Не успокоился, пока не узнал систему револьвера. То был забытый сейчас всеми «смит-вессон»,— Криков помолчал, вспоминал, как видно, что-то далекое, забытое.— Отобрал у меня тогда эту занятную игрушку отец. И сдал в милицию... Там сразу увидели, что криминала никакого нет. Несмотря на мои старания, «смит-вессон» был, конечно, не пригоден к применению: весь в раковинах, барабан не вращался. Лекцию мне прочитал уполномоченный НКВД. Интересно: до сих пор помню. Калашников была его фамилия, из первых чекистов. Помню, он говорил, что с удовольствием бы самолично вырыл большую яму и похоронил в ней все оружие, какое есть... Если бы в нем не было пока необходимости... Так для чего я вам рассказал эту притчу?— спросил Криков и сам же ответил:— Большинство мальчишек до определенного возраста любят оружие, интересуются им, мечтают о нем. Со временем это проходит. Любовь к оружию, как к предмету игр в войну, в партизан, разведчиков, в индейцев, сменяется серьезным к нему отношением. Но и в старшем возрасте у таких, как этот Назаренко частенько остается мечта иметь свой пистолет. У одних для самообороны, у других для нападения. Сколько я отобрал незаконно хранящегося оружия, но не встречал владельца, который бы не знал его системы. Однажды один шестнадцатилетний мальчишка,

участник воровской группы, когда я спросил, какой пистолет у них был, так и отрезал: «Парабеллум Борхард Люгер -08», калибр 6...» Так оно и было. Только самые безразличные, а скорее сказать — тупые — называют любой пистолет «дура», «машина»... А Назаренко — парень не глупый, сразу видно. Так что давайте думать и действовать. Вот ознакомьтесь со списком похищенных из магазина вещей.

Криков протянул листок Шматлаю.

Антон взял бумажку, на которой перечислялись часы, мужские, дамские, мужской костюм, транзисторный приемник, портфель.

— И все?— спросил Антон.

— Все,— ответил Криков и спросил в свою очередь:— Что, мало?

— Да нет... Тысячи на полторы наберется... Меня удивляют часы марки «Полет». Откуда они в сельмаге? Их не всегда купишь.

— Правильно подметил. «Кубанцы» собираются двадцатилетие совхоза отмечать. Наметили мероприятие — премировать передовиков. Вот завмаг и расстарался. Но тут вот еще что. Воры в магазине были недолго, но все перерыли, разбросали. Видно, деньги искали. Не нашли. Продавец воскресную выручку — почти две тысячи рублей — в мешок с мукой спрятал. Непорядок, конечно, надо представление писать... Я думаю, ворам деньги крайне нужны были. На прилавке коробка картонная стояла, там бумажками оставалось рублей пятнадцать, и мелочь. Все сгребли... Если бы деньги они не искали, тогда бы вещей больше взяли. Там были другие костюмы, получше, обувь хорошая, еще кое-что... Их машина ждала. Торопились, конечно.

Звякнул телефон, Булатов взял трубку:

— Узнал вас, Валентина Артуровна!.. Да, все у меня.... Маленькое совещание за круглым столом... Вот это здорово!... Идем.

К Смолиной пришли все трое.

Криков нетерпеливо спросил:

— Что у вас новенького, Валентина Артуровна? Опознали?

— Опознали. Ребята из НТО поработали. У убитого, сами знаете, руки сильно обгорели, но Геннадий сделал все отлично. И вот результат проверки. Читайте, Евмений Пахомович. Это справка учетного отдела, а это — адресного бюро.

— Добро,— Криков положил на стол бумажки.— Добро. Я даже и не думал, что все это так легко сделается.

— Улица Заречная, Заречная,— говорил Булатов.— Где же она, эта улица?

— Найдем, не проблема,— сказала Смолина.— Ну что же, распределим роли?.. Я думаю так: Антон, вы отправляетесь на Заречную, где живет мать убитого — Александра Захаровна Рыбина. Я считаю, пока открываться не надо, правда? Сориентируютесь сами на месте, смотря по обстановке.

Антон кивнул головой.

— А моя роль, товарищ режиссер?— скромно осведомился Булатов.

— Ваша? Вам идти к Егорову. Он сегодня трезв, я звонила на базу. Злой видно. Я не назвалась, просто спросила, можно ли выписать помидоры для столовой, так он послал меня к богу в рай. У него, говорит, не только что помидоры, даже ананасы растут... Ну, а Евмений Пахомович, видимо, знает, что делать,— Смолина критически осмотрела наряд майора.— Ничего, хорош. Как вас Алла Алексеевна терпит, не пойму.

Криков сказал опять противным голосом:

— Переживет. Слюбится — стерпится... Я прогуляться пойду. На рынке пиво завсегда свежее, с воблой пойдет.— Он действительно достал из кармана пиджака вяленую рыбину:— А на пузырь часы загоню,— и в руках появились допотопные карманные часы с крышкой и длинной цепочкой — «мозер» с чугунным механизмом,— пояснил он.— Но серебро. Купите, Валентина Артуровна, не прогадаете, вещь памятная. Реликвия, можно сказать: сколько лет уже у меня...

— Куплю,— серьезно ответила Смолина.— Подарю музею. Ну а я, други мои, если не возражаете, займусь Назаренко. Его надо срочно заставить говорить правду, пока не поздно. И этим надо заниматься.— Она положила на стол несколько

фотографий, на которых были изображены стреляные гильзы.

— Вот эта найдена в «Волге». А эти — в другом месте... Посмотрите на капсюль, на след бойка... Ну как?

— Пожалуй, что они обе из одного пистолета,— не сразу ответил Криков, разглядывая снимки в лупу.

— А что, Валентина Артуровна?— спросил Булатов.

— Да нет, это у меня пока догадки. Если подтвердятся, вечером скажу.

— Связь держим через вас, Валентина Артуровна,— сказал Криков.

Когда мужчины выходили из управления, майор пробормотал, вроде бы так, сам себе: «Должна она вызвать на откровенность парня. Она мастер входить в психологический контакт».

Шматлай нашел улицу Заречную. Она не зря носила свое название: начиналась от самого берега реки, обрывалась на городской черте.

Много ему еще придется походить по разным улицам, разыскивая разных людей, с разными судьбами, часто не сложившимися, неудачными, подчас трагическими. Это была первая улица в первом сложном деле, в раскрытии которого принимал участие лейтенант милиции Антон Шматлай. Шагая по неасфальтированной тропинке, вдоль арычка, он, конечно, не думал об этом. Но тогда уже знал, что посвятит всю свою жизнь тому, чтобы помогать людям избегать беды...

Шматлай начал свой обход за квартал до нужного ему дома. Он шел по дворам, листая домовые книги и паспорта, смотрел планы участков, задавая обычные в таких случаях вопросы. Прошло около часа, когда он подошел к дому № 45. Это было небольшое — два окна на улицу — частное строение, но с приусадебным участком. Шматлаю открыла калитку опрятная старушка, в руках она держала таз с огурцами. Видимо, на стук пришла из огорода.

— Здравствуйте,— Антон показал своё удостоверение.— Надо посмотреть домовую книгу. И план дома тоже.

— Можно показать,— сказала старушка, — почему же не показать, раз надо? Если и там, дом наш плановый... И книга есть, заходите.

Антон зашел в чистенькую комнату. Некрашеные полы выскоблены. Чистые половички, занавески на окнах, коврик-панно с лебедями...

— Вы одна живете?— спросил Антон.

— Одна, сынок, одна... Все разбежались, разъехались... Одна осталась я...

Антон перелистал домовую книгу. Записей много, но после каждой штамп — «выписан», «выписан»...

— Вот тут прописан был Смирнов Виктор Иванович, кто это?

— Квартировал у меня учитель. Молоденький такой. Два года жил, потом женился. Квартиру дали, съехал.

— А Рыбина Нина — дочь ваша?

— Да, дочка. Старшенькая. На целину с мужем подались, в Кустанай. Медсестра она, а муж на комбайне. И Ирина записана там, тоже дочка. Она в Свердловске живет. Инженер.

Шматлай слушал, а сам смотрел на записи, где значился Рыбин Семен Андреевич. Два раза записан. Два раза выписан.

— Семен — это сын ваш?

— Сын,— тускло ответила старуха.

— Тоже уехал?

— Уехал,— старуха безнадежно махнула рукой.— Недалеко тут он. На руднике.

Антон насторожился:

— Так, значит... на руднике? Работает там?

— Работает, шофер он, на самосвале, уголь возит. Да что толку-то? Что, говорю, толку, что работает? Сколько зарабатывает столько и тратит на зелье. А ты, что, сынок? Про Сеньку-то?— вдруг настороженно спросила старуха.— Ты же из милиции — значит, что с Семеном опять?

— Из милиции я, — тихо сказал Шматлай.— Вы уж меня извините, Александра Захаровна, но поговорить надо с вами о Семене...

Ему было тяжело. Сидит вот перед ним эта опрятная старушка, сложила на коленях руки и смотрит на него, Антона, тревожными, испуганными

Видимо, чует материнское сердце что-то недоброе...

Что же он опять натворил, Сенька, узнать хоть можно?

Проглотил Антон этот вопрос, ничего не смог ответить, сник перед этим горьким и отрешенным взглядом старухи. А она и не настаивала.

Я сама виновата, сама. Как бросил нас хозяин, муж-то мой бывший, Семену только тринадцать было. Пошла я тогда работать няней в детскую больницу, бывало и две смены работала. Чужих нянчила, а своего недоглядела. Как он первый раз взялся за ножик, порезал одного по пьянке, только тогда я спохватилась. Поздно, видишь, было, девятнадцатый ему шел, работал уже на автобазе. Год отсидки дали. Вернулся он. Я за ним глядеть тогда стала, шагу чтоб лишнего не сделал. А разве углядишь? Подался в Сибирь. Заработаю, сказал, денег привезу... Заработал... Заработать деньги везде можно, работай только. Тюрьму опять заработал, подрался там, год снова дали... Прислал из тюрьмы свою карточку. Денег попросил на табак. Послала я ему пятнадцать рублей.

Старушка смолкла. Антон достал было сигареты. Но тут же сунул пачку обратно в карман.

— Да ты кури, кури. У меня и муж курил, и Сенька табакур тоже... Приехал он в прошлом году, как раз на рождество. Пожил с неделю и на рудник уехал. Общежитие ему дали. Думала, за ум возьмется, да где там! Как приедет, так и пьяный...

— Александра Захаровна, а когда он у вас последний раз был? Давно?

— Нет, недавно. Позавчера был, в субботу... Пришел с каким-то...

— С кем? Вы не знаете его?

— А кто его знает? Мало ли кого он сюда водил? Мужик какой-то...

Антон заволновался, даже во рту пересохло.

— Но вы же его видели? Какой он? Александра Захаровна, расскажите, это очень важно!

— Да что рассказывать? В окошко только и видела, что двое они пришли. Стемнело уже, да и дождь тогда шел... Со спины только и видела. В плаще был и вроде в сапогах...

— Высокий?— перебил Антон.

— Нет. С Семена ростом, а то и пониже. Они из калитки сразу во времянку подались. Семен как приведет кого, так в избу не плет, во времянку поровит.

— В какую времянку?

— В огороде у нас на задах. У егоровского забора стоит. Когда этого дома не было, жили мы в той времянке.

— Что они там делали, Александра Захаровна, не знаете ли?

— Как не знать? Водку пили, что еще? Зашел Сенька ко мне, десятку до получки попросил. Нету, говорю. А он кричать: «Сыну родному жалко? Ты же огурцами наторговала, в чулок прячешь?» Пожалела, дала десятку. Пришли они и говорит: «Мы, мать, с товарищем затемно уйдем, в рейс надо. Так ты не беспокойся. И правда, гляжу утром, никого там нет, во времянке. Только бутылки на столе и накурено страсть.

— Бутылки? Где они, бутылки?

— Да что ты, сынок, схватился? Сдала бутылки. У нас в магазине на товар их принимают. Восемь штук было из-под водки и пива. Так сахару я песку килограмм взяла. Одну, правда, бутылку не приняли. Она не наша, заграничная, что ли. Длинная такая. Я её под постное масло приспособлю. Да вот она стоит.

Шматлаю нужна была бутылка. Но ему нужна была и фотография Семена. И письмо, которое он прислал из колонии. И он попросил все это. На время, сказал. И тут же в душе обругал себя мягкотелым хлюпиком... А в уме — как гвоздь до боли: «Ведь мать она... Ведь не знает еще всего... Ведь позовут её скоро...»

Шматлай нервно провел рукой по шевелюре.

Старушка порылась в допотопном комоде и подала Антону конверт.

— Там письмо и карточка тоже. Берите, раз надо... Про Сеньку только сообщите, если что.

— Сообщим,— через силу сказал Шматлай.— Только вы мне еще времянку покажите...

«Там же остались окурки, а, может быть, еще что»,— думал Антон, шагая вслед за хозяйкой по протоптанной между грядками дорожке.

Во времянке стояли застланная байковым одеялом раскладушка, дощатый стол на ножках-крестовинах и две табуретки. Под потолком висели сухие березовые веники и пучки какой-то травы. Земляной пол был чисто выметен, некрашеный стол выскоблен добела.

— Прибралась я здесь после них. Полную тарелку окурков выкинула.

— Куда выкинули?— с надеждой спросил Антон.

— Куда же еще?— удивилась старуха.— В мусорный ящик. Теперь у нас удобство есть — на углу ящик железный поставили, туда мусор кидаем. Не накапливаем. А ящик машина каждое утро увозит... Вот только пачка папирос осталась.

На узеньком подоконнике лежала коробка от папирос «Казбек».

— Это сын ваш такие курит?

— Нет. Сенька сигареты курит, эти, как их, в красных пачках... А коробок, наверное, того, что с Сенькой был.

Времянка стояла в самом конце огорода, вплотную с низеньким потемневшим от времени забором, за которым начиналась другая усадьба. Там высился кирпичный дом под выкрашенной зеленой краской жестяной крышей.

— Хороший дом,— сказал Антон. Сказал так, лишь бы не молчать.

— Хороший,— охотно согласилась старушка.— Только вель у каждого своё. У них тоже горе, у Егоровых, в хорошем-то дому. Машину у них мазурики украли. В воскресенье...

Смолина первничала.

— Где вы пропадали, Антон? Есть новости? У меня тоже. Выкладывайте сначала свои. Только коротко, самую суть. Я в цейтноте.

— Суть так суть. Егоров сосед Рыбиных.

— Знаю. Булатов установил, что ключ от машины Егоров не потерял. Он сам два года назад дал его Рыбину. Вспомнил об этом, когда Булатов рассказал, что с помощью его «Волги» совершено два преступления. Еще что?

— Семен Рыбин жил на рудинке. Работал на топливной базе.

— Что? На топливной базе? Антон, да это... Ну хорошо, что еще?

Лейтенант выложил на стол свои трофеи.

— В субботу вечером Рыбин явился в дом своей матери с каким-то неизвестным. Данных о нем нет. Знаю только, что ростом невысок, значит, не Назаренко. Оба ушли ночью. Пили много, из этой бутылки тоже. Такие папиросы курил неизвестный. Стало быть, он не молод, пацаны курят сигареты. Я достаточно популярно излагаю? Элементы логики есть?

— Хорошо.— Смолина тщательно осмотрела со всех сторон почтовый конверт, фотографию, прочла письмо... Усмехнулась невесело:— И это писал сын: «С приветом с холодного севера... Вышли деньги».

Она положила документы на стол.

— Ну, ладно, к делу. Бутылку и коробку сдайте в НТО. Узнайте, есть ли в торговой сети города — в магазинах и ресторанах — папиросы «Казбек» фабрики «Ява». А теперь — главное: Назаренко сознался, что взял на себя чужое дело. Остальное я могу только предполагать, потому что Назаренко больше ничего не сказал. Он запуган кем-то до шока. А предполагаю вот что. Этот — «кто-то», убивший Рыбина, заинтересован в том, чтобы пустить розыск по ложному пути, во всяком случае, затянуть время. Пожалуй, этот человек бежал из колонии. Или скрывается от следствия. Основания? Есть основания. Назаренко меня спросил, обязательно-ли и как тщательно разыскивают человека, который, как он сказал, «ушел от тюряги». Я привела ему несколько примеров, и он слушал с большим вниманием. Он же мальчишка, у него очень несладкая жизнь. Антон, теперь вам надо с ним поговорить, я свои возможности исчерпала. Сегодня мы должны знать все, что знает Назаренко. Но прежде просмотрите ориентировки о нераскрытых преступлениях за последнее время. Обратите внимание на побеги, нераскрытые убийства. Помнится, недели две назад была ориентировка. Там еще кличка такая необычная... Пос-

смотрите, в общем, потом поговорим. Мне надо остаться одной, чтобы уяснить кое-что.

Позвонил Криков:

— Валентина Артуровна? Говорю из автомата. Запомните: пивной ларек № 26 на Рыночной улице. Знаете? Хорошо. Скажите Булатову, что буфетчик — его тезка, между прочим,— по ходовой цене купил час тому назад часы «Полет». Новенькие, прямо из магазина. Пусть заинтересуется немедленно. Еще просьба. Я тут пиво пью с одним другом. Вы меня хорошо слышите? Все понятно? Тогда бегу, до скорой встречи...

Когда Булатов с двумя оперативниками из городского отдела уехал на Рыночную, Смолина позвонила Шматлаю:

— Вы еще у себя? Что новенького?

— Читаю ориентировки. Пока что ничего.

— А я поехала в прокуратуру, а потом — на рудник. Приеду — позвоню.

Шматлай листал ориентировки. Они поступали из различных уголков страны... Вот в Одессе кого-то ограбили, преступник скрылся... Разыскивается злостный неплательщик алиментов... Кража из железнодорожных контейнеров... Еще ориентировки, еще и еще... Почти все в последующих сводках отменяются. Значит, преступления раскрыты.

...Убийство и нанесение тяжких телесных повреждений. Преступник скрылся. Подозревается в совершении преступления некий Чернов Николай Андреевич, 32-х лет, ранее судимый, кличка — «Коля Косматый». Установлена колония, где он отбывал последнее свое наказание за грабеж и нанесение телесных повреждений... Приметы...

Антон не сразу уловил связь между этой ориентировкой и сегодняшней беседой с матерью Семена Рыбина. А когда понял, его охватило волнение. Адрес! Адрес колонии, где отбывал срок этот «Косматый». Там два года назад отбывал срок Рыбин.

Антон еще и еще раз прочитал ориентировку. Приметы: рост метр шестьдесят два. Коренаст. Волосы темные. Лицо круглое, смуглое, шея коротка. Особые приметы: на левой руке нет ми-

зница. Татуировка на левом плече: солнце, чайки, надпись — «Коля Косматый».

«Так, так. Теперь мы знаем кого искать»,— думал Шматлай. Он набрал номер телефона дежурного:

— Шматлай говорит. Мне срочно надо в следственный изолятор. Разгонная машина есть?

Задержанного ввел в комнату следователя пожилой прапорщик. Молча козырнул и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Назаренко стоял вытянувшись, по-военному.

«В колонии выдрессировали»,— подумал Шматлай и сказал:

— Садись, Александр. Хочешь, закуривай.

Он положил на стол сигареты.

— Бросил, гражданин следователь...

— Это хорошо, что бросил. А почему говоришь «гражданин»? Почему не говоришь «товарищ следователь?»

Парень чуть заметно встрепенулся. Антон приметил быстрый обрадованный взгляд.

— Что, задержали?..

— Это ты про «Косматого»?— равнодушно откликнулся оперативник.

— Поймали, значит? Скажите!

— Постой, постой, Саша, не торопись. Ты же знаешь, что меня спрашивать не положено. Я тебе обещаю, что расскажу все, когда ты отсюда выйдешь. Я уверен, что это будет скоро.

Назаренко вдруг сник. Потух мелькавший в его глазах огонек. Они стали тусклыми, безразличными. И он сказал:

— Меня нельзя туда... на волю... я боюсь, товарищ следователь.

«Проигрался в карты, обязан стать подставным лицом»,— понял Шматлай. Он уже имел дело с такими парнями, как этот Назаренко. И не раз перед ним сидели «охотники» за ондатровыми шапками, похитители велосипедов и даже автомобилей. Допрашивал он и парней, искаженно понимающих романтику: любителей «побалдеть» в подъездах, покуражиться над прохожим, беспричинно избить кого-либо. Он видел наглых, бессмысленно жестоких, склонных к мелкому хулиганству

и пом. Такие с дикими воплями переворачивают скамьи в парках, бьют плафоны на улицах, срывают телефонные трубки. Пойманные за руку, они поначалу ведут себя так же нагло, дерзко, с вызовом.

А вот когда поймут, что с ними не шутят, что им грозят немалые неприятности, сразу сникают, становятся слезливыми и жалкими. И это понятно. Такие юнцы растут, как правило, во внешне благополучных семьях, где есть, казалось бы, все — пища, одежда, магнитофоны. И жизнь по принципу: «однова живем!» Повидал таких Антон.

Назаренко не был таким. Он случайно попал в беду.

— Проигрался, значит... Ну ладно, это, как ты сам говоришь, дело прошлое. Как — не спрашиваю. Где — тоже. Воспитывать сейчас не буду. Для твоей же пользы ты должен сказать, чье дело взял на себя, кто тебя заставил? Повторяю: для твоей же пользы...

Назаренко с минуту о чем-то думал. На его лоб, прикрытый челкой, набежали морщинки. Он немного успокоился. Потом сказал:

— А вы знаете, гражданин следователь, что мне будет, если я на них сыпану?

— Слушай, Александр, ты без жаргона можешь? Я понимаю все твои словечки. Но не люблю, ясно?

— Ясно. Не буду. Так вы скажите: знаете, что мне будет, если я их... продам?

— Знаю. Ничего не будет. Да разве это предательство — разоблачать убийцу? Соображай, парень, соображай...

— Гражданин следователь,— медленно заговорил Назаренко.— Я отбыл срок. За дело. Ну, было. Дружки были разные. У пацана часы сняли. Дали полтора года. Так я же работал, девятый класс в колонии кончил. На полгода раньше отпустили. А потом? Дальше что? Попрекают: тюремщик, бандит...

— Кто попрекает?

— Мачеха... Отец тоже. Сам глаза заливает, а я — бандит. Ушел я, хотел в Норильск податься.

Там у меня сестра старшая. Приехал сюда, домой не пускают. Денег нету... А здесь эти...

Он вдруг резко встал со стула, скинул свою клетчатую рубашку.

— Смотрите, гражданин следователь. Вот... и вот. И здесь...

На плечах и предплечьях парня выделялись темно-фиолетовые, местами багровые синяки.

— Кто это тебя?

— Он, Косматый. Пьяный был. Иди, говорит, только почью иди. Признайся и держись пять дней, не меньше. А то, смотри, говорит. И руки-ноги выворачивал, как клещами.

— И ты терпел?

— Я б ему, гаду, дал, хоть он и здоровый... Да их же двое было.

— Двое?— Антон положил на стол фотографию Рыбина.— Второй этот?

Назаренко внимательно посмотрел на снимок, отрицательно покачал головой.

— Нет. Не этот. Этот молодой, а тот, второй, старик. Лет сорока, не меньше. Но тоже здоровый... Давайте, гражданин следователь, пишите. Все расскажу, что знаю.

Через час Шматлай сдал задержанного тому же пожилому прапорщику. Уже в дверях Назаренко остановился.

— Можно вопрос, гражданин...— Шматлай укоризненно на него посмотрел, и парень поправился,— товарищ следователь?

— Спрашивай.

— Сегодня вызвала меня следователь Валентина Артуровна. Правда, что её мужа бандиты убили?

— Этого я не знаю. Мало с ней знаком.

— А она добрая...

Через несколько минут Антон был в управлении. Ни Смолиной, ни Крикова с Булатовым на месте не оказалось.

— Кто из руководства есть?— спросил Шматлай дежурного.

— Полковник у себя. Прилетел раньше, чем предполагалось, другим рейсом... Прямо с аэропорта — в управление.

И еще через несколько минут в кабинете началь-

[illegible] В [illegible] [illegible] пишущие машинки. Найти [illegible] приметы предполагаемого убийцы, ориенти-[illegible]

В городе опасный преступник. Он вооружен. Задачи поставлены коротко и четко: перекрыть аэропорт, вокзал, шоссейные дороги, пересекающие город. Усилить наряды ночной милиции и подвижные моторизованные группы. Бдительно охранять магазины и склады.

— Теперь ищите,— жестко сказал Антону полковник.— Обо всем докладывать мне. Вы свободны.

Смолина вернулась из горняцкого поселка около шести, когда кое-кто в управлении уже опечатывал сейфы. С нею был молоденький лейтенант. Он достал из багажника «Жигулей» потрепанный черный чемодан и прошел вслед за Смолиной в её кабинет. Сразу же она позвонила Шматлаю.

— Знакомтесь,— сказала она, когда Шматлай явился.— Это лейтенант Арутюнов, участковый инспектор рудника. Лейтенант козырнул.

Шматлай подал ему руку, представился.

— Мы сейчас обыскали комнату в общежитии, где жил Рыбин. Вот все его пожитки.— Смолина указала на чемодан.— Но сначала расскажите вы. У вас слишком самодовольный вид. Смотрите, не возгордитесь, это вредно.

Шматлай коротко рассказал.

— Так, хорошо... Даже здорово! Ну-с, посмотрим показания Назаренко.— Она внимательно читала, аккуратно откладывая исписанные четким почерком Шматлая листки.— Здорово,— сказала она еще раз.— Значит, второй, вернее, первый, с которым познакомился Назаренко и которому проигрался,— пожилой, с лысиной и золотыми коронками? А прочтите-ка это,— она достала из папки мятый обрывок бумаги в клеточку.

«Буду скоро. За фиксатым чистая хата. Скажи. Достань сучок: хоть сдохни».— Вот что прочитал Антон, и брезгливо положил обрывок на свои бумаги.

— Это я нашла в чемодане Рыбина. Ну ладно, остальное расскажу позже. Вы обедали, Антон? Да? Молодцом. А мы нет, с утра во рту ни крошки.

Нейлем к Клаве, пока она не закрыла. Вы подождите здесь, почитайте протоколы. Может быть, и наши дадут о себе знать.

Но пришел только Булатов. Был он необычайно молчалив, даже угрюм. Положил на стол несколько фотографий, на которых был запечатлен мужчина в белой капроновой шляпе.

— Где Валентина Артуровна?— спросил Булатов.

— Сейчас придет.

Помолчали. Антон перебирал фотографии. Булатов барабанил по столу пальцами, казалось, бездумно смотрел в окно, на голубое — без единого облачка — небо.

— Боюсь я за Имеитая... Ушел он с этим,— он показал на фотографии,— пока я возился со своим тезкой-буфетчиком. Аликом его зовут. Часы он купил новые «Полет» в золотом корпусе. За восемьдесят рублей.

— Как узнал?— с тревогой поинтересовалась Смолина.— Буфетчика не вспугнул?

— Профессиональная тайна. Да вы не беспокойтесь, он, тезка мой, о часах и думать забыл. Он ведь водкой торговал на разлив из-под прилавка. Я ларек опечатал. Сейчас у него другие заботы... Меня вот майор беспоконт.

— Все будет в порядке,— сказала Смолина, но Антону показалось, что сказала она это не очень уверенно.— А пока давайте подводить итоги. У меня ведь есть еще новости. Мои догадки о пистолете подтвердились. Помните, я показывала фотографии гильз? Теперь слушайте внимательно. Месяц назад я возбудила уголовное дело по факту ограбления охранника Угарцева на топливной базе. Поздно вечером на железнодорожной ветке, прямо на полотне, его оглушили ударом по голове и сняли ремень и пистолет «ТТ». Следов никаких. Но у Угарцева сохранились стреляные гильзы: он иногда тренировался в тире. В машине, в которой был убит Рыбин, тоже нашли гильзу. Мы их тщательно изучили. Стреляны они из одного пистолета.

— Дела-а,— протянул Булатов.

— Да, дела. Послушали, мальчики, теперь посмотрите.— Она открыла стоявший в углу чемодан

и бросил на стол потертую, видавшие виды кобуру. — Вот вам и разгадка по делу об ограблении Угарцева на топливной базе. Рыбин честно выполнил приказ: «достань сучек — хоть сдохни». Ясно? Мне ясно это стало, когда Антон сообщил, что Рыбин жил на руднике и возил уголь. Но ехала я на рудник без особой надежды. А тут сразу — и записка, и вот эта кобура...— Булатов и Шматлай слушали, стараясь не пропустить ни слова. А Смолина продолжала:— И это еще не все. Рыбин в прошлую пятницу забрал свой паспорт, который находился у коменданта общежития. Сказал, что хочет записаться в библиотеку.

Некурящий Булатов взял сигарету, прикурил и закашлялся.

— Черт возьми,— сказал он,— теперь можно строить железную версию.

— Можно,— подтвердила Смолина.— Начнем? Кто смелый?

— А если я попробую?— подал голос Шматлай.

— Давай, Антон.

Антон начал не сразу.

— Угарцева ограбили месяц тому назад. Значит, записка Рыбину доставлена раньше. Кем, мы пока не знаем, но это сейчас не очень важно. Рыбин выполнил приказ — добыть пистолет. «Косматый» появился у Рыбина не раньше чем в прошлую пятницу. Почему так думаю? Валентина Артуровна добыла данные о том, что Рыбин до пятницы исправно работал, не пил, ночевал в общежитии. А в пятницу вдруг ни с того, ни с сего забрал свой паспорт и пошел...

— Записываться в библиотеку,— вставил Булатов.

— Правильно. Куда пошел Рыбин в пятницу и где он был днем в субботу, мы пока не знаем. Знаем, что вечером в субботу они были в доме № 45 по Заречной.

Ночью угнали «Волгу». Тогда шел дождь...— Шматлай помолчал.— Тут опять пробел. Куда они дели машину на воскресенье? Вечером без номеров подъехали к магазину совхоза «Кубань». Это вот здесь,— Антон показал на вычерченный им план,— в селе Шалкудук. Я еще в первый же день думал,

что путь машины лежал именно по этой дороге. Иначе не миновать поста ГАИ на восемнадцатом километре.

Теперь дальше. Обокрали они магазин. Думаю, Рыбин его заранее присмотрел. Он местный и располагает транспортом. Рассчитывали найти там деньги: у них не было ни копейки. Помните, Рыбин у матери выпросил десятку? А потом все просто. Косматый убивает Рыбина. Ему нужны другие документы: паспорт, шоферские права, свой он засветил там, в бригаде шабашников и отлично понимает это. Почему убийца поехал по грейдеру? Думаю, это понятно: по шоссе ехать побоялся. Отогнал машину в сторону, поджег её, чтобы замести следы. А сам вернулся на большак и с первым же грузовиком уехал в город. Машин по большаку ходит много... Ведь и розыскная собака тогда только до тракта довела.

— Ничего,— сказала Смолина,— элементы логики есть. Детали будем уточнять потом. Ну, а Назаренко? Как с ним быть? Зачем его послали к нам с повинной?

— Да, с Назаренко еще нужно разобраться. Тут много неясного. Конечно, послали в расчете на то, что запуганный парень не скоро откроет истину. Во-вторых... во-вторых, парня ведь поймал на проигрыше в карты лысый с золотыми зубами еще до появления «Косматого». Это же, видимо, и есть тот «фиксатый», за которым числилась «чистая хата».

Булатов взял со стола стопку фотографий, выбрал одну, где неизвестный скалил в улыбке крупные зубы.

— Ну-ка, посмотрите... Явно с «фиксами». И шляпу такую обычно лысые носят. Чтобы солнцем макушку не припекало. С ним и пошел Иментай. Эх, что же он не звонит?

— Значит, нельзя,— попробовал возразить Шматлай.— Беспокоится нечего. Он же вооружен...

— Какой там вооружен,— Булатов огорченно махнул рукой.— Пистолет у меня в сейфе оставил...

Смолина молча собрала фотографии, вложила их в конверт.

— Вы пока побудьте здесь,— сказала она.— Я

посадил в следственный изолятор. Если Крикун объявится, звоните туда дежурному.

Когда Смолина ушла, Шматлай спросил Булатова:

— Скажи, Алькен,— он впервые назвал его так,— у Смолиной что, действительно мужа убили?

— А ты не знал? Он в уголовном розыске работал. Убили при задержании рецидивиста. Валентина тогда еще студенткой была, сын у нее маленький остался. Сейчас уже в институте учится.

— А я думал...

— Что?

— Да так...

Шматлай не поехал в этот вечер домой, позвонил хозяйке, что остается на работе. «Что-нибудь случилось, Антон Юрьевич, приедете поздно?— забеспокоилась она.— Так вы не стесняйтесь, разбудите, я ужин разогрею». Антон поблагодарил, сказал, что останется на внеочередное дежурство.

Смолина вечером пробыла в следственном изоляторе недолго. Сказала, что Назаренко по фотографии узнал того лысого, но сообщить о нем ничего не мог. «Наверное, барыга и наводчик. И кличка у него «Барыга»,— сказал парень.

Антон, не зажигая света в кабинете, стоял у открытого окна, через которое доносился шум большого города: шуршание машин по асфальту, далекая музыка из парка, говор людской толпы. Вечерами, после знойных и душных дней, на улицах города много гуляющих.

«И в этом городе находится некий Чернов, он же «Коля Косматый»— бывают же такие клички!— подумал Шматлай.— Не легко, конечно, будет обнаружить на коробке от папирос «Казбек» отпечатки пальцев, но ребята из научно-технического, несомненно, постараются, и завтра, если их труд увенчается успехом, будет известно, была ли эта коробка в руках «Косматого». Кстати, папирос «Казбек» фабрики «Ява» ни в одной торговой точке не оказалось, это удалось легко установить. Куплены они были, скорее всего, в вагоне-ресторане.

Знать бы, где находится проклятая «чистая

ная малина» на окраинной хате, а хозяйка — жадная на мелкие подачки бабка, бывшая воровка или спекулянтка. А может быть, «чистая хата» — это квартира в новом благоустроенном доме, где живет человек, понавший в зависимость к лисому и «фиксатому» барыге. Кто его знает? Словом, сидит сейчас этот бандит Коля на «чистой хате», пьет водку и обдумывает свои планы. Какие? Опять-таки, это старая песня. У скрывшегося преступника одна мысль: ограбить хороший магазин (склад, квартиру, а еще лучше — сберкассу) и опять замести следы. Кражу в магазине совхоза «Кубань» преступник считал своей неудачей. Часы, конечно, вещь хорошая, но ему сейчас, несомненно, нужны деньги, с которыми можно уехать подальше, спрятаться понадежнее.

«Продержись не меньше пяти дней!» Так преступник приказал Александру Назаренко. Сегодня заканчивается второй день. Вот почему на вокзале, на автотрассах, в аэропорту дежурят усиленные наряды: улицы всего города патрулируют работники милиции. Хорошо проинструктированы и посты. А где-то в этот поздний час находится майор милиции Евментий Криков.

Ничего не придумав, Шматлай пошел вниз, в дежурку. Она была ярко освещена. Дежурный говорил по рации.

— Я —«Дон-восемь», я —«Дон-восемь»... Пятьдесят восьмая, как меня слышите? Прием...

Пятьдесят восьмая откликнулась сразу, будто была рядом.

— «Дон-восемь», я — пятьдесят восьмая, слышу вас хорошо. Нахожусь в квадрате Б-два. Прием...

Рация смолкла, тихонько шипя и потрескивая.

— Полковник недавно звонил,— сказал дежурный Шматлаю.— Сказал, что он скоро сам приедет. Учти — не в духе...

В это время в дежурку вбежал Булатов. В руках сверток. Сразу к дежурному:

— Вызывайте эксперта Абишева. Он лучший спец по отпечаткам. Срочно!..— И только потом увидел Шматлая.— Все в норме. Старик у меня,

стерлок, — бутылка из-под «экстры», стакан и окурки от папирос «Казбек» фабрики «Ява». Мы... ковское.— Булатов радостно засмеялся.— На бутылке, понимаешь, четкие отпечатки, лучше не придумаешь. Тот, в плаще, селедку ел и селедочными руками за бутылочку... за стаканчик. Злорово? Экспертам не придется долго работать.

В дежурку вошел начальник управления. Он явно был не в духе.

— Где Криков?— с ходу спросил он.

— Скоро будет, товарищ полковник. Он у меня. Ванну принимает. Скоро будет,— отрапортовал Алькен.

— Ванну...— сердито буркнул полковник.— Как только явится — сразу ко мне.— Круто повернулся к Шматлаю:— Все материалы по делу принесите мне. Вы оба будьте здесь.

Шматлай отнес документы, коротко доложил о последних новостях и вернулся в дежурку. Здесь уже был Криков. От него, чистенького, выбритого, резко пахло одеколоном «Красная Москва». Шматлай крепко пожал руку и выразительно показал пальцем вверх.

— На ковер?— серьезно спросил Криков.— Что ж, я, пожалуй, пойду.

Через несколько минут зазвонил телефон. Внутренний, от начальника. Дежурный, выслушав, сказал:

— Вы свободны. Полковник приказал отдыхать. Завтра в восемь сорок пять быть у него.

— Ну что ж, Антон, пошли ко мне. Раскладушка стоит на балконе. Полковник Крикова, конечно, не отпустит... Пошли.

Уже на лице Булатов сказал:

— Ты понимаешь, Антон, как бы это лучше сказать?.. Я волновался, конечно... Я же знаю старика вот с таких,— он показал рукой,— вот с таких лет. Во втором классе я у него учился. Потом участковым у нас стал. Научил меня мотоцикл водить, машину... Многому научил. Я привык видеть в нем всегда учителя. Ну, как в книжках пишут — доброго, строгого и взыскательного друга. А вчера, возле пивного ларька стоит с кружкой, как будто не

он. Чуть не обнимается с этим, в шляпе. Видел он меня. Посмотрел равнодушно, и отвернулся. И с равнодушно мне стало. Все-таки возраст уже у него... А тот, с золотыми зубами, куда моложе. И здоровый...

Утром следующего дня, в половине девятого, на дежурство по управлению заступил капитан Утешев.

Когда в дежурку вошли Булатов и Шматлай, он говорил по телефону:

— Диспетчер! Кто? Зина, здравствуй! Я Утешев. Зина, две машины в мое распоряжение... Да, никому. Тридцать пятую держи на приколе. Тоже никому... Да особого. Ясно?

Он положил трубку.

— Здорово, сыщики. Слышал, дела идут. Везет некоторым. У полковника сейчас эксперт из НТО и Смолина. Сам в половине восьмого приехал, в восемь начальников отделов собрал. На инструктаж.

— Как ночь прошла?— спросил Шматлай.

— Ничего. Тихо... Вот, читайте...

В справке значилось: Столкновение (раскрыто)... Хулиганство (раскрыто). Угон автобуса (раскрыто)...

— А автобус кто угнал?— поинтересовался Булатов.— На кой автобус понадобился?

— С автобусом смех... Бывает же. Пацан угнал, сын шофера из автопарка. Десять лет. Вчера это было, в двадцать часов. С шестого маршрута автобус. Во время отстоя водитель и кондуктор пошли в столовую, а машину за углом оставили. Выходят — автобуса нет. Они туда-сюда, нет машины! А на углу Мира и Первомайской орудовец смотрит и глазам не верит, идет автобус без водителя! Он даже испугался. Ну, на мотоцикле догнал, остановил все-таки автобус... Пацана того и не видно было, такой малыш. Хорошо еще, все обошлось... Отец сам виноват.

— Пошли,— сказал Шматлай.— Время.

У полковника, кроме Смолина и экспертов, были начальник городского отдела и трое курсантов из средней школы милиции.

Полковник взглянул на часы

Все собрались?

— Крикова нет,— встал Булатов.

— Знаю. Его пока не будет. Начнем.

Полковник говорил в своей манере — коротко, о главном.

— Я изучил все документы. Ваши предположения подтверждаются добытыми вами же данными. Сегодня по отпечаткам пальцев на бутылке, которую доставил Криков, установлена личность вора. — Полковник показал фотографию человека в капроновой маске.— Это тридцать седьмой Петухов. На него вчера удачно вышел майор Криков.

Удачно — не то слово,— поправился полковник.— Учиться надо такому. Криков сумел узнать, что скрывающемуся преступнику Чернову сегодня нужна машина. Обязательно частная... Вот такие у него совершенно конкретные условия. Я понимаю, вас интересуют некоторые подробности,— сказал полковник менее официально.— Что ж, так и должно быть. Я коротко расскажу. Итак, Криков вошел в контакт с Петуховым. «Барыга» его кличка.

— И «Фиксатый»,— вставила Смолина.

— Да. Это, наверное, по колонии. Так вот, этот «Барыга» умело прощупал Крикова, который, в свою очередь, умело сыграл роль подвыпившего шофера. А потом, когда доверился, стал выспрашивать, нельзя ли на сегодня достать машину. Одному, мол, человеку нужно в район съездить. За ценой не постоит. Криков ему вчера намекнул: а что, если машину он даст сейчас, свою, грузовую? «Барыга» отказался. «Бестолку сегодня,— сказал он.— Тот человек два дня пил, сейчас дрыхнет, до утра отсыпаться будет. Завтра машина нужна»... Вот такая ситуация,— продолжал полковник.— Конечно, Криков вчера действовал наощупь, только по догадкам. Он же не знал про последние данные... Про записку, например. Только часы,— полковник достал из стола продолговатую коробочку,— вот эти часы и навели его на мысль проверить «Барыгу». Улика, конечно, веская. Кроме того, «Барыга» хвастался, что еще имеются «рыжие бочата»— золотые часы.

Булатов встал:

— Товарищ полковник, можно вопрос?

— Можно.

— А как... часы? Они же в ларьке остались.

— Это уж у полковника Смирнова спросите,— полковник кивнул в сторону начальника горотдела.— Это его люди вчера вечером с вашим буфетчиком работали. Так вот, товарищи, я жду звонка. Сейчас Крюков пошел на вторую встречу с Петуховым. Тот вчера хоть и пил, но бдительности не утратил, не назвал адреса притона, или, как они говорят, «чистой хаты». Скоро мы его узнаем. Поэтому всем быть на местах.

А Крюков в это время ждал Петухова в закусочной возле автовокзала. Тот явился минут на пятнадцать позже назначенного времени, присел к столу. Не здороваясь, спросил:

— Ты что кислый?

— Башка трещит...

— А ты пропусти...

— Нельзя. Сегодня вечером на смену.

— А ты пива. Будешь?

— Давай. Одну можно.

Петухов принес две бутылки пива и стакан вина. Вино выпил сам...

— Как машина? Узнал?

— Узнал. Можно достать. Платить надо...

— Сколько?

— По городу — четвертная. Дальше — больше. Полста независимо от расстояния. И мне червонец.

— Шкура,— сказал Барыга.

— Так у него ж только одни права, не сто штук. Деньги сейчас.

— Деньги тот даст. Да ты что? Права качаешь?

— Брось... Давай по-хорошему... Нужна машина — гони гроши.

— Часы возьми в залог.

— Покажь...

Крюков повертел в руках коробочку, открыл её, недовольно положил в карман.

— Ладно. А хвалился, рыжие есть. Когда нужна машина?

— Хоть сейчас... На адрес... Мне туда нельзя. Когда подъедет, пусть позвонит, сначала три раза, потом еще раз. Там на калитке звонок. Пусть скажет, что я жду за мостом.

— Ладно,— Криков допил пиво.— Надо [illegible] Тебе [illegible]? Может, подбросить?

— На рынок. Давай, подвези.

Возле автовокзала стояло несколько свободных машин.

— Чья очередь, хлопцы?— спросил Криков, покуривающих в тени водителей.

— Садитесь,— сказал один из них.— Куда ехать?

— Сперва на рынок, потом — дальше.

Криков услужливо пропустил своего спутника, потом уселся сам. Машина помчалась по направлению к центру. За углом — откуда только и взялась,— за нею пристроилась черная «Волга» с двумя пассажирами. Проскочили рынок. Петухов сказал:

— Мне туда.

Но майор приказал жестко:

— Сидеть, Петухов! Не шевелиться!

Обе машины, почти не сбавляя скорости, въехали в распахнутые ворота областного управления милиции. Дежурный вахтер нажал кнопку, и железные, выкрашенные зеленой краской створки ворот медленно закрылись.

Шматлай не сразу поехал на Городскую, а сделал изрядный круг, чтобы приноровиться к чужой машине. Это была повидавшая виды серенькая «Волга» с потрепанными сиденьями и чертиком, болтавшимся на резинке возле ветрового стекла.

«Будьте осмотрительны»,— напутствовал его полковник во время экстренного совещания, на котором были оговорены все, казалось бы, детали задержания.

На допросе, проведенном самим полковником, не успевший опомниться Петухов, хорошо знавший нужные ему статьи уголовного кодекса, рассказал о многом. Обеспечивал себе смягчение приговора: «Косматому», мол, все равно хана — рецидивист, умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами... И предупредил, что бандит живым сдаваться в руки правосудия не захочет.

«Шесть пуль по ментам, последнюю — себе»,— говорил он за бутылкой водки.

«Голевых моментов было много, а забивать ре-

...ло. Криков допил пиво.— Надо [illegible]. Возьму таксуху. Тебе куда? Может, подбросить?
— На рынок. Давай, подвези.
Возле автовокзала стояло несколько свободных машин.
— Чья очередь, хлопцы?— спросил Криков, покуривающих в тени водителей.
— Садитесь,— сказал один из них.— Куда ехать?
— Сперва на рынок, потом — дальше.
Криков услужливо пропустил своего спутника, потом уселся сам. Машина помчалась по направлению к центру. За углом — откуда только и взялась,— за нею пристроилась черная «Волга» с двумя пассажирами. Проскочили рынок. Петухов сказал:
— Мне туда.
Но майор приказал жестко:
— Сидеть, Петухов! Не шевелиться!
Обе машины, почти не сбавляя скорости, въехали в распахнутые ворота областного управления милиции. Дежурный вахтер нажал кнопку, и железные, выкрашенные зеленой краской створки ворот медленно закрылись.
Шматлай не сразу поехал на Городскую, а сделал изрядный круг, чтобы приноровиться к чужой машине. Это была повидавшая виды серенькая «Волга» с потрепанными сиденьями и чертиком, болтавшимся на резинке возле ветрового стекла.
«Будьте осмотрительны»,— напутствовал его полковник во время экстренного совещания, на котором были оговорены все, казалось бы, детали задержания.
На допросе, проведенном самим полковником, не успевший опомниться Петухов, хорошо знавший нужные ему статьи уголовного кодекса, рассказал о многом. Обеспечивал себе смягчение приговора: «Косматому», мол, все равно хана — рецидивист, умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами... И предупредил, что бандит живым сдаваться в руки правосудия не захочет.
«Шесть пуль по ментам, последнюю — себе»,— говорил он за бутылкой водки.
«Голевых моментов было много, а забивать ре-

[illegible] тебе,— сказал Булатов.— Ну, и я буду [illegible].

[illegible] усмехнулся. Смолина пожала ему руку.

Мотор работал отлично. «Новый, наверное,— [illegible] Антон.— Тянет, как зверь. Сейчас будет бензозаправка, потом поворот направо, на Городскую»

Дом под номером шестым оказался добротным особняком со светло-голубыми ставнями.

Антон остановил машину, как и было сказано, напротив ворот, перешел улицу. Позвонил. Три раза коротко. Потом еще раз. Подольше. Калитка приоткрылась, образовав не широкую щель.

— Вы к нам?— спросила молодая женщина, державшая на руках грудного ребенка.

— Вроде, к вам. «Барыга» послал.

— К Сашке, значит. Заходите. Он сейчас придет.— Антон прошел за женщиной на веранду.— Посидите здесь,— она указала ему на плетеное кресло-качалку:— Я сейчас кликну Сашку. Сейчас он придет.

«Сашок» медлил. «Машину, наверное, в окно разглядывает,— подумал Шматлай.— А может быть, и меня изучает». Он сидел в удобном кресле, тихонько покачивался, вертел в руках брелок с ключом от машины.

«Косматый» появился на веранде минут через пять. Это был крепкий мужчина лет тридцати пяти, в светлом, ладно сидящем на его коренастой фигуре костюме. Шматлай сразу заметил забинтованный мизинец левой руки «Косматого».

— Привет,— сказал он запросто, будто видал Антона только вчера вечером.— Где «Барыга»?

— Привет,— ответил Антон.— Сказал, ты сам знаешь где. За мостом ждать будет.

— Лады. А ты кто такой?

— Так тебе же «Барыга» говорил? Студент я. На каникулах сейчас.

— Студент...— Бандит подозрительно оглядел Антона.— Ни черта не говорил мне «Барыга» про студента... А машина чья?

— Отцовская. Он в командировке сейчас.

— А как водишь? Права имеешь? Доверенность есть?

— Да ты что? Дурочку ломаешь?— обиделся Шматлай.— Все есть. Денег нету.

— Деньги будут. Покажь права...

Антон достал любительские права, выданные Антону Юрьевичу Шматлаю еще в бытность его студентом четвертого курса. Протянул и помятый, в масляных пятнах листок бумаги, оформленный как надо. Доверенность, мол.

Косматый довольно осклабился:

— Железная ксива. Держи... Вот что, мужик. Отвезешь меня в Лесное. Тридцать километров всего. Получишь полста. На коньяк и на девочек. Дай пять...

Это было не предусмотрено. Не предусмотрена была протянутая правая рука преступника. И Антон забыл все инструкции. Он резко дернул протянутую ему руку на себя, бросил не ожидавшего нападения «Косматого» на пол. Покатилась, гремя, опрокинутая со стола посуда, зазвенели разбитые стекла, закричала женщина.

— Лежать!— крикнул Антон, выхватывая пистолет, и два раза выстрелил в фанерный потолок веранды. Из соседних дворов прямо по огороду бежали люди.

Это были работники милиции, которые должны были в случае необходимости прийти на помощь Антону Шматлаю, подстраховать его. Затаившись, они терпеливо ждали развития событий.

Со двора дом, где нашел убежище преступник, выглядел еще более внушительно, чем с улицы. Он стоял на уклоне, поэтому фундамент, выложенный из красного кирпича, со стороны двора был высоким, а на веранду вела довольно крутая — ступенек в девять — дощатая лестница. Во двор выходило четыре окна, три были наглухо закрыты голубыми ставнями, а одно, крайнее, к соседнему саду, как бы специально открыто настежь, и легкий ветерок едва заметно теребил тюлевую занавеску. Все это отчетливо разглядел Булатов в щель забора, за которым сидел, хоронясь в кустах боярышняка. Время шло медленно.

Когда на веранде раздались выстрелы. Алькен перемахнул через забор. Не обращая внимания на боль, обжегшую левую руку, он помчался к дому. «Главное, вовремя поспеть»,— мелькнула мысль.

Чуть в стороне от него, немного пригибаясь,

бежал рослый курсант школы милиции. Еще двое плечистых парней, появившихся невесть откуда, вроде бы из-под земли, сразу же блокировали открытое в сад окно. Из него и правда мог выпрыгнуть какой-нибудь человек, отнюдь не желавший неожиданной встречи с представителями уголовного розыска.

Но в доме, после выстрелов и продолжающегося несколько секунд грохота, установилась полная тишина. Булатов бежал не опасаясь, потому что своими зоркими глазами разглядел в широком окне веранды Шматлая, и в два прыжка преодолел высокую лестницу. «Коля Косматый»— здоровый бугай сидел на полу, мелко подрагивая плечами, его лицо было серовато-белым, губы кривились, он старался улыбнуться, но, увы, тщетно. Казалось, этот человек пытался теперь вызвать к себе сочувствие, как-то убедить появившихся перед ним людей в том, что все это происшествие — нелепая и досадная случайность.

Алькену вдруг отчетливо представилось виденное, пережитое и услышанное им в последние дни. Как мираж, на мгновение появились в сознании и горящая в степи, недалеко от двадцатого километра, «Волга», и багрово-фиолетовые синяки на предплечиях Назаренко, и еще что-то тревожное, злое... Появилось, промелькнуло, исчезло. Напряжение спало. Булатов краем глаза, не теряя из виду сидевшего на полу преступника, отметил, что Шматлай сунул в карман свой пистолет, расслабился. Потом коротко выдохнул и хрипловатым, не своим голосом сказал:

— Порядок, точка. Спасибо, Алькен...

На веранде, теперь уже из двери, ведущей внутрь дома, появились плечистые курсанты. Они сразу же молча и деловито приподняли и поставили на ноги не упиравшегося, обмякшего «Косматого», сноровисто извлекли у него из-за пояса — сзади — потертый, повидавший виды «ТТ»...

Это уже потом, когда прибыл следователь прокуратуры, когда осмотрели пистолет, без труда убедились в правильности высказанного ранее предположения, что именно это оружие было похищено у ограбленного на топливной базе Угарцева.

Во время обыска, при понятых, были найдены и другие вещественные доказательства преступлений, совершенных рецидивистом Черновым и его соучастниками.

В дежурке ждали Шматлая. Алик Булатов образно рассказывал, как прыгнул на забор, когда на веранде раздался грохот, как в кровь ободрал руки. «Гвоздей там понатыкали на заборе, черти»... Смолина молча стояла у окна, думая о своем.

— Ну и выдаст же сейчас Антону начальник,— убежденно сказал дежурный.— На всю катушку.

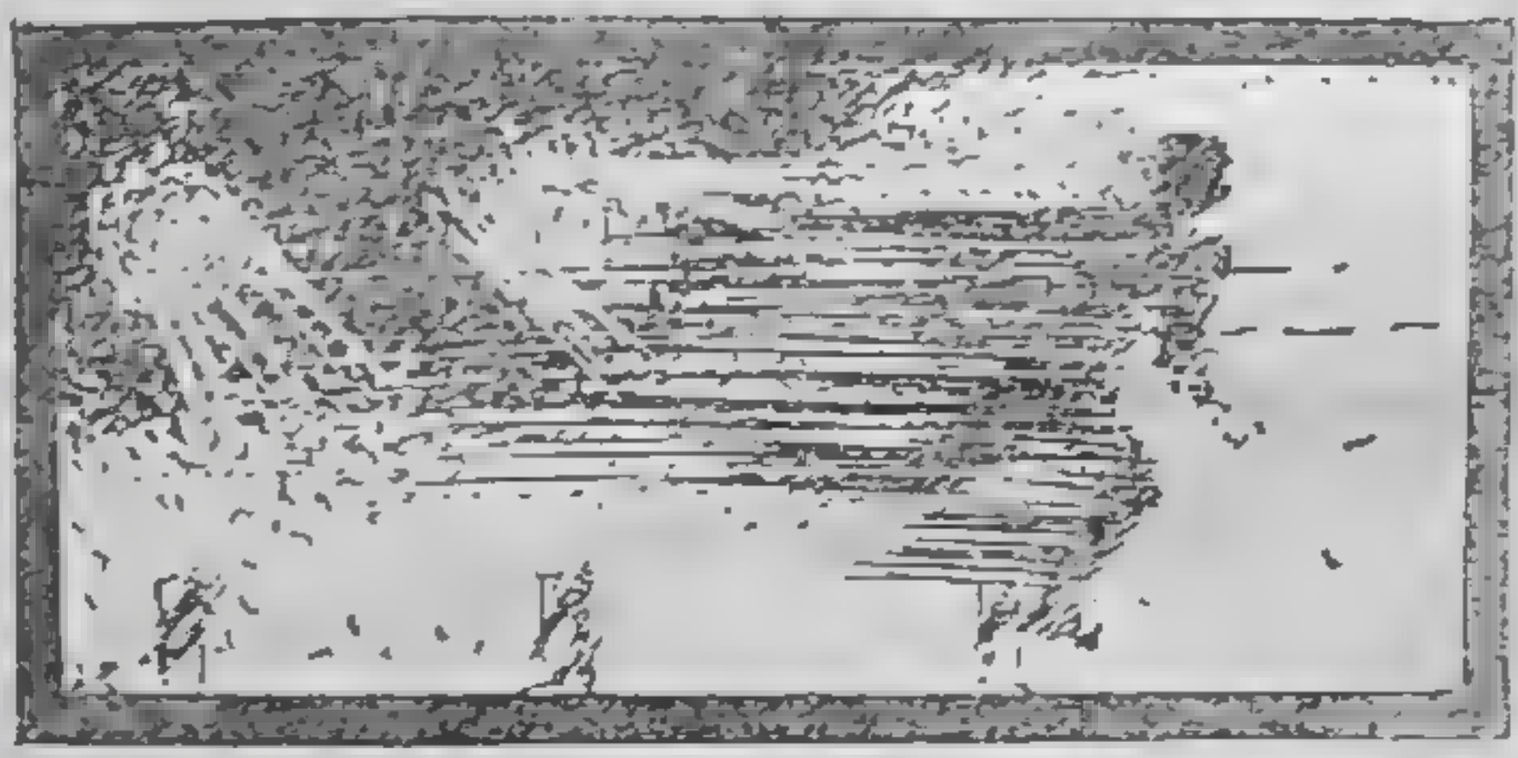
— Так ведь милиционер — не ангел,— отозвался Криков.— Разве все предусмотришь? А если бы тот Косматый сам его через бедро бросил и зарулил на его «Волге» по своим делам?— Он пошел к двери:— Пойду за Назаренко. Хочу взять парня в совхоз. Начальнику позвоню сам,— добавил он и закрыл за собой дверь.

А лейтенант Шматлай в это время тоже рассказывал начальнику управления об обстоятельствах задержания особо опасного преступника Чернова. Полковник попросил припомнить все детали, все подробности этого происшествия, и Шматлай старался их припомнить, хотя это не совсем ему удавалось. Он хорошо помнил, как стремительно ворвались на веранду Булатов и рослый курсант, как спокойно работали двое плечистых парней, будто они в специальной школе милиции только и занимались, что задерживали вооруженных преступников.

Шматлаю, конечно, очень хотелось узнать мнение начальника по этому поводу, но полковник слушал с непроницаемым видом, лишь изредка, как бы что-то утверждая, качал головой. Те сотрудники, которым пришлось немало поработать вместе с полковником, считали это хорошим знаком. Об этом сказал Антону капитан Утешев, когда Шматлай наконец появился в дежурке. И действительно, вскоре в управлении был объявлен приказ министра внутренних дел республики, которым поощрялись все участники оперативной группы.

Этим закончилось первое серьезное дело, в котором принимали участие молодые оперативники Антон Шматлай и Алькен Булатов.

ТАКТИКА РИСКА



— Глядите, Боб, такси!

— Вижу, ну и что? Чему радуешься? Есть квас, да не про нас.

— Так с пассажиром же! В Новый микрорайон! А оттуда одна дорога: опять сюда, на Северное кольцо. Усекли?

— Значит, бог послал. Голый — ох, а за голым бог.

— Что-то вы всевышнего стали вспоминать. А заповеди его помните? Ведь сказано: не убий.

— Молодец, знаешь писание. Только почему ты дрожишь? И не надо меня упрекать, Жорочка. Я ведь хотел по-доброму, по-хорошему. Сам видишь — не вышло. А теперь — промедление смерти подобно. Это в самом прямом смысле: в нас могут стрелять из пистолета системы товарища Макарова. Поэтому такси — это нам с тобой от бога подарочек. В такой-то час.

— Смотрите, он к нашему дому подруливает, глядите...

Днем нещадно палило солнце, а сейчас, ночью, камень, бетон и асфальт щедро отдавали аккумулированную за долгий июньский день жару. Ни ветерка. В воздухе повисла тяжелая, изнуряющая духота. Хотелось пить, но Дятлов, белозубый и плечистый таксист, не рисковал отлучиться в здание аэровокзала к автоматам с газированной водой.

Голос информатора, усиленный динамиками, уже объявил о прибытии сочинского рейса, сообщено было также, что киевский и новосибирский — задерживаются. На стоянке скопилось много ма-

ший, пойдешь за газировкой и будешь потом пригнать без пассажиров.

Дятлова разморило, он положил голову на баранку, и в это время к машине подбежала загорелая молодая особа в джинсах и коротенькой, как распашонка, рубашечке.

— Привет, водитель, в Новый поедем?

Дятлов вскинулся, быстро взглянул цепкими глазами на ладненькую фигурку и по узкой полоске тела, проглядывавшей между поясом и распашонкой, живо представил себе степень загара, которым обзавелась бойкая особа на кавказских пляжах.

Она тем временем уселась на переднее сиденье и приказала не терпящим возражения голосом:

— Подгоните к центральному входу, водитель. Там мои вещички.

Вещички — три разнокалиберных чемодана — охранял стройный лейтенант в фуражке с голубым околышем и летними крылышками. Тоже дочерна прокаленный на солнце.

«Муж»,— решил Дятлов и почему-то огорчился. Однако летчик помог уложить два чемодана в багажник, а третий, как приказала пассажирка, осторожно поставил на заднее сиденье и вежливо попрощался.

— А я думал, супруг,— начал разговор Дятлов.

— Попутчик. В Чимкенте подсел,— охотно пояснила пассажирка.— А с мужем — разошлась,— добавила она, хоть ее об этом и не спрашивали.

Дятлову стало легко и весело. «Вот — протяни руку, и тут она — молодая, загорелая, одинокая. А может быть, и договоримся»,— размышлял таксист.

И пассажирка, будто поощряя эти мысли, часто касалась его крупной руки своими пальцами в кольцах, рассказывала о Сочи и Сухуми, о прекрасном мысе Пицунде, где она жила в пансионате, об ароматном тамошнем вине, три литра которого она везет в том чемодане, что на заднем сидении.

За болтовней проскочили до центра города, стремительно понеслись по прямому, как стрела, проспекту, соединяющему центр с группой жилых массивов, самым последним из которых был Новый

[illegible] район — экспериментальная застройка, красная гордость города. На подступах к Северному кольцу, на шоссе, стоял предупредительный знак — ремонтные работы — и Дятлов сбросил газ. Навстречу, по левой полосе, тянулась вереница тяжелых самосвалов, они натужно гудели своими мощными двигателями. Немного в стороне, над колхозными садами, шел на посадку самолет, мигал рубиновым огоньком импульсного маяка. И вдруг в этот, не замечаемый горожанами гул ворвался выстрел. Дятлову показалось, что прозвучал он в лесопосадке, справа от шоссе. Ахнуло громко, как из охотничьего ружья. Таксист даже притормозил, прислушался.

— Да выхлоп это,— сказала пассажирка, демонстрируя свое знакомство с техникой.— А вон и наш дом!— Наманикюренный ноготок был нацелен на высотную современную громадину на самой границе микрорайона. Дальше раскинулись колхозные сады.

Минуты три ехали молча, на тихом ходу переваливая незаделанные еще асфальтом рубцы над недавно закопанными траншеями. Потом пассажирка с неожиданной грустинкой в голосе сказала, что дома ее никто не ждет, а Дятлов твердо решил: «Зайду. Пить охота. Все равно барахло ей нести надо». А сказал так:

— Минералки бы сейчас. С ледком...

Недалеко от подъезда высотного дома стояла под брезентом чья-то машина. «Иж-комби»,— определил Дятлов. Здесь было совсем тихо. В высоком, шестнадцатиэтажном доме № 31, как видно, все спали, в окнах от первого этажа до самой верхотуры — ни огонька. Дятлов достал из багажника чемоданы и удивился — чего она в них напихала. В каждом килограммов по двадцать. Есть еще и третий. Этот чемодан был поменьше, его понесла хозяйка.

На шестом этаже, открывая обитую блестящим пластиком дверь, она фамильярно, как давнего знакомого, пригласила:

— Заходи. Ты же пить хотел... Виктор Петрович.

И Дятлов вспомнил, как пассажирка в пути,

бил о машинально, поглаживала его фотографию на удостоверении, которое красуется для всеобщего обозрения под стеклом на передней панели автомобиля. «Ишь ты, глазастая, вычислила, понравилась»

Хозяйка включила свет, и он увидел уютную прихожую. От двери по блестящему, свежепаркетному тянулась яркая «кремлевка», пришлось скинуть пыльные чоботы и шагать дальше в одних носках. Когда свет был включен во всех комнатах, таксист получил возможность по достоинству оценить и мебель, и ковры, и хрусталь, и многое другое, что сверкало, переливалось всеми цветами радуги. Нигде ни пылинки.

— Вот здесь я и обретаюсь,— весело сказала хозяйка.— А заботится обо мне Надюшка, тезка моя горемычная, спит, конечно, ждет меня только завтра, я немного раньше прибыла. Ничего, утром прибежит, в одном подъезде живем. Только она на первом этаже... Мы вообще — на разных уровнях. Кроме имен.

Мимоходом она включила магнитофон, и комната наполнилась тихой музыкой.

— Ну как, нравится?

Конечно, все эти дорогие игрушки нравились прежде всего ей самой, ясно было — она радовалась им, ликовала, что видит опять эти панские паласы, японские колонки, чешскую люстру. А Дятлову вдруг стало неуютно, как в кабинете директора таксомоторного парка, когда тот однажды снимал с него, таксиста Дятлова, стружку. Да еще он приметил за стеклом книжной полки, где поблескивали золотыми буквами корешки красивых книг, фотографию немолодого мужчины в военной форме с полковничьими погонами. Брови у полковника были сдвинуты, глаза смотрели строго, как на строевом смотру.

— Это отец?— спросил Дятлов хрипловатым, не своим, голосом. Спросил так, лишь бы что-нибудь сказать, он злился на себя за появившуюся непрошенную робость.

Женщина коротко хохотнула,

— Муж это. Бывший.

— А шприц зачем?— простодушно удивился таксист.

— Он мне помогает. Морально,— не очень понятно разъяснила хозяйка и тут же спросила:— Ну, а ты, Витенька, конечно, холостой, как все вы, красавчики?

— Холостой,— теперь уже всерьез разозлился Дятлов.— И не был женатым, к вашему сведению, Надежда, как вас там дальше...

— Валентиновна, Витенька. Надежда Валентиновна я, и ты не психуй. Я из всех видов городского транспорта признаю только такси, так что наша встреча вполне может повториться.

У Дятлова робость прошла так же быстро, как и возникла. Слетела и злость, которая всегда помогала ему выходить из неприятных положений. Он даже засмеялся:

— Да нас в городе до черта: три таксопарка.

— Мир тесен, Витенька, да и дом мой ты теперь знаешь.

— А вы мне еще и телефончик свой сообщите.

— Пока нет телефона,— огорчилась хозяйка.— Во всем микрорайоне нет. Вот сдадут новую атээс, тогда будет. Но меня легко найти, я во «Встрече» работаю, знаешь? Запомни: встре-е-ча, ресторашка наш симпатичный. Надежду Валентиновну там каждая... там все знают.— Хозяйка зевнула, похлопала себя ладошкой по губам и вдруг вспомнила:— Да, ты же пить хотел. Пошли на кухню.

Из холодильника была извлечена бутылка минеральной воды, хозяйка ловко открыла ее, сказав при этом, что могла бы предложить и чего покрепче, да ведь таксисты за баранкой, наверное, не употребляют?

Дятлов не торопясь пил ледяную воду и думал о том, что следующую встречу откладывать на долгое время нет никакого смысла. Бабенка что надо.

— Ладно. Поехал,— сказал он.

— Опять в аэропорт?

— Туда. Скоро московский рейс, как раз успею.

— Пока... Виктор Петрович...— Она по-прежнему смотрела на него серьезно, как бы изучая.

Таксист понял это по-своему.

— До встречи!

Дятлов не стал вызывать лифт, прыгая через две ступеньки, спускался вниз. Настроение было отличное, лучше не придумаешь. На бегу он взглянул на часы, скоро половина третьего. Отсюда, конечно, придется пилить порожняком.

У подъезда спротивно стоял укутанный брезентом москвичок. Его «рябухи» не было.

— Так твою...— матюгнулся вслух таксист.— Мало нас, сволочей, учат. Пить ему захотелось, гаду, нахлебаешься теперь...

Надо отдать должное Дятлову. При всей своей несобранности, он умел трезво оценивать происходящее и в этой, совсем не веселой для него ситуации сразу понял, что нельзя метаться по сторонам в надежде увидеть за ближайшим углом свою машину. Такими вещами не шутят. Ее угнали. Он был у этой, черт бы ее побрал, Надежды Валентиновны без малого тридцать минут. Лясы точил, воду пил, размечтался, дурак, а угонщики сейчас уже вон где, на другом конце города. Надо звонить диспетчеру, пусть договариваются с милицией. Он припомнил, что ближайший телефон-автомат есть на конечной автобусной остановке на Северном кольце. С полкилометра, если идти напрямик через лесопосадку.

Он быстро шагал под молодыми березками, проклиная и себя, и свою новую знакомую, а когда вышел на залитое электрическим светом Северное кольцо, увидел на асфальте пешеходной дорожки, у самого бордюра, распластанного ничком человека. Тот полз, машинально выбрасывая вперед руки, будто замедленно плыл стилем брасс. «Пьяный, что ли?»— подумал Дятлов, намереваясь пройти мимо, но пригляделся и увидел кровь. Она была на руках, на лице ползущего, оставляла след на асфальте.

— Что с тобой, браток?— нагнулся было Дятлов, но в ответ услышал страшное, пугающее бульканье, а человек все полз и полз неизвестно к какой цели.

Дятлов бегом бросился к телефонной будке. Уже протянул руку к трубке, снял ее...

На шоссе появился грузовик в сторону центра.

В [illegible] прыжка Дятлов оказался на проезжей части улицы и замахал руками.

— Помяни, господи, раба твоего... выпили, Жорочка.

— Кощунствуем, шеф? Не надо было вам стрелять...

— Надо было. Ты его не знал, а я — еще как. Он бы нас с тобой положил, если бы первым успел достать Макарова. Он не мазал, не зря при оружии ходил. Знал, что я его ищу и что обязательно найду, умный был парень, только вот меня не слушал. Искренне сожалею, но иначе я не мог.

— А как же дальше, шеф? Что делаем?

— У нас теперь есть эпистолярное наследство покойного. Будем его внимательно изучать. Время у нас есть: в одну секунду мы привели в действие все рычаги здешнего уголовного розыска. Это очень серьезный механизм, и мне надо отсидеться в тиши, сориентироваться. Этот вынужденный антракт в бурноразвивающемся действе я обязан использовать с толком. А ты иди домой и не рыпайся. Пусть пока исчезнут пацаны. Дай им малость денег. Лера пусть придет. Тебя, Жорочка, я позову, ступай.

— Трудно придется, шеф.

— Не бойся трудностей, друг мой. Трудности делают жизнь кипучей, как шампанское, и красивой, как индийские кинофильмы, помни об этом. Ну — вздрогнем.

Утром, в 8-30, знакомясь, как всегда, с информацией о происшествиях, начальник городского управления внутренних дел подчеркнул красным фломастером следующее сообщение:

«Нанесение телесных повреждений (не раскрыто). 14 июня в районе Нового микрорайона обнаружен Серков В. Ф. (другие данные устанавливаются) со сквозным огнестрельным ранением в область шеи. Пострадавший госпитализирован скорой помощью. Расследование ведет Кировский РОВД, приняты меры к розыску преступников».

Генерал на полях сводки написал: «тов. Шматлаю А. Ю. На контроль». Поставил число и расписался.

Шматлай сразу же выехал в Кировский райотдел. Давно он не ездил по этим улицам. За два года, проведенные им в Москве, в Академии Министерства внутренних дел, город сильно изменился, стал более величественным и в то же время остался по-южному молодым, нарядным, праздничным. Сергей, шофер, гнал по проспекту рассеченному надвое нескончаемым зеленым газоном.

— А мы тут все так и знали — вам быть начальником отдела... когда с полковником случилось,— проговорил он.

— Вчера приказ подписали,— ответил Шматлай.— А ведь я надеялся еще с Михаилом Александровичем поработать... Он сам-то сейчас как? Хотим с Булатовым сегодня его проведать.

— Не пустят, товарищ майор. Второй инфаркт — не шутка.

Они подъехали к зданию Кировского райотдела.

Булатов встретил у подъезда. В фасонистом батнике и джинсах, высокий тонкий в талии, с крепкими плечами, загорелый — не начальник отделения уголовного розыска, а спортсмен.

— Что, Антон, с выходом?— он протянул смуглую, крепкую руку.

— Знаешь, я все не могу успокоиться с назначением. Зачем такая спешка? Вышел бы Акимов, может быть, еще бы поработал.

— Нет. Он как только немного отошел, сразу написал рапорт. Генерал его уговаривал — ни в какую. Ты же его знаешь...

Они шли по длинному коридору. Здание райотдела было новое, как почти все в этом большом и все еще раздвигающем свои границы районе. В кабинете Булатова сохранился запах краски и лака. Шматлай подошел к окну, включил кондиционер.

— Ничего устроился, руководить можно...

— Будто я тут рассиживаюсь. Сейчас вот только с места происшествия, предупредили, что новый начальник угро едет. Слушай, тебя ведь в одиннадцать представлять будут, а ты сюда приехал.

— Хотел сориентироваться. Пострадавший как? Говорит?

— Нет. У него раздроблена челюсть, порвана гортань, большая потеря крови. Нужен второй хирургии. Когда туда доставили, думали, все, конец. Оперировал Тимченко, помнишь? Надеется, что выкарабкается, парень крепкий.

— Ты мне все-таки коротко расскажи. Грабеж?

— Пока не знаю, может быть. Однако думаю, что была драка. Там вырисовывается такая ситуация, смотри.

Булатов черным фломастером начертил на листе бумаги, внизу, большой квадрат, протянул от него вверх линию, а правее — еще одну параллельную первой, между ними уже зеленым фломастером наставил множество точек.

— Смотри,— повторил он.— Это Новый микрорайон. Здесь, немного западней, еще два микрорайона. Эта линия — забор, огораживающий строительство Дома культуры, вторая линия — шоссе. Понятно? Между ними — молодые деревца, березки. Потерпевший был обнаружен здесь,— Булатов взял красный фломастер и поставил крестик на линии, изображающей шоссе. От него провел черту к «забору» и там изобразил второй крест.— А здесь он был ранен. Прополз метров сто двадцать и потерял сознание.

— Кто его обнаружил?— спросил Шматлай.

— Выясняем. В три двадцать был звонок по поль-два, анонимный. Сообщили, что возле автобусной остановки «Новый микрорайон» лежит окоровавленный человек. Дежурный на всякий случай уточнил, откуда звонок. Звонили с автомата на центральном автовокзале, а там, сам знаешь, и ночью многолюдно. Выслали опергруппу, скорую, потом подняли меня. Осматривал место происшествия следователь Мынбаев, ты его знаешь, старший лейтенант, недавно из высшей следственной школы, он был в составе опергруппы... Почему мы решили, что там была драка? На рыхлой земле в лесопарке видны глубокие вдавленные следы. Скорее всего, в драке участвовали три человека. На потерпевшем рубашка с тремя карманами — навыпуск. Она разорвана, нагрудный карман повис на нитках. На месте происшествия найден пропуск, выданный заводом «Металлист» на имя Серкова

Василия Федоровича с фотографией, кусочек узкого ремня, сантиметров пяти длиной и два снаряженных патрона к пистолету Макарова.

— Значит, стреляли из Макарова?

— Нет. Из гладкоствольного оружия крупного калибра. Мы нашли войлочный пыж, так называемый пороховой. Пулевой пыж извлечен из раны во время операции.

— Пулю нашли?

— Ищем. Лейтенант Жакенов выехал на завод «Металлист», участковый инспектор Куликов со своими ребятами из комсомольского оперативного — в микрорайоны, может, найдут очевидцев...

Вернувшись к себе, Шматлай сразу прошел к начальнику управления. Это был человек без пресловутых генеральских стандартов — среднего роста, худощавый, по-юношески стройный, с живым, выразительным лицом. Они знали друг друга давно. Двенадцать лет назад, когда Шматлай только начинал работу в уголовном розыске, генерал, тогда еще полковник, был заместителем начальника управления уголовного розыска республики. Он сразу приметил смекалистого и цепкого инспектора, старался держать его поближе к себе.

— Заходи, заходи, Антон. Что, уже включился?

— Так точно, Талгат Султанович...

— Порядок. Сейчас соберем твоих орлов, всех начальников отделов, моих заместителей, представим тебя по форме, и — действуй.

Генерал говорил по своему обыкновению не громко, внятно и отчетливо произносил каждое слово.

— Прежде всего,— начал он,— я представляю вам нового начальника отдела нашего управления майора милиции Шматлая Антона Юрьевича.

Шматлай встал лицом к залу. Увидел много знакомых и незнакомых лиц: внимательных, улыбающихся и изучающих. А генерал продолжал:

— Я хочу выразить глубокую благодарность и признательность нашему товарищу, полковнику милиции Михаилу Александровичу Акимову, чья жизнь, посвященная работе в уголовном розыске, олицетворяет собой его лучшие традиции. Послед-

ше пятнадцать лет он возглавлял отдел, был неутомим, деятелен, энергичен, его богатейший опыт помогал распутывать самые, казалось бы, запутанные дела. Тяжкий недуг приковал Михаила Александровича к постели, и он подал рапорт об отставке. Вот почему я сегодня представляю вам достойного воспитанника Михаила Александровича — майора милиции Шматлая. Многие из вас его хорошо знают, он вырос здесь, в нашем управлении...

Процедура представления взволновала Шматлая, несколько минут он отходил в своем кабинете, как после госэкзаменов в академии.

Вошел помощник дежурного, старший лейтенант Васин. Положил перед Шматлаем телетайпограмму.

«14 июня в 9—30 в Центральный РОВД поступило заявление водителя 2-го таксомоторного парка Дятлова В. П. о том, что сего числа, примерно в 4 часа, в районе Центрального парка культуры на него было совершено разбойное нападение со стороны трех неизвестных. Преступники, угрожая ножами, отобрали у Дятлова деньги в сумме 120 рублей, часы, вытолкнули его из машины и скрылись. Машина такси («Волга» ГАЗ-24, госномер 32—12) обнаружена в 11 часов во дворе жилого массива на пересечении улиц Мира и Садовой в исправном состоянии».

Шматлай связался с дежурным Центрального РОВД.

— Вы приняли заявление от гражданина Дятлова?

— Здравия желаю, товарищ майор, поздравляю с назначением,— послышался знакомый голос.— Капитан Утешев докладывает. Помните?

Как же не помнить Шматлаю капитана Утешева, с которым не раз доводилось выезжать на происшествия, ползать по земле в поисках следов и вещественных доказательств, выявлять, преследовать нарушителей?

— Здравствуйте, капитан. Вы приняли заявление от Дятлова?

— Так точно, Антон Юрьевич. Надо бы разобраться, что и как. Похоже, темнит парень.

«Серков Василий Федорович, 22 лет, работает

слесарем-лекальщиком на заводе «Металлист», по работе характеризуется положительно. Прописан в молодежном общежитии завода».

Это — официальная справка о потерпевшем.

А как он провел вчерашний вечер, рассказала Надя Сычева, высокая девушка, официантка кафе «Родник». Она сидела в кабинете Булатова и говорила быстро и бессвязно.

— Не могу поверить... Он вчера меня провожал, пришел за мной на работу... Мы в девять закрываем, а вчера я пораньше убежала — гостей почти не было, мои столики подружка согласилась обслужить... Поужинали в другом кафе, в «Ласточке», потом пошли в кино...

Она отрешенно смотрела в угол кабинета.

— Да нет, это правда?— опять зачастила она.— Вы не шутите?.. Хотя, какие из вас шутники, вы — милиция. За мной ваш один прямо на работу явился, на мотоцикле. Поехали, сказал, расскажешь, как твоего хахаля убили...

Булатов прикинул в уме, кто мог поехать за девушкой, решил — Савчук.

— Вы давно знакомы с ним... С Василием?

— С Васей? Давно... Нет, недавно. Вчера как раз полгода было, как познакомились. Я в торговом техникуме заочно... он меня почти каждый вечер провожал. Нет, не почти. Каждый вечер. Два вечера не приходил, когда ангина у него была. Я к нему один раз ходила, в общежитие, и все... А так он ко мне ходит всегда.

Она спохватилась, часто заморгала.

— Приходил... У меня с математикой плохо получается. А он в инженерно-строительном учится. Тоже заочно.

В кабинете было прохладно, кондиционер делал свое дело.

Девушка зябко передернула плечами. Булатов встал, щелкнул выключателем. Вот перед ним девушка, почти девчонка, ее постигло горе, она, по-видимому, еще не может осознать случившегося. У нее подведены синим глаза, покрашены губы. Тщательно и красиво — крупными локонами — уложены волосы. Булатов спросил:

— Надя, вы когда прическу делали?

— Прическу? А что? Сегодня. Утром в парикмахерской была. Но я ведь не знала...

Булатов помолчал, потом тихо сказал:

— Надя, вас неправильно информировали. Василий жив. Он ранен, но жив, врачи делают все, чтобы спасти ему жизнь.

Надя встрепенулась.

— Не умер? Жив?— ее глаза наполнились слезами.— Что он говорит? К нему можно?

Она вот-вот сорвется, заплачет, и Булатов строго сказал:

— Нет, пока нельзя. Я понимаю, вам тяжело. Но все же вы должны помочь нам, рассказать все. До мелочей. Как вы вчера шли домой, по каким улицам. Ведь вы сказали — пешком шли? Где останавливались, кого видели. И о себе расскажите, о своих друзьях...

— Это про хахалей то есть?

— Ну зачем вы так?

— Извините... Хорошо, я понимаю. Я все расскажу. До мелочей. И, как бы успокоившись, стала рассказывать. Рассказывала подробно, с деталями. Через час она, подписав протокол, ушла, и Булатов стал систематизировать пометки, которые делал во время ее рассказа.

На листе бумаги был вычерчен весь путь этой пары от кафе «Родник» до кинотеатра «Спутник», а затем до дома № 31 в Новом микрорайоне.

На центральных улицах было многолюдно. Поменьше прохожих оказалось на проспекте Космонавтов. А когда свернули на улицу Чапаева, там никого они уже не встречали. Правда, впереди, метрах в пятидесяти, шли три человека, две женщины и мужчина. Мужчина пошатывался, и женщины поддерживали его с обеих сторон.

Здесь, возле овощного ларька, на углу Чапаева и Дачной, рядом с магазином «Соки-воды», стояли мальчишки (пацаны — сказала девушка) и курили. Двое их было. Больше они — Надя в этом уверена — никого не видели.

Там, от ларька до ее дома, было рукой подать. Они недолго, минут пять, постояли у подъезда, и Надя пошла домой.

Рассказала она и о себе. Был у нее — раньше —

до Серкова, Женечка Лукошин, студент политехнического. Они даже было расписались, но рассмеялись. Ему друзья возле пивной дороже стали, и достукался — выгнали из института. Потом слышал, будто его после смерти матери определили куда-то на лечение от алкоголизма.

Булатов записал в блокноте: «Проверить: Лукошин Евгений Алексеевич» и тут же позвонил участковому инспектору Кулакову в микрорайон. Лейтенант оказался на месте.

— Алексей Кузьмич, что это у тебя там на участке пацаны курят?

— Да, курят, черти неумытые. Еще как смолят... А что?

— У тебя мотоцикл бегает?

— На ходу...

— Так ты приезжай ко мне сейчас. Я бы сам к тебе подъехал, да жду тут одного.

— Лера, Валера, Валерия... Звучное имя. Так звали любовницу Спартака. Э-э, чушь, выдумка итальянца Джованьоли, никакой любовницы у Спартака не было, он был грязный и грубый раб...

— Что с тобой, Боря? Мне кажется, ты сегодня чем-то взволнован. У тебя жар, Боренька? Ты знаешь, мне не нравится, как тебя называют — Боб. Бобик. Бобик Жучку взял под ручку, ха!

— Дерзишь, Лерочка? Или в тебе просто мало романтики? Ничего, это дело наживное. Будут купюры, будет и романтика. Дай струны, я тебе спою. Знаешь такую песню? И тогда в Ереване, в нашем маленьком доме, будет много веселья, будет много вина...

— Дальше, Боря.

— Я хочу, чтобы ты, только ты, со мной рядом сидела, и горячей любовью согревала меня... Или ко мне, я тоже грубый раб, но у меня есть моя Валерия.

— Боря, тебе сегодня нужно выпить. Ты действительно не в себе, на, пей...

— А ты?

— Мне сейчас нельзя, мне за деньгами надо.

— Лера, а там... все чисто?

— Не трусь. У меня устоявшаяся клиентура:

мерки и бармены, закройщики из ателье люкс. С фарцовыми барыгами дела не имею. Боря, я хочу поскорее отсюда. Только не в Ереван, ладно?

— Я хочу, чтобы ты, только ты, со мной рядом сидела... Твой братец уехал?

— Уже далеко, отсюда не видно.

В три часа Шматлай с Булатовым были у начальника управления. Генерал в общем-то одобрил план, разработанный оперативниками, но как всегда тщательно корректировал пункт за пунктом. К концу работы план был похож на проверенную придирчивым учителем контрольную работу

— Ну как?— осведомился начальник.

— Все правильно, товарищ генерал.

План есть план, надо его выполнять. На первом месте — личность потерпевшего. Однако полученные на первых порах сведения пока ничем не могли помочь. Установили, что Серков приехал с Украины, из Донбасса, полтора года тому назад. Квалифицированный слесарь, художник — сказал о нем мастер цеха, где он работал. В прошлом году поступил на заочное отделение инженерно-строительного института. Был прописан в общежитии завода, некоторое время жил там, но потом перебрался к какой-то старушке, говорил, что так, мол, удобней: бабка готовит ему пищу, да и заниматься спокойней — у хозяйки две комнаты с удобствами. Но адреса старушки, как ни странно, не знала даже Наля Сычева, Василий туда ее не приглашал. Многое нужно было выяснить. Да и только ли о потерпевшем?

Принимая отдел, Шматлаю пришлось знакомиться лишь с несколькими его новичками, основной костяк отдела составляли знакомые майору сотрудники. Встретили его доброжелательно.

Он обошел все кабинеты.

В кабинете индивидуальной профилактики он увидел старшего лейтенанта Барцева, которого сам оформлял на должность инспектора три года назад. Пригласил к себе.

— Чем вы сейчас заняты?

Барцев доложил.

— Отставить, подождет. Сейчас займитесь вы-

серкой ориентировок о нераскрытых разбойных нападениях и грабежах. Особенно с применением огнестрельного оружия. Запритесь в кабинете и работайте. Постарайтесь управиться поскорее.

— Ясно, товарищ майор. Это в связи с преступлением в Кировском? За какое время смотреть материалы?

— Пока что за последние два года. В первую очередь — город и область. Это — пока. Потом видно будет. Короче, передайте всю вашу «текучку» Еременко, а сами подключитесь к делу.

Первый день работы по делу о нанесении тяжких телесных повреждений гражданину Серкову подходил к концу.

Участковый инспектор Кулаков до вечера обходил квартиры в домах, расположенных неподалеку от места происшествия. Но — увы, никто ничего не видел и не слышал.

Вечером участковый собрал в свой кабинет при общественном пункте охраны порядка десятка два мальчишек, огольцов лет тринадцати-пятнадцати, и провел с ними беседу о вреде курения.

После беседы лейтенант попросил остаться двоих.

Он знал этих друзей: постарше — Гоша, помладше — Миша. Дома о них не заботились — мальчишки могли допоздна болтаться на улице.

Он ждали, переглядывались. Лейтенант прошелся по комнате и спросил:

— А вы как? Покуриваете?

— Больше не будем, дядя Алексей.

— А вчера, вечером, возле овощного на Дачной, вы раскуривали? Только точно.

Лейтенант остановился возле ребят и повторил вдруг изменившимся, совсем не строгим, довери-тельным тоном:

— Надо, ребята. Для дела...

— Что вы, дядя Алексей!— сказал Гоша.— Вчера же футбол был, мы у Вовки телик смотрели.

— Ну что же, ладно.

Мальчики было пошли, но в дверях остановились.

— Дядя Алексей, а у нас тут сейчас двое чужих пацанов околачиваются. Они не то что курят — пи-

по пьют. И вино. Им взрослые покупают, а они пьют...

— Ну-ка, ну-ка,— заинтересовался лейтенант.— Кто же эти ребята?

— Я этого немножко знаю, — сказал Гоша.— Он рыжий, его Тюлька зовут.

— Такого имени не слышал. Так на Украине кильку называют.

— Да какая там килька. Толик его зовут, а прозвали «Тюлька». Вы не смотрите, что он маленький, ему уже шестнадцать. Маленький потому, что с семи лет курит.

— Вот видишь! А ты со скольки лет куришь?

— С тринадцати,— откровенно сознался парень.— Год всего.

Помолчали. Участковый чувствовал, что этого «Тюльку» ребята знают не так уж поверхностно.

— Он возле бани живет,— вдруг сказал младший,— на Виноградова.

— Ага,— поддержал его приятель.— У него отца нет, а мать инженерша.

— А другой?— спросил участковый.

— Этого мы не знаем,— сказал старший,— пахалюга только. Драться лезет.

— Вы им поддали, конечно,— без тени сомнения сказал участковый.

— Им поддашь... С ними вон какие лбы ходят,— явно огорчился старший.— Мы их вчера вечером видели — они у Кости-армяна пиво пили.

— И часто они здесь бывают? Эти взрослые?

— Не... Вчера только, и еще один раз, раньше... Дней шесть прошло.

Больше они ничего сказать не смогли. Те двое взрослых —«обыкновенные». Как одеты? «Нормально. Как все».

Но оставлять без внимания эти сведения участковый не мог. Во-первых — сам факт «спаивания несовершеннолетних». Во-вторых — могли же именно эти мальчишки — рыжий «Тюлька» с другим, неизвестным — стоять возле овощного ларька, когда мимо них проходили Надя со своим другом? Не исключено.

Для Булатова день окончился разговором с начальником райотдела Сатаровым. Из-за Савчука

— Безобразие, — горячился Булатов. — От хамства до худшего — знаешь сколько? Всего ничего. Хуже не бывает. Я с ним уже говорил сегодня по этому поводу, а он зубы скалит, смеется. «Что, понравилась?» — спрашивает. Это мне. А как он там, с людьми?

— Разберемся сегодня же. Я за такое поведение по головке не глажу. Сам знаешь, как у нас в коллективе относятся к тем, кто кладет тень на честь милицейского мундира...

— Жорочка, хорошо, что ты мне позвонил. Ты не экстрасенс? Встречаться еще пока рано, мне с моим фасом и профилем просто противопоказано. Слушай внимательно. Покойник очень любил писать свои заметки для памяти, это нам в пользу, но ты с него пример не бери. Вредная привычка. Там есть один адресок, на мой взгляд, то, что нам треба. Будешь работать один, без лишних глаз и ушей, нам теперь никто не нужен. Запоминай адрес... Где эта улица, где этот дом...

Участковый инспектор Кулаков утром отправился в «Пивной бар № 6». Так именовалась эта, в общем-то, заурядная пивнушка, окруженная грубо сколоченным зеленым забором.

Была суббота, и буфетчик Костя Авеян открыл свое заведение пораньше.

Поговорили о том, о сем.

— Не распивают ли здесь водку?

— Бывает, конечно, за всеми не углядишь. Хорошо бы территорию скорее очистить от ящиков, захламилась. Требую, да вот директор хозрасчета машину все не дает.

— Мальчишки пивком не балуются ли?

— Что вы, Алексей Кузьмич, разве я желаю попасть под Указ? Упаси бог...

— А клиентура как, постоянная?

— В основном свои, микрорайонские...

В углу, за столиком, торопливо пил пиво пожилой мужичок. Он взял сразу две кружки. Еще один посетитель ждал, пока отстоится его трехлитровая банка. Больше никого в баре не было.

Костя прикрыл окошко, через которое подавал кружки, и спросил:

— Кто вас интересует, товарищ Конкретно...

— Если конкретно, то молодые парни, которые были здесь у тебя раза два. А с ними — мальчишка.

Буфетчик приоткрыл окно и крикнул:

— Колька, забери свою банку, отстоялась. Я закрываю.

Потом он опять прикрыл окно и неторопливо сказал:

— Вот пришли эти — только успел открыть свое заведение. Уже здесь отирались, ждали. Тот, что пиво пьет,— алкаш, хоть и безвредный, тихий. А у Кольки вчера день рождения справляли. Сейчас похмеляются.

Буфетчик за разговором ополаскивал под фонтанчиком кружки и ставил их на прилавок.

— Я, Алексей Кузьмич, всех микрорайонских алкашей знаю. Память у меня железная. А глазомер — как у торгового инспектора: я сто грамм без мензурки налью и — ни тебе обиды, ни мне убытка...

Он помолчал, а потом без всякого перехода сказал:

— Видел я этих парней. Приметил. Могу описать. Нужно? Не здешние это парни, не с нашего микрорайона.

Шматлай в это время получил от Барцева ориентировку о нераскрытых преступлениях. Их было немного, но майор выделил одно — о разбойном нападении на магазин в совхозе «Алга».

Там пять дней назад —9 июня — трое или четверо неизвестных (точно не установлено) связали сторожа совхозного магазина и похитили три костюма, радиоприемник ВЭФ-202 и ящик водки. У них имелось оружие — то ли пистолет, то ли обрез.

Алгинский райотдел, на территории которого находился совхоз, и занимался этим делом. От города до центральной усадьбы совхоза около двадцати километров.

«Пошлю туда Барцева»,— решил Шматлай, а сам принялся читать материалы уголовного дела, возбужденного по факту нападения на таксиста Дятлова Виктора Петровича. Этого происшествия только и не хватало! Шматлай хорошо ознакомил-

ся с оперативной обстановкой по городу за после-
дние месяцы — ничего подобного здесь давно не
было. Знал майор и то, что, если вдруг где и по-
явятся любители поднажиться за счет таксисткой
выручки, их надо как можно скорее обезвредить.
Сами они редко останавливаются.

Знали это, конечно, и в Заводском райотделе, где занимались этим делом, поэтому в тоненькой папке был подробный план следственных действий, копии ориентировок, направленных своевременно во все райотделы города и области. Специально выделенные сотрудники милиции дежурили на автопредприятиях, к работе активно подключились дружинники и члены оперативных комсомольских отрядов из числа таксистов. «Что значит профессиональная солидарность,— думал оперативник, читая рапорта общественных помощников милиции.— Вот так всегда бы, вряд ли нашелся смельчак поднять руку на таксиста...»

Думал Шматлай и о том: не увязываются ли воедино два происшествия — нападение на таксиста Дятлова и ранение Серкова? Оба случились почти одновременно. Вот то-то и оно. Одновременно, но в разных, противоположных концах города. Преступники, ранившие Серкова в Новом микрорайоне, никак не успели бы добраться до Центрального парка культуры и там напасть на таксиста с тем, чтобы без видимых причин бросить исправную машину в каком-то километре от места нападения.

Мало того, в районе парка культуры всю ночь патрулирует передвижная милицейская группа, ничего подозрительного ребята не заметили.

Настораживало странное поведение самого Дятлова. Напали на него ночью, перед рассветом, а в милицию он пришел утром. В объяснении потерпевшего, написанном невыработанным почерком с завитушками — как у пятиклассников — говорилось по этому поводу, что Дятлов понадеялся сам найти машину, а кроме того налетчики, приметы которых он с перепугу не запомнил, предупредили: раньше девяти, мол, не заявляй, из-под земли достанем.

Шматлай позвонил в райотдел, узнал, что нового по налету пока нет.

— Если что, звоните немедленно...

Потом к нему в кабинет доставили из медицинского вытрезвителя Семена Калебанова, инженера проектного института. Под утро его подобрали на улице почти раздетым. Очнулся он не совсем еще трезвым, заявил, что ночью его ограбили, угрожая оружием; и попросил позвонить домой, чтобы привезти одежду: на нем не оказалось ни брюк, ни пиджака, рубашка была порвана. Теперь же на нем красовался строгий черный костюм, белоснежная сорочка. Все это совсем не соответствовало помятому лицу с отросшей щетиной. Положение его было незавидным, но он пытался острить...

— Вот так,— говорил он,— живешь, живешь, вдруг бац!— и понедельник. У меня получилось как в той песне — точь-в-точь... Вы знаете такую песню?— спросил он Шматлая и, не дожидаясь ответа, тихо пропел неожиданно приятным голосом, растягивая, будто слегка заикаясь, слова:— А вчера я, ребя-ата, случа-айно на дороге деся-атку наш-шел...

И, переходя на прозу, продолжал:

— Я-то, вообще, не десятку нашел. Премию мне отвалили. Месячный оклад, ручку мне директор пожал... За дело, конечно. А я — эх!

— Слушайте, Калебанов,— прервал эти разглагольствования майор,— вы же так умеете, чтобы самую суть. Я же вижу. Вот и давайте.

— Умею. Значит, самую суть? Учтите, я отъявленный прагматик. Поэтому и отвечаю самую суть: ничего не помню. Точно, ничего не помню после того, как вышел из ресторана. Стыдуха, конечно...

Шматлай не выдержал. Он не любил читать наставления, а тем более отчитывать. Конечно, таких вот — взрослых, с вузовскими ромбиками...

Но... не выдержал.

— Видите, Калебанов, к чему приводит невоздержанность. В ваши тридцать лет — и ничего не помнить?

— Опять понял,— инженер отрешенно махнул

цифры. Это называется «виктимностью» на [illegible] криминалистическом языке. Это когда потерпевший, то есть жертва преступления, сам провоцирует [illegible] несчастье. На свою голову. Поэтому слушайте самую суть.

Теперь он совсем протрезвел и говорил сокрушенно, без выкрутасов и прибауток.

— Вчера, после работы, я со своими коллегами выпил по две рюмки коньяку на ходу — у стойки коктейль-холла. За успехи. И разошлись. Потом — это-то я хорошо помню — вернулся в ресторан, только теперь в зал. Черт его знает, откуда такое купеческое ухарство?.. Рядом — симпатичная дама, два ее спутника. Остроумные ребята. Я угощал, меня тоже. Подсел за другой столик... Да что там рассказывать...

Оперативник терпеливо слушал.

— Помню, расплачивался с официантом, по плечу его хлопал. Пятерку ему отвалил. А на улице отключился. Только вот что: как во сне, вроде бы видятся крутые ступеньки вниз. Меня вели, толкнули, упал — и сейчас колено болит.— Он потер ладонью правое колено и поморщился:— И — все. Теперь вся суть.

— Сейчас пройдите в 27-й кабинет,— сказал майор,— это по коридору направо, подождите несколько минут, вас пригласят. Напишите подробно обо всем, что вы сейчас рассказали. Потом можете идти, в приемной вас ждет жена. Всего наилучшего. Серьезно подумайте о себе...

Инженер вышел, а Шматлай набрал номер по внутреннему.

— Володя, сейчас возле твоего кабинета ждет Калебанов, ты в курсе. Сначала распорядись, чтобы установили точно место, где его подобрали... Да, его подобрала патрульная машина. Пусть в этом районе быстренько и тщательно проверят все незапирающиеся подвалы... Правильно, я думаю, он сам разделся, решил, что домой пришел. Затем пригласи его и отбери подробное объяснение. Ты с ним не очень того... Смеешься?.. Ты учти, остаешься в отделе один, все в разгоне. Я поехал на завод «Металлист», не отлучайся пока.

В машине майор спросил шофера:

— Сергей, тебе бывает жалко чужого человека? Совсем постороннего?

— Как же, Антон Юрьевич, бывает. А если у человека беда?

— Скажем, сам виноват.

— Ну и что? Смотря какой человек.

— Слушай, а ты изворотливый.

Сергей засмеялся.

— Без этого нельзя.

— Без чего? Без изворотливости?

— Нет, чтобы не пожалеть человека. Тогда и жить зачем?

Барцев выехал в Алгинский район утром. Еще не доезжая до автобусной остановки, приметил стрелку-указатель «Районный отдел внутренних дел. Милиция». Последнее слово было написано крупно. «Не придется спрашивать дорогу»,— обрадовался старший лейтенант.

— Начальник у себя,— сказал дежурный, мельком взглянув на открытое удостоверение.— Почту читает. Да вы идите, вас он сразу примет.

Тучный полковник, начальник райотдела, сразу начал сетовать:

— Одолели бумаги. Каждый день с утра вот такая пачка.— Он приподнял толстую папку с тисненной надписью «на доклад» и, опустив, шлепнул ею о стол.— И мы пишем, и нам пишут... Ну, это к слову. Так с чем к нам пожаловал?

Барцев протянул предписание.

— А, это по магазину. Как же, как же, повозились. Пришлось повозиться, куда денешься. Вчера вот задержали троих.

— Их трое было? Не четверо?— осведомился Барцев.

— Четверо, но задержали троих, теперь уже и арестовали, пока сидят у нас в ИВС — изоляторе временного содержания. А один соучастник откололся от них сразу после ограбления. Ищем... И где задержали? В Киргизии! Спасибо, соседи помогли...

Полковник нажал кнопку, вошла девушка-секретарь.

— Умарова пригласите. Сейчас следователь

Умаров все разложил по полочкам. Он арестовывал, он дело ведет, у него и трофеи находятся.

Полковник встал, протянул руку.

— Ну, будь здоров. Привет Антону Юрьевичу, давно его не видел.

Умаров рассказал:

— Мы тут сразу поняли, что это кустари были, дилетанты. Взломали магазин, а взяли лишь то, что под руку попало. Там магазин смешанных товаров — из одежды кое-что, культовары, продукты. Так они, видишь ли, за водкой завернули. Взяли ящик, заодно прихватили три костюма и радиоприемник ВЭФ-202. В общем рублей на 600 с копейками.

— Слушайте, капитан, а как их установили?

— Да просто. Участковый у них там молодец. Прочитал нашу ориентировку, приметил, что парни последнее время гуляют. Вот и все. А можно узнать, почему вас заинтересовало это дело? Вроде бы оно не такое заметное.

— Оружие у них было, вот в чем причина. А в городе убийство с применением огнестрельного. Вот и изучаем подобные происшествия.

— Когда у вас случилось?

— Позавчера.

Следователь помолчал, потом сказал, перебирая бумаги в папке.

— Слушай, старший лейтенант... А ведь у четвертого, у того, что в бегах, обрез имелся. Об этом задержанные в один голос говорят... Правда, это уж так у них заведено — сваливать вину друг на друга. Вот на, читай...

Это была ориентировка, в которой говорилось, что в производстве следователя Умарова находится уголовное дело, возбужденное по факту разбойного нападения на магазин. Один из четверых налетчиков скрылся, по имеющимся сведениям, он вооружен обрезом охотничьего ружья. Фамилия его Луконин, зовут Евгений, лет двадцати пяти, рост 175—178 сантиметров, блондин. Совершил побег из лечебно-трудового профилактория, где принудительно лечился от алкоголизма.

Теперь на миг задумался Барцев и сразу вспомнил — Луконин! Ведь эта фамилия фигурирует в

протоколе допроса свидетельницы Надежды Сер-
ной.

Шматлай принес к начальнику пораньше: ми-
нут за тридцать до начала совещания. Генерал с
утра не принимал, готовился к докладу в облис-
полкоме, до трех часов находился там. А у майора
были бумаги на подпись.

— Заходи, Антон,— сказал генерал,— заходи.

Это так повелось. Один на один начальник
называл его Антоном. А вот в присутствии кого-
либо другого или по телефону — нет. В этих слу-
чаях строго официально.

Шматлай положил красную папку «на подпись».

Генералу нравилось, как отдел уголовного ро-
зыска готовит документы, но он всегда придирчи-
во читал их, от слова до слова, приговаривал: «Пом-
ню, это по той жалобе? Не опоздали? Завтра срок?
Хорошо. Это тоже знаю».

Подписал. Вернул папку, взглянул на часы.

— 15.45. Твои придут в 16?

— Уже здесь. Нет пока Булатова. Поехал в
поселок «Берлин». Пока нет.

— Что у него там?

Шматлай пожал плечами. Он не знал и сам.

— Добро. Зря бы не поехал. Так что у тебя? С
инженером грабеж подтверждается?

— Пока еще не ясно, товарищ генерал. Но мне
только сейчас доложили: нашли все его вещи в
подвале жилого дома. Все нашли: брюки, куртку...

— Так он что, в одних трусах был?

— В одной майке... Вот только часов не отыс-
кали и денег не оказалось...

— Сколько?

— По словам Калебанова, у него должно было
остаться рублей семьдесят.

— Значит, грабеж пока не отпадает, не надо
спешить с отказом. Надо возбуждать уголовное
дело.

Генерал встал, мельком взглянул на присут-
ствующих. За длинным полированным столом си-
дели все начальники районных отделов внутренних
дел города, начальники отделений уголовного ро-
зыска, эксперт-криминалист, два участковых ин-

спектора из Кировского райотдела. Одного — лейтенанта Кулакова — генерал знал хорошо, со вторым встречаться не приходилось. Молодой инспектор из отдела уголовного розыска сел дальше всех. «Барцев»,— припомнил начальник управления.

— Начнем,— сказал он.— Нет Булатова, ждать его не будем. Поговорим о вооруженном нападении на Серкова. Здесь,— генерал приподнял красную папку с тиснением «на доклад»,— есть ряд версий, в том числе и о нападении с целью ограбления. Пусть над этим вопросом работает аппарат Шматлая. Но раз в городе появились вооруженные преступники, с вас, товарищи начальники райотделов, будет особый спрос. Информируйте добровольные народные дружины, оперативные комсомольские отряды. Вводите в действие все резервы. Докладывает майор Шматлай.

— Личность потерпевшего установлена по документам и свидетельству знавших его людей. Серков Василий Федорович, 22 года, уроженец города Киева. Сам он пока остается в тяжелом, бессознательном состоянии. По данным автобиографии, у него есть мать, в настоящее время живет в селе Маяки. После восьми классов учился в профессионально-техническом училище с одновременным общеобразовательным средним обучением. Специальность — слесарь-лекальщик. Работал на машиностроительном заводе, но в начале прошлого года приехал к нам, на «Металлисте» его взяли охотно — он хороший слесарь и, кроме того, перворазрядник по трем видам спорта.

— Образ жизни. Поведение, друзья,— потребовал начальник управления.— Там у него подружка была...

— Скажу. Итак, образ жизни,— продолжал Шматлай.— Вел себя очень скромно. Не пил совершенно и, как это ни странно, не имел друзей, хотя со всеми поддерживал хорошие отношения. Работал — по совместительству — инструктором в детской спортивной школе. О девушке. Пожалуй, Надежда Сычева была единственным человеком, с которым он был в дружбе. Если не считать мальчишек из спортивной школы. Я изъял его личное дело, осмотрел чемодан, находившийся в общежи-

ния. Никаких писем, дневников не обнаружил. Допросил ряд свидетелей, соответствующие протоколы имеются.

— У вас все?

— Интенсивно ищем квартиру, где он жил последний месяц.

— Хорошо. Капитан Кадыров, что у вас?

— Докладываю.— Эксперт-криминалист встал, открыл лежавшую перед ним папку.— Потерпевший ранен из гладкоствольного оружия, скорее всего, обреза, 12 калибр. Пулю нашли. Она прошла через щель в заборе на территорию стройки. Пуля малодеформирована, представляет собой так называемый «жакан» фабричного производства. Выстрел произведен с близкого расстояния. На месте происшествия и при операции были обнаружены гильзы — пороховой и дробовой, тоже фабричные.

Эксперт достал из папки еще один документ, быстро пробежал глазами, и продолжил:

— На месте происшествия найден кусочек узкого ремня длиной в 6 сантиметров со следами свежего среза. Это может быть частью наплечного ремня от облегченной стандартной кобуры для пистолета. Мы тщательно обследовали одежду потерпевшего и на внутренней стороне рубашки нашли частицы кожи, идентичной с кожей найденного кусочка ремня. По-видимому, ремень срезали торопясь, плохо заточенным режущим предметом...

— Выводы?— спросил генерал, и сразу же добавил.— Там ведь нашли еще и два патрона?

— Да,— подтвердил эксперт.— Два патрона к пистолету «ПМ».

— А вывод напрашивается такой, товарищ генерал,— сказал, приподнимаясь, Шматлай.— У потерпевшего, скорее всего, был под рубашкой, под левой рукой, пистолет Макарова в кобуре. Преступники после выстрела разорвали рубашку и срезали кобуру ножом, они, естественно, очень спешили. Кстати, на левом боку потерпевшего имеется глубокая свежая царапина.

— Выходит, преступники знали, что у Серкона есть оружие?— генерал всем корпусом повернулся к Шматлаю.— А что говорит на этот счет Сычева?

— Сычева однажды видела у него патроны, а

самого пистолета — нет. А преступники... возможно, что и знали. Скорее же всего, Серков пытался их опередить, достать оружие, но не успел. Во всяком случае, у этих типов, которых мы ищем, теперь, надо полагать, имеется два ствола: обрез 12 калибра и пистолет Макарова с патронами.

— Час от часу не легче,— вздохнул генерал, и продолжил:

— Разыскивал возможных свидетелей участковый инспектор Кулаков. Что у вас, Алексей Кузьмич? Давно вас не видел... Рассказывайте.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Мы с лейтенантом Жакеновым мальчишку одного разыскали.

— Знаю. Двоих там свидетельница видела, возле овощного магазина.

— Так точно. Только вот тут неувязка и выходит. Установили мы только одного: Митюхина Анатолия, 17 лет. Живет он по улице Виноградова в доме № 28 с матерью и сестрой. Мне мои ребята хорошо его обрисовали и утверждают, что несколько раз видели в Новом микрорайоне, употребляющим пиво и даже вино. А мать Анатолия, Антонина Дмитриевна Митюхина, наоборот, доказывает, что ее сын не находится дома с 12-го июня ввиду пребывания в Чимкенте — в гостях у бабушки по отцу.

— Раньше вы бывали в этой семье, лейтенант Жакенов?— спросил генерал.

— Нет. Я на участке два месяца. Не успел...

— Плохо! Что у вас еще, Алексей Кузьмич?

— Есть еще одна хитрость... Я сегодня, собираясь на совещание, опять со своими несовершеннолетними беседовал. Так, с того самого дня, с 14-го то есть, посторонние подростки и замеченные с ними взрослые в микрорайон больше не приходили. Мальчишки, они везде шныряют, а после моей просьбы — особенно. Так что это точно. У меня все, товарищ генерал.

— Добро,— сказал генерал.— Кто хочет что-либо добавить?

— Разрешите?— встал Сатаров.

— Да.

— Мне кажется, что наиболее вероятной версией может быть нападение, совершенное с целью

ограбления двумя подростками, на которых указала Сычева. Когда Серков с Сычевой были еще вместе, впереди них шли три человека. Возвращался же парень один. Те, двое, решили припугнуть обрезом и ограбить. Серков не испугался. Вот и нажали на курок. Потом вывернули карманы...

Барцев за это время написал записку и передал Шматлаю. Тот прочитал и сразу же попросил слова.

— В Алтинский райотдел ездил старший лейтенант Барцев. Для сведения — там было вооруженное нападение на магазин, преступление раскрыто, трое преступников задержаны: Четвертый скрылся, имея при себе обрез охотничьего ружья. Самое главное то, что фамилия скрывшегося Луконин — это бывший муж свидетельницы Сычевой Надежды, подруги потерпевшего Серкова. Следовательно, можно выдвинуть и еще одну версию — месть.

В кабинет вошла Лилия Ивановна, секретарь начальника управления.

— Талгат Султанович, Булатов по городскому. Говорит, что срочно надо...

Несколько минут генерал сосредоточенно слушал, потом положил трубку и встал.

— Я выезжаю с опергруппой в «Берлик», там совершено убийство. Майор Шматлай, активизируйте работу по всем версиям, особенно по версии «месть»... Не забывайте о заявлении таксиста Дятлова.

У Шматлая в голове засела мысль об обрезе, особенно когда он услышал на оперативном совещании сообщение эксперта-криминалиста о том, что убийство совершено из ружейного обреза 12-го калибра.

Обрез 12-го калибра. Ну и что? Из любого ружья можно изготовить обрез. Только вот майор никак не мог припомнить, видел ли он когда-нибудь обрез такого крупного калибра.

Чаще всего это были изуродованные ружья наиболее популярного у охотников 16 калибра, чаще одноствольные. Видел он и винтовочные обрезы... Но калибр, калибр...

И вдруг... Дело-то ведь не в обрезе. Вернее, не только в обрезе. Квартирная кража, вот в чем дело. Нераскрытая квартирная кража.

Шматлай взглянул на часы — 18.45. Он взял трубку внутреннего телефона.

— Вы еще не ушли, лейтенант? Хорошо. Как у вас дела с обзором по кражам? На машинке? А машинистка, конечно, уже ушла? Жаль. Но первичные материалы у вас? Берите все и заходите.

— Понимаете ли, — сказал он Барцеву, когда тот принес ему папку,— у меня тут появилась одна мысль. Правда, я ее еще и сам как следует не продумал. Кстати, вы не очень сегодня торопитесь домой?

— Нет.

— И хорошо. Тогда у меня вот какая просьба, Алеша.— Шматлай незаметно для самого себя вдруг перешел на «ты». — Сейчас оставь мне справку о кражах оружия, а сам срочно сделай выборку в хронологическом порядке всех зарегистрированных краж. Обо всех — из квартир, магазинов, складов. Бери все раскрытые и нераскрытые. И только так: никакого пока анализа не требуется, только голый факт: когда, где, каким способом, что украдено. Раскрыто — нет. Понял?

— Ясно. За какое время?

— Ты обзор делал за пять месяцев? Вот и дай справку за этот период. И узнай по райотделам за июнь месяц. К утру успеешь?

— Конечно, у меня ведь все под рукой. Только...

— Что?

— Вы хотели меня вилотную подключить к делу о преступлении в микрорайоне.

— Вот именно, я и подключаю,— улыбнулся майор.

Справка о кражах оружия уместилась на одной странице. Из школы № 26 была украдена малокалиберная винтовка. Кража раскрыта. Два пневматических пистолета... Еще малокалиберка... А вот и оно, ружье системы «Зауэр», в марте украдено у Ковалева. Конечно, Шматлай, знакомясь с документами, прочитал сообщение об этой краже, и след в памяти остался. Он позвонил начальнику

от имени уголовного розыска Пригородного райот-
дела Антипову.

— Кража у Ковалева?— удивился тот неожи-
данному звонку Шматлая.— Помню. Сейчас скажу
поточнее. Унесли старенькое ружьишко. Калибр?
Нет, не помню. Этим занимается инспектор Хван,
завтра уточню, а хочешь, подошлю его к тебе с ма-
териалами. Сам утром поедешь? Что, это горит? Ну
смотри, дело хозяйское. Адрес дам, записывай...

«Ружьем займусь завтра, с утра,— решил май-
ор.— А сейчас разузнаем о Борисе Луконине, что
ене за субъект?»

Информационная группа дала справку сразу:
Луконин, 24 лет, определен в лечебно-трудовой про-
филакторий сроком на один год по решению на-
родного суда. За два месяца до окончания срока
сбежал. До помещения в ЛТП проживал у отца по
улице Грушевой.

Шматлай отыскал на плане города эту улицу
вызвал машину.

— Егор, меня хорошо слышишь? Ты дома один?
Так слушай: требуется взять под контроль квартиру
в знакомом нам с тобой доме. Квартиру за номером
семнадцать. Как я понял, это в том же подъезде,
где живет подружка покойного. Корочка, нужно
все делать потихонечку, по шажку. Все по схеме:
этаж, кто живет, соседи, когда на работе, когда при-
ходят, уходят. Словом — подробная информация в
возможно короткие сроки. И — не торопясь. За это
дело примешься после основного задания. Пока. Да,
подожди. Всегда помни: нас с тобой ищет уголов-
ный розыск. Это неприятно сознавать, но в этом на-
ше преимущество. Мы можем планировать свои
действия, ибо мы знаем, кто именно нас ищет. А
уголовный розыск ищет, но не знает кого. Понял?
Нам надо подольше сохранять такое преимущество
и поэтому — никакого шума и никаких сильных
средств. Тихо, очень тихо. Как мышь. Теперь все...

Возле нужного Шматлаю дома, по улице Грушевой, на скамейке под отцветающей акацией сидел старик и курил. Он был весь какой-то серый, облезлый, начиная с головы, покрытой той реденькой и

неприятной сединой, которая отличает одиноких, заброшенных старых мужчин. Шматлай начал разговор легко: на калитке, прищипленная гвоздем, болталась фанерка с надписью, что здесь сдается квартира для семейных.

— Вы хозяин?— спросил, поздоровавшись, оперативник.

— Я хозяин. Бывший,— буркнул старик.

— С кем же мне говорить насчет квартиры?

— Так со мной же. Я хоть и бывший, а хозяин.

Шматлай сел на край скамьи, предварительно смахнув с нее пыль газетой. Спросил:

— Что вы заладили — бывший да бывший? А нынешний кто?

— Так я же и бывший, и нынешний. Потому бывший, что раньше у меня тут все горело-блестело, а сегодня, видишь, милый человек, ты газеткой лавочку обметаешь. Один я здесь проживаю, а сил моих никаких не осталось.

— Совсем один?— удивился Шматлай, повернувшись лицом к большому, в четыре окна на улицу, дому.— А жена, дети?

— Жена померла... А дети? Где ж им быть, разбежались кто куда.

Старик затянулся сигаретой и замолчал. Шматлай уже давно бросил курить, но сейчас, чтобы поддержать разговор и не быть навязчивым с вопросами, как бы машинально похлопал себя по карманам, разыскивая курево.

Старик протянул ему пачку каких-то незнакомых, видно, самых дешевых сигарет. Майор взял одну и стал разминать в пальцах. Это незначительное событие взбодрило старика, казалось, он обрадовался, что нашел неожиданного слушателя, с которым можно покалякать.

— Так тебе квартира, значит, нужна? Приезжий? Семейный? Тут вот какая штука — раз будет здесь проживать семья, значит, и мне лучше. Газ и вода есть, а мне, может, когда тарелочка какая лишняя выдастся... Силешки-то вовсе нет, особенно, как в прошлом году переболел. Старость не праздник, милый человек. Так кто у тебя семья-то?

Шматлай сказал, что у него жена и сын, сыну девять лет. А сам порадовался, что Алена с Алеш-

Кои еще вчера вечером уехали из этого пекла в деревню к его, Антона, отцу, Юрию Владимировичу, и сегодня с утра уже, наверняка, на озере.

— Один сын-то? А у меня трое их было — две девки и парень...

Старик сделал несколько глубоких затяжек подряд, бросил под ноги окурок и стал рассказывать:

— Женился, когда было уже за тридцать, в войну. В армии не был — отроду хром на левую ногу. А батя погиб на фронте в сорок третьем, мать умерла от брюшняка, эта усадьба от них и досталась. Жену нашел на базаре, в ларьке мороженым торговала, с сахарином. Одна она была на свете, из эвакуированных. Вот тогда я и врубился в хозяйство. Сад и огород — усадьба большая, пятнадцать соток. Яблоки и вишни, огурчики и помидоры, лук с петрушкой — все выращивал, все на базар. Сапожничал. Зимой в будке сидел на мелком ремонте и дома шил, тапочки больше. Пошли дети. Сначала Галина, потом Ольга. А младший, Женя, этот не так уж давно, сейчас ему двадцать пятый. Все хорошо. Силенка была, деньжата водились, жена их на книжку складывала, на черный день. Были, чего говорить, и черные дни. Горели один раз, другой раз обокрали. Ничего, поднялись, оклемались. Галка первая замуж выскочила. Муж ее, Сашка, техником в артели какой-то, тяпляп-сбыт, радио, что ли, делают. Денег куры не клюют, квартира есть, хрустали и ковры, а все мало. У Ольги похуже, у той руки дырявые, деньги сквозь пальцы — на такси, на женихов. То Кольку привела, то Генку, то Витечку. Сколько их у нее там было, ей одной ведомо. Остался Евгений. Его после десятого класса устроили в политехнический институт, выучить решили. Учиться начал, да неплохо... Только вот пять лет назад умерла жена, инсульт был. Была хозяйка, и не стало. Похоронил как надо, погоревал, сам заболел, седьмой десяток уже шел. Горюй не горюй, а жить-то надо... Взял сберкнижку, пошел оформлять ее на себя, книжка-то на жену была. И тут оказалось, что покойница все им, детям, назначила по записи. Дочкам побольше, Жене меньше — три тысячи досталось.

Вот так... А еще до этого Сашка, Галкин муж, ластился все: отдай говорил, папа, машину, тебе-то она без необходимости, а нам вон как требуется, дачу мы завели... Зять любит взять, правильно сказано. Отдал я им «жигуленка»...

Таким, значит, путем, милый человек, и остался я на бобах, при пиковых интересах. Хотел жениться было, имелась одна вдова, да дочки не допустили. Не позволим, сказали, чтобы в маминном доме другая хозяйничала. А сами... Галка так за четыре года два раза всего и была, и то в последний раз за стеклянушками приходила, что еще в серванте оставались. У Ольги от рук деньги отскакивают, за месяц свою долю профукала...

Старик извлек из помятой пачки сигарету, зажег спичку, протянул Шматлаю.

— Прикуривай, чего ты ее в пальцах мнешь. А для Женьки деньги и совсем горем обернулись. Забрал все себе, мне сказал — не лезь, не твое собачье дело, мамин подарок. Пить стал за упокой, и так. Из института вышибли, он и вовсе взбесился. То в вытрезвитель, то на пятнадцать суток, то еще что. Соседи от него криком кричали, а он ружьишко мое испоганил, обрез сделал, поубиваю вас, кричит, кулаков проклятых. Вот в прошлом году по суду и определили его на принудительное лечение. Такие они, дармовые денежки-то...

Старик поднялся, позвал Шматлая:

— Пошли, дом посмотришь, сад. Да ты не бойся, я сейчас один.

— Лечится, Евгений-то?— осведомился оперативник, проходя в калитку.— Молодой ведь, пропасть может...

— Сбежал он оттуда. Недавно из милиции участковый был, и еще один, старший лейтенант из профилактория. Искали. Говорили, чтобы сам воротился, ничего, мол, ему не будет за бегство. Чтоб я ему это пересказал.

— Сын, конечно, не приходил,— равнодушно сказал оперативник.

— Как не приходить, был вчера. Пьянь-пьянью, клепал что-то в сарае, опохмелиться просил, а откуда же у меня? Когда уходил в ночь-то, немного получше стало ему, обещал вернуться туда. Еще

часы вот мне отдал, я раньше таких и не видел. Нажмешь кнопку — там время светится. Сохранил, батя, сказал, а то пропью еще. Старик показал Шматлаю часы на браслете, нажал кнопку. На маленьком табло появились цифры —20.45... Имен. но такие часы были у инженера Калебанова.

Минут пятнадцать Шматлай ходил по дому и участку, сказал, что посоветуется с женой и она завтра-послезавтра придет посмотрит. Потом быстро пошел к тому месту, где ждал его Сергей. «Сейчас же надо выставить засаду»,— решил майор.

Булатов с нетерпением ждал Шматлая, ходил из угла в угол его просторного кабинета, рассматривал виденные сто раз трофеи, выставленные в застекленном шкафу, в недоступном для глаз постороннего посетителя углу. Здесь были патроны, кастеты и ножи, фотографии...

Шматлай пришел в 21.30, на ходу протянул руку.

— Рассказывай...

— Знаешь, Антон, я поначалу сам удивился. Утром, еще до девяти, из больницы позвонила Надежда Сычева, подруга потерпевшего.

— Разве она в больнице?— удивился Шматлай.

— Да...

...Наде стало плохо на работе вскоре после беседы с Булатовым. Вызвали «скорую», которая увезла девушку в больницу. На другой день утром к ней пришла мать.

Надина мать всегда спешила. Спешила она с тех пор, когда трагически погиб ее муж, летчик гражданской авиации. Младший, Олежка, родился через месяц после гибели отца. Наде было тогда три года, а старшей, Ирине,— пять.

Вот с тех пор и спешит их мать. Спешит на работу, спешит в магазин, спешит домой. Теперь можно бы и не спешить. Девочки уже работают и учатся заочно.. Олежка в десятом и дома помощник. А мать все спешит. Привычка, что с ней поделаешь? Но сама поучает:

— Ты, Надюшка, не торопись выписываться. Здоровье — это главное. Будет здоровье — все при-

ложится. Я тебе сливок принесла, клубнику — Олежка на базар бегал, купил. Печенья твоего любимого тоже захватила. Завтра забегу с утра. А сейчас мне пора, выздоравливай.

Уже в дверях, снимая халат, она вспомнила:

— Да, тебе письмо. Только-только с газетами принесли. На. А я побегу.

Надя взяла конверт и обмерла. Адрес написан рукой Василия. Она опрометью побежала к дежурной сестре — звонить Булатову.

— Вот это письмо,— протянул Булатов конверт майору.— Как только больная разобралась, в чем дело, она позвонила мне. Письмо отправлено по городской почте 13 июня, доставлено адресату 16-го утром.

Шматлай вынул из конверта небольшой листок бумаги и медленно прочитал:

«Дорогая Надюша! Прости меня, что я прибегаю к такому методу, но ты меня поймешь, когда вернусь, обо всем тебе расскажу. Сейчас мне необходимо уехать. На завод я напишу из того города, куда еду, ты пока ничего никому не говори. Только у меня к тебе большая просьба, запомни и выполни. Если через две недели я не вернусь, пойди в милицию, к начальнику (обязательно) и скажи, чтобы в «Берлике», по улице Лесная, дом 15, у хозяйки Е. Л. Кульковой забрали мой чемодан. Это очень важно и опасно. Помни меня, целую, Васек».

— Я, не откладывая, сел в своего «жигуленка», взял с собой Савчука — и в «Берлик». Опоздали мы часа на два-три. Знаешь, там почерк работы опытного квартирного вора. Все вверх дном, распороты диван, кресла, из банок высыпали крупы, сахар... Хозяйка работала киоскершей в газетном киоске в гостинице «Ракета», а в этот день в холле приступили к ремонту. Вот ей и пришлось закрыть киоск, вернулась домой невзначай, и ее — табуреткой, видимо, заранее приготовлена была, на всякий случай.

— Что взяли?

— Кто же его знает? Послали за дочерью, она живет в Ташкенте. Мои ребята выясняют, работают. А вообще там было что брать. Потерпевшая —

вдова доцента, сама, правда, раньше никогда не работала, да и сейчас, как показали соседи, устраивалась на работу главным образом для того, чтобы быть среди людей.

— Серков действительно у нее жил?

— Там. Мы нашли некоторые его вещи — учебники, чертежные принадлежности, чемодан со слесарными инструментами.

— Молодец, ас. А не наследил, Жорочка?

— Норма, Боб...

— То-то, теперь знаешь, что к чему. Сиди дома до вечера и не рыпайся, потом созвонимся... Там всего хватает?

— Сколько надо, и еще останется. Пока!

— Итак, кражи,— сказал Шматлай, когда Барцев подал ему отпечатанную на машинке справку.— Я, было время, побегал по кражам. Ты сам, для себя, какие-нибудь выводы сделал?

— Мне кажется, тут все ясно. До 10-го апреля у нас все кражи раскрыты. А с десятого кое-что повисло... Три квартиры, магазин, ларек. Все в разных районах города, по окраинам.

— И начались нераскрытые с ружья,— заметил Шматлай.

— Вот-вот. По-моему, появилась группа, я думаю так...

Улица Луговая — на самой окраине города. Здесь сплошь одноэтажные дома, сады, сирень, тишина, вода журчит в арыке. Хлопнула калитка, прокричал петух, залаяла собака. Сюда еще не пришла новостройка.

Шматлай приехал пораньше, чтобы застать Ковалева дома, пока тот не ушел на работу. Но торопился он зря. Хозяин дома № 18-а по улице Луговой Александр Поликарпович Ковалев встретил неожиданного посетителя возле калитки. Он подметал неширокую, окантованную дерном дорожку, ведущую в глубину двора.

— Милости прошу,— пригласил он, когда узнал, кто такой Шматлай и с чем пожаловал.— Был у меня здесь один наш молодой человек. Его боль-

ше интересовало, когда я приобрел ружье, степень износа...

Они вошли в дом, и майор сразу понял, что попал к охотнику.

В прихожей вместо обычных вешалок — рога джейранов и сайгаков, клыкастая голова вепря. В небольшой комнате (по всему видно — она служила хозяину кабинетом), на стенах и на этажерках — чучела птиц. Над старомодным письменным столом в застекленных рамах портреты: Обручев, Сапаев, Ферсман.

— Садитесь,— сказал между тем хозяин.— Так вот, Антон Юрьевич, ценности духовные, если они действительно ценности, остаются навсегда. Ценности же материальные стареют, изнашиваются, приходят в негодность. Как и мы, грешные. Я геолог-поисковик. Вернее — был таковым,— добавил он с грустной усмешкой.— Теперь уже три года на пенсии, сейчас копаюсь в своих архивах, хочу что-нибудь оставить молодым. Вы вот заинтересовались моим ружьем...

— Кражей,— уточнил Шматлай,— кражей из вашего дома...

— Хорошо, кражей. Но из всех пропавших вещей главным-то было ружье.

— А что, у вас еще что-то... пропало?

— Ну, собственно, все, что было рядом с ружьем. Сумка, нож охотничий, патронташ. Еще приемничек исчез маленький, «Сокол» и набор фломастеров. С письменного стола. Мне их сын из Риги прислал, служит он там. Ими чертить удобно. Впрочем, может быть, это я их сам куда-нибудь засунул. Знаете ли, случаются досадные провалы в памяти...

Шматлай украдкой взглянул на часы, но от хозяина это не ускользнуло.

— Вы торопитесь, Антон Юрьевич? Я сейчас, сжато...

— Нет, нет!— успокоил его майор, хотя действительно ему не терпелось узнать главное — калибр ружья.

— Ружье мне подарил учитель и первый мой начальник. Это еще до войны было... А меня и на фронт не взяли: нищи, сказали, месторождения.

Старик немного помолчал, уходя в свои воспоминания.

— Так что оно действительно старое, ружье это. Да и особой ценности не представляет — «Зар» массового выпуска двенадцатого калибра. Тогда это для молодого геолога была мечта.

Вот оно! Все же 12-й.

Оперативник профессионально почувствовал, что наконец-то вышел на видимый, отчетливый след и медлить ему нельзя. Сейчас нужно было выяснить еще одну крайне важную деталь. И он спросил:

— Александр Поликарпович, вот вы упомянули патроны с патронами. Они были снаряжены?

— Да, конечно. Меня в сентябре мои молодые друзья пригласили на охоту в низовья Чу. Вот я снарядил патроны — две дюжины. И ни разу не стрелял. У меня, знаете, совсем отношение к охоте изменилось, не поднимается ружье ни на птицу, ни на зверя. Бродил по степи, ружье и не расчехлял даже. А приехал, так и повесил вон на тот крюк, возле кабаньей головы,— он махнул рукой в сторону прихожей.

— А можно подробности? Чем были снаряжены патроны, помните?

— Как не помнить. Мы на уток собирались, так я восемнадцать патронов и снарядил третьим номером.

— А еще четыре?

— Ну, знаете, это вообще больше по привычке, так уж заведено у меня было. Два — пулями и еще два — картечью. В патронташе они: два крайние слева — пулевые, а два справа — с картечью. Бывало ведь так, идешь на утку, а на тебя крупный зверь выходит. В степи и волков немало...

— А пули, Александр Поликарпович, пули вы сами изготовили? Слышал, охотники мастера на это дело...

— Нет, у меня фабричные. Давно как-то купил, так и лежат с тех пор. Что это вас детали интересуют?

— Александр Поликарпович, подозреваете ли вы кого-нибудь в краже, а?

— Мне Мария Ивановна все доказывает, что взять... ну, то есть украсть, мог Виталий, есть у

нас на улице мальчик такой, говорят, испорченный очень. Но я ведь его почти не знаю... Я никого здесь не знаю, Антон Юрьевич, кроме ближайших сосе-дей.

— Кто это — Мария Ивановна?

— Соседка. Здесь за забором живет. Мы давние соседи. У меня, Антон Юрьевич, жена часто похва-рывает. Вот и сейчас в больнице — гипертонический криз. Годы, годы... Так Мария Ивановна мне по дому помогает.

— А как бы мне с нею встретиться? Сейчас она дома?

— Дома, конечно, дома. Она по утрам всегда дома. Я сейчас ее приглашу...

Геолог ушел, а Шматлай принялся рассматривать коллекцию минералов. Красивые друзы горного хрусталя, а рядом — совсем неприметные, бурые камни... За какой-то из них дали вот эту, висящую на стене Почетную грамоту, где написано: за открытие месторождения... и год — 1943.

Пришла Мария Ивановна. Ей лет шестьдесят, она с непокрытой головой, в фартуке.

— Здравствуйте,— сказала она.— Значит, из милиции? Можно ваш документ?

«Серьезная особа»,— подумал Шматлай, показывая удостоверение.

Женщина, прищурясь, прочитала «майор, начальник отдела». Она сразу преисполнилась доверием к Шматлаю.

— Я вот говорю, товарищ майор, только Витальку и мог украсть. У нас улица спокойная, тихая, один дом и есть, так это Каверкиных. Витальку — он и по садам-огородам, и в сараях замечен. Я Поликарповичу доказывала, а они ручкой отмахиваются: «Что вы, говорит, Мария Ивановна, я, может, сам виноват»,— даже заявление писать не хотел, я заставила. Может, мальчик, говорят, ни при чем... Тоже мне скажете — мальчик. Да там что мальчик, что девочка! Не обижайтесь, товарищ майор, а милиция не туда смотрит. Мать вон его, Зинка, кондуктором, что ли, или проводником в поезде. Две недели в рейсе, две недели по ресторанам. С каких, можно спросить, доходов? А то, что кофты-лифчики привозит, и с нашей улицы неко-

терые бабы берут. Аферистка она, Зинка. Кремлин какой-то привезла — купили. Ковер недавно у нее Ильиниха взяла, не задаром, ясно.

— Мария Ивановна,— спокойно перебил Антон,— а почему вы на Виталия думаете?

— Оно, конечно, не пойманный — не вор. Только пропадет парень. Учиться — не учится. То целыми днями здесь, на улице, то нет его. А перед тем, как быть пропаже, все возле наших домов крутился. Ко мне заходил, дай, говорит, тетя Маша, пятерку, мать приедет, отдам. Не было такого раньше. И к Поликарповичу ходил... Они тогда в больницу ездили. Я увидела — чего тебе там?— крикнула. Книгу,— говорит,— попросить хотел. Тоже, читатель... А сейчас не видать его на улице. Наверное, Зинка в рейсе.

— Что они, вдвоем живут?— осведомился Шматлай.— А отец, муж...

— Объелся груш,— опять вскипела Мария Ивановна.— Как она с рейса приезжает, у нее что ни ночь, то свадьба. Ушел от нее мужик, давно уже.

— В каком доме они живут?

— В 35-м, на углу.

Майор встал и распрощался. Сергей с машиной ждал его за два квартала, недалеко от троллейбусной остановки, и майор решил пройти мимо дома № 35, взглянуть. К его калитке тропинка заросла сочной травой. «Несколько дней никто не заходил,— подумал оперативник.— Травка-то свеженькая, непримятая».

— Что, Антон Юрьевич,— спросил Сергей, глядя на хмурое лицо своего начальника, когда тот уселся в машине рядом с ним.— Что-то не так?

— Давай в управление.

Майор углубился в свои мысли. «Интуиция,— думал он.— Ведь это всего-навсего интуиция, иначе говоря, основания на практике и опыте способность сознания подсказывать истину. Что ж, значит, стоящая вещь...»

Потом он стал думать о другом. Вот за короткое время оперативная служба свела его с двумя стариками. Почти одинаковыми по возрасту, но такими несхожими... Мысли перескочили на отца. Ведь тому уже под семьдесят, да и жизнь была не

из легких... Отвоевал, дважды был ранен, сразу после демобилизации — в сорок шестом — пошел воспитателем в детский дом — много тогда было сирот. Там и встретился с молодой учительницей Тосей, Антониной Сергеевной, ставшей матерью Антона. Потом сам учился в пединституте, преподавал литературу, был завучем, директором школы. Сейчас отец — заслуженный учитель республики, на пенсию идти его не заставишь — работает в сельской школе, пишет методические пособия. А ведь тоже овдовел уже десять лет назад... Вправе ли он, Антон, обижаться, что у него, взрослого человека, появилась мачеха?

В управлении дежурный доложил, что утром в доме гражданина Луконина по улице Грушевой засадой задержан неизвестный. Он проник в отсутствие хозяина в сарай и взял там коробку с патронами для охотничьего ружья 12 калибра. Хозяин задержанного не знает, раньше его не видел. Задержанный находится в состоянии опьянения, помещен в медицинский вытрезвитель.

Участковый инспектор лейтенант Жакенов воспринял краткое слово «плохо», сказанное в его адрес начальником управления, как приказ к действию, и решил сразу же ехать на свой участок, к Митюхиным.

Но немного поразмыслив, раздумал и отправился в райотдел вслед за начальником.

— Правильное замечание сделал вам генерал,— сказал ему Сатаров.— Справедливое. Вы должны знать всех таких, как этот несовершеннолетний Митюхин. Два месяца — это вполне достаточный срок, чтобы освоиться на участке.

— Я не оправдываюсь, товарищ майор, я хочу исправить.

— Вот и хорошо. Исправляйте. Только сейчас ехать к Митюхиным не следует. Прежде всего: все свои действия по этому делу согласовывайте с капитаном Булатовым, здесь самодеятельность может повредить. А сейчас примем такое решение: я сегодня позвоню чимкентским товарищам, пусть проверят, появился ли внук у бабушки. У вас есть адрес?

— Есть, конечно.

Хорошо. А вы начните со школы. Я знаю ваш участок, там вся детвора с улицы Виноградова ходит в пятьдесят вторую школу. Директор Евгения Николаевна Кузнецова. Лет двадцать работает.

В школе участковый уже успел побывать и директрисе представился. Поэтому утром, задолго до первого звонка, он пришел в ее кабинет как старый знакомый.

— Здравствуйте, здравствуйте,— приветствовала она лейтенанта, отрываясь от тетрадей.— С добром к нам или с лихом?

Лейтенант спросил, не помнит ли она одного из своих учеников — Анатолия Митюхина.

— Как же не помнить, помню. Вы уж меня простите, но раз он попал в сферу ваших интересов, значит что-то стряслось?

— Не всегда так, Евгения Николаевна. Забота моя — иметь в виду трудных

— Да, это ребенок трудный. К сожалению, таких мы всегда помним. Знаете, я его не очень давно встретила, спросила, как живет. «Нормально»,— ответил. «Учишься?» — спрашиваю. Засмеялся и пошел... Его мать после восьмого класса забрала из школы, устроила куда-то учеником По ремонту то ли холодильников, то ли телевизоров, что-то связанное с бытовым обслуживанием. И — в вечернюю школу. Он у нас едва выкарабкался из восьмого класса в прошлом году. Да что там греха таить, вытащили его. За уши.

— Евгения Николаевна,— осторожно вставил лейтенант,— меня интересуют его семья, его друзья... если вы знаете.

— Давайте-ка я вас сведу с нашим преподавателем по физкультуре. Он наш питомец, у нас аттестат зрелости получал. А живет по соседству с Митюхиными.

Допрос человека, задержанного во дворе Лукошина на улице Грушевой, длился уже почти два часа. Фамилия задержанного Трегубов, звали его Николаем Петровичем, а кличка —«Шлеп-нога»: при ходьбе он заметно отбрасывал в сторону правую ногу, как бы пританцовывал. На базарах, где

он постоянно шабашничал, его называли еще так — «Макоя», он охотно отзывался и на эту кличку. Он был хитер, упрям, изворотлив и непробиваемо тверд в своем упрямстве. То, что его задержали с патронами, удивило оперативников: не в привычках карманников возиться с оружием. Трегубов это объяснял просто: сказали на базаре — пойди возьми, дам десятку. Вот и пошел... Еще большее удивление вызвало другое обстоятельство. При обыске у задержанного нашли читательский билет на имя... Надежды Сычевой. Откуда билет? Связи между этими двумя людьми, казалось бы, не усматривалось.

Шматлай втолковывал задержанному:

— Никак не можем мы понять друг друга, Трегубов. Я вам одно, вы мне — сказочки про белого бычка.

— Я-то вас понимаю, гражданин начальник,— монотонно бубнил Трегубов,— это вы не можете понять. Нашла цыганка книжечку зеленого цвета, там фотография девахи. Цыганке зачем эта книжечка? Ей она, как рыбе зонтик. И отдала. На базаре...

— Как зовут цыганку? Вы ее знаете, конечно, раз она отдала вам книжечку?

— Откуда ж я ее знаю? Так, цыганка-молдаванка. Пиво вместе пили... Вот же какой вы, гражданин начальник. Пиво пили, рыбку ели... Что еще надо? Гад буду, начальник, счастья мне не видать, цыганка мне подарила, на счастье...

В это время в кабинет бесшумно вошел Барцев, положил перед Шматлаем листок бумаги, вырванный из блокнота. Шматлай быстро прочитал крупные буквы и вопросительно взглянул на старшего лейтенанта.

— Из четвертой хирургии доставили,— пояснил тот.— Больной пришел в сознание...

Майор перевернул записку текстом вниз и взял телефонную трубку.

— Хирургическое? Здравствуйте, это Шматлай из уголовного розыска, Александра Федоровна? Здравствуйте доктор, как там?..

Он выслушал короткий ответ и медленно опустил на рычаг трубку.

— Алеша,— обратился он к Барцеву,— спрашесь, Сычева еще в больнице?

— Я уже узнавал, ее на другой же день выпи сали, обошлось.

— Возьмите машину, отыщите ее — дома, на работе и, если здоровье позволяет, привезите сюда...

Барцев ушел. Трегубов молчал, постепенно, очень заметно бледнел, потом вдруг вскочил и закричал в истерике:

— Чего вы мне клеете, чего шьете? Не на кого списать мокруху? Карманник я, ты меня поймай в ширмане, попробуй, тогда и статью лепи, руки вяжи...

Шматлай выждал, пока Трегубов выговорится, потом спросил:

— Между прочим, а почему у вас кличка такая: «Макоя»?

Трегубов обмяк.

— Чего? А, кличка...— Он сел на стул и безвольно опустил руки.— Это у меня с детства. Николай меня зовут, мать меня называла Микола, а я говорил — Макоя... вот и пошло.

Он вдруг горестно вздохнул...

— Так вот слушайте, Коля. Вымыслы вам не помогут, игра в молчанку — тоже. Истину мы установим и без вас. Вы это хорошо знаете. Но тем хуже для вас. Мне не нужно напоминать вам, что признание смягчает ответственность.

Трегубова увели.

В записке крупными буквами без знаков препинания было написано: «Прибыл убийца ищите в Киеве в тюрьме Орехова Веню он знает оружие в Берлике бриллианты доставит Надежда...»

— Ты знаешь, Алькен,— сказал Шматлай, когда Булатов прочитал записку,— ведь мы с тобой сыщики, хоть я и не люблю этого слова. Нам нужно искать, искать и находить. К чему я тебе все это? Да к тому, братец, что тебе сегодня нужно отправляться в путь-дорогу.

— Так, понял. Новая одиссея капитана Булатова. Командировка, стало быть. Да еще куда: в город Киев.

— Да. Ты, конечно, хочешь спросить, почему

бы не послать кому другому, скажем, Барцеву? Сразу отвечаю: дело очень срочное.

— Как говорят в подобных случаях — общителен и имею определенный опыт, другому труднее справиться....

— Вот именно, вот именно. Ко всему прочему ты уже знаешь, что надо делать. Давай сейчас набросаем перечень вопросов. Самолет на Киев вылетает ночью, четыре часа в полете: теперь тула идет ИЛ-62, и ты на Крещатике. А пока давай разберемся с Надеждой Сычевой, сейчас ее привезут.

— Близится заключительный акт второго действия, Жорочка. Еще немного, еще чуть-чуть...

— Опять кощунствуете, Боб. Об этом здесь не надо...

— Брось сантименты, дурак. Что, хочешь сказать — еще совесть не всю потерял? Брось. Если все выйдет так, как я запланировал, мы с тобой на большой высоте окажемся. Полетаем и поездим мы с тобой, мой друг, по необъятным просторам нашей страны, поживем без забот и хлопот. Ведь вы не любите трудиться, мистер Жорж?

— Есть статья в уголовном кодексе — систематическое занятие бродяжничеством. Я же все-таки на юридическом был. Карается..

— Карается, марается. Мы с тобой хорошо замараны, мы с тобой не дружим с уголовными кодексами всех союзных республик. Для меня, Жорочка, уголовный кодекс со всеми его статьями — как флажки для матерого волка. Тот с флажками не считается, перепрыгнул, ушел и живет на всю катушку. А щенки тычутся в окладе, туда-сюда, и лезут под картечь. Понял? Ну тогда давай по последней... Ты гляди, не ленись, присматривай за красавицей из «Родника». Не у нее ли надобно искать? А? А где же там наша божественная Валерия? Все в ваше, трудовой пот смывает?

— Я вот она! Единственная и неповторимая. Налейте, мальчики.

Шматлай и Булатов были приветливы и предупредительны. Когда Сычева вошла в кабинет, Булатов пододвинул для нее стул.

Надя немного осунулась, стала, даже, будто бы меньше ростом. Может быть, сказывалось то, что волосы не были, как раньше, пышно уложены, а по-старушечьи гладко зачесаны назад и стянуты на затылке тугим узлом.

Чувствует себя хорошо, сказала она, но есть еще освобождение, завтра только на работу. Поинтересовалась, как там Василий, пускают ли к нему. Еще она сказала, что перволновалась сильно, вот и заболела так внезапно. Да еще жара стояла такая несусветная, наконец-то сегодня стало хоть чуть да не так, всего двадцать девять градусов, с запада тучки появились, вот бы дождь...

Она явно ждала чего-то непонятного, не сулящего ей ничего хорошего.

Шматлай сказал в свою очередь, что больному значительно лучше, что Василий уже приходил в сознание, но к нему не пускают даже его, майора Шматлая. Да и говорить пока Василий не может. Но пусть Надя не беспокоится, говорить он будет обязательно, врачи ручаются.

Булатов внимательно наблюдал за Сычевой и заметил, что ни в ее лице, ни в глазах ничего не изменилось, она безучастно смотрела в угол кабинета, где на невысокой тумбочке стоял портативный телевизор.

— Надя, мы пригласили вас, чтобы выяснить несколько деталей, связанных с нападением на Василия. Скажите, вы давно записаны в публичке?

Сычева недоумевающе вскинула брови.

— Что, это тоже касается?.. Хотя ведь да, вас не спрашивают.— Два года...

— И сейчас посещаете ее?

— Да нет, все некогда. Да и сфотографироваться надо, и читательский билет потеряла...

— Потеряли? Надя, не удивляйтесь, что мы вас об этом спрашиваем. Но постарайтесь припомнить, когда и при каких обстоятельствах вы потеряли читательский билет.

— Мне сейчас, вроде бы, уже нечему удивляться. Я хорошо помню, что билет я потеряла 18 мая. Почему, спросите? Да потому, что потеряла я кошелек. Там были этот самый билет, деньги — рубля три, что ли, и ключи от квартиры. Вот из-за ключей

я и помню. Пришла домой, я в тот день не работала, как раз в библиотеку ходила, полезла за кошельком в карман, а его и нет. Пришлось к Олегу, братишке, в школу бежать, ходила до звонка по коридору, а у них там табло такое: «Сегодня, 18 мая» и тэ дэ... Разве забудешь. А у нас на четверых два ключа осталось, решили новый замок поставить. Вот и поставили. Вас еще что-нибудь интересует?

— Спасибо, Наля, исчерпывающе... Но есть еще один вопрос. Вы куда-нибудь собирались ехать в эти дни?

— Я?— совсем естественно удивилась Сычева.— Нет, не собиралась ни в эти дни, ни позже... Нет, нет, никуда... А что?

— Еще один вопрос. Вам Василий рассказывал что-нибудь о ценностях, о кладе каком-то с бриллиантами...

— Нет, что вы... Нет. Он вообще о деньгах не любил говорить, говорил только, что их нужно зарабатывать. Честно. Хотел, чтобы я из официанток ушла. Думал, что все мы... ну, чаевые берем, что ли...

Булатов провожал. Надо до двери, вопросительно взглянул на Шматалая. Тот немного помолчал, потом сказал:

— Знаешь, тут что-то не так. Надо ее поохранять, я еще раз говорю: нападение на квартиру в Берлике не случайное стечение обстоятельств. Кто-то упорно проверяет все связи Серкова, это точно. Пусть-ка ее на работу и с работы провожает Алеша Барцев. Сейчас распоряжусь.

— Дело,— сказал Булатов.— Ну, а я за билетом...

У Шматалая на его широком письменном столе три телефонных аппарата — черный, зеленый и красный. Черный — городской, зеленый — внутренней связи и красный — прямой с начальником управления. Полированная столешница блестит, как лед на катке знаменитого горного спорткомплекса. На ней нет обычного стекла, под которым, смотря по вкусу хозяина, лежат календари, всякие списки с телефонными номерами или фотографии и репродукции из журнала «Огонек».

Зазвонил зеленый, внутренний. Дежурный по изолятору для задержанных сказал, что Трегубов требует встречи с начальником уголовного розыска. «Ведите»,— сказал майор и достал из ящика стола несколько бланков протокола допроса.

— Как, Трегубов, будем серьезно говорить, или опять... про цыганок?

— Серьезно надо, начальник.

— Приступили. Сначала о читательском билете на имя Сычевой. Откуда он у вас. Коротко и ясно.

— Признаю, начальник. Нечаянно я. Студент меня попросил пошарить, а я ведь, начальник, не дураковод, по бабским сумкам не специалист, ты посмотри там, у вас про меня все расписано. А он просит — пошарь, то ж моя баба, из дому выгнала, ключей у меня нет. Там, говорит, в кармане, блока на аркане, а достанешь мне ключи, я тебе подкину детишкам на молочишко.

Шматлай быстро писал.

— Кто это — студент?

— Да так, делята сушеный.* Я ему достал ключики, а он мне пятерку, и все. Шабаш. Хотели ему... да расхотели. Все равно нечего, испарился, как утренний туман, гад.

— Подпишите...

— С моим удовольствием. Так, все точно...

— Теперь о патронах.

— Вот тут, начальник, осечка получается. Не брал я патронов и не видел даже. Когда мне ваш опер их совал, я даже отвернулся, такое меня волнение охватило. В сарай я зачем полез, знаешь? Опохмелиться хотел, в таких сараях всегда есть. То ли вишнюко домашнее, то ли бражка. Знаешь, в таких бутылках, литров на двадцать и из них резиновая трубка в ведро пузыри пускает. Видал такие?

— Я все пишу, задержанный. Читайте и подписывайте.

Шматлай придирчиво изучил подпись и вывел задержанного в коридор. Там ждал молоденький и румяный сержант.

---

* Делята сушеный — вор, скрывающий свое имя.

— Ждите, Трегубов. Вы так пока ничего и не показали. Но я жду, я терпеливый...

Наконец-то прошел дождь. Ливневый, с грозой и ветром. Как начался ночью, так и хлестал почти до утра.

Утром, в семь часов, когда Шматлай шагал на стадион, дворники сметали с асфальта сбитые дождем и ветром листья, сухие сучья. Ветер был влажен и свеж, с деревьев слетали крупные капли.

Два года майор не был на своем родном стадионе «Динамо». И теперь, когда увидел знакомую вышку для тренировок пожарников, когда представил себе, что сейчас пробежит несколько кругов по гаревой дорожке, поиграет в волейбол и нырнет в прохладную воду бассейна, он, наконец, почувствовал себя окончательно дома. «На круги своя»,— сказал он в раздевалке какому-то мускулистому, загорелому парню. «Что-что?»— не понял тот, а Шматлай засмеялся, и вбежал на сверкающий изумрудом стадион.

В дежурной части управления он был в 8-30.

— Опять грабеж, Антон Юрьевич,— сразу же сообщил начальник оперативного отдела.— Где-то в 23 с минутами, в районе ипподрома. Пострадавший был не трезв, но и не то, чтобы очень, грабителя приметил. Тот угрожал «большим пистолетом», надо полагать, обрезом. Раздел до трусов, взял деньги — рублей тридцать, снял часы, перстень-печатку. Документы тоже были. Пострадавший из командированных, в гостиницу шел. Почерк один, Антон Юрьевич, надо «Шлеп-логу» шевелить...

Трегубова привезли из следственного изолятора в наручниках. Когда в кабинете их сняли, он сразу начал чесать затылок — в дороге ему это делать было неудобно.

— Что, Трегубов, обдумали свое положение? Сделали какие-нибудь выводы, или опять будем время терять попусту?

— Начальник, я говорить ничего не буду. Почему меня в тюрягу отправил? За патроны? За рубль за двадцать? Ну дашь мне сто тридцать вторую, сели сумеешь, ну и что?

— Будете говорить, Трегубов. Будете. Слушай-

те меня внимательно. Взяли вы в сарае коробку с пятью патронами для охотничьего ружья. Затем жали вас с поличным, так?

— Ладно, пусть...

— Отобрали патроны при понятых, верно?

— Скажем...

— На коробке есть четкие отпечатки ваших пальцев, читайте протокол экспертизы.

— Да что ты, начальник, мне протоколы тычешь. Патроны те рубля не стоят.

— Вы слушайте дальше, Трегубов. Мы сейчас не о краже говорим. Как бы здесь не пришлось говорить о соучастии в убийстве.

Шматлай увидел, как сначала забегали маленькие, цепкие глазки Трегубова, а потом остановились на протоколе дактилоскопической экспертизы, где были отпечатаны все пять его пальцев. Он сказал уже совсем не так уверенно:

— Еще чего... Это ты брось, начальник.

— Слушайте, слушайте, Коля. 14 числа в городе смертельно ранен человек, стрелявший в него из обреза 12-го калибра. Вот такими пулями, как в тех патронах. Что, новое убийство готовили, так Трегубов?

Помолчали. Трегубов рассматривал свои нестриженные ногти и морщил лоб.

— Мне убийство не нужно, начальник. Я чужого не хочу...

— Знаю, не хотите. А статью семнадцатую — соучастие, знаете? Могу дать кодекс, почитайте...

— Да, знаю, читал. Пожалуй, начальник, твоя взяла. Если это Женька заделал того парня, то мне от пособничества не отбрыкаться.

— Наконец-то слышу разумные слова. Ну что, начнем?

Шматлай взял трубку зеленого — внутреннего телефона и позвонил Барцеву.

— Зайди, Алексей...

Допрос длился долго. Трегубов перестал паясничать, даже жаргонные словечки, которыми в наши дни щеголяют только разве великовозрастные лоботрясы, да карманники, все реже проскальзывали в его речи:

— С Женькой знаком уже два года, по базару.

Вместе там калымили — где разгрузиться помога-
ли, где туши говяжьи мясникам носили, или еще что,
по мелочи. На бутылку-другую набиралось. Потом
Женьку упекли лечиться, долго не появлялся. Меся-
ца два назад высветился, явился не запылился.
Злой и жадный на пьянку. Ну, на базаре ему не с
руки, ясное дело. Денег нет, у бати все пропито. А у
жены, говорит Женька, надо поискать, там, мол, и
его вещи остались, а у матери и золотишко есть кое-
какое, и трехпроцентные облигации, и еще что.
Только взломом туда не пройдешь, на первом эта-
же живут, народу много. Выследили жену его быв-
шую, я и взял у нее из верхов, из кармана то есть,
кошелечек с ключами. Вот тебе, начальник, как у
меня книжечка зеленая объявилась. Только в квар-
тиру ту он пока не попал, я это точно знаю. Хотел
было, да там замок сменили.

— Хорошо, Трегубов, у нас время будет потол-
ковать об этом. Где Лукошин, как его найти?

Теперь Трегубов спасал себя. Ему совсем не хо-
телось получить больший срок, он привык отделы-
ваться кратковременными отсидками за мелкие кра-
жи. Ох, как он боялся попасть по статье за соучас-
тие... Поэтому заговорил. Взахлеб, с подробностя-
ми, но теперь без прибауток.

— Женька после эпопеи, вот уже второй месяц
обретается у своей сожительницы. Я номера дома
не помню, в общем недалеко от мебельного магази-
на, по улице Мориса Тореза, там несколько вось-
миквартирных домов осталось, старых. Я нари-
совать смогу. Вот это мебельный, это контора горв-
водстрой. А тут в ряд четыре дома, восьмиквартир-
ных. Так вот, баба Женькина здесь, в этом, крайнем
в ряду, доме проживает, на первом этаже, квартира
четыре. У нее две комнаты, кухня, туалет есть. Окна
ее как раз на горводстрой выходят. Зовут ее Лида,
фамилию не знаю. Работает она там же, у себя во
дворе, подметает, да еще техничкой в конторе. А
раньше еще была уборщицей в каком-то музее, те-
перь только у себя во дворе, так что почти всегда
дома находится. Они, как она уберется с утра по
двору и в горводстрое, так и за бутылкой... Студент,
Женечка, то есть, днем всегда дома сидит, вечером,
только и выходит на добычу. Попозже.

Потом оперативники узнали, что у сожительницы Евгения Луконина есть ребенок, девочка, что она постоянно болеет. «Квелая»,— сказал Трегубов.

А вот обреза он у Луконина не видел. Зачем тому патроны понадобились — не знает.

Не знает — не надо, потом разберемся — решили оперативники и отправили Трегубова в изолятор.

— Что, Алексей, пожалуй, версия «месть» оказалась верной.

— Похоже, товарищ майор.

Шматлай взял трубку красного телефона.

— Срочное дело, товарищ генерал...

«Москвич» с надписью «Медицинская помощь» подкатил к старому двухэтажному дому. Много таких, каркасно-камышитовых сооружений уже было снесено, скоро придет очередь и оставшихся. Возле участка горводстроя толпились рабочие. Двое сидели на крылечке дома № 71 и курили, у одного из кармана комбинезона виднелось горлышко «огнетушителя». То ли портвейн, то ли вермут.

Из москвича вышла миловидная молодая женщина в белом халате и высоком колпаке, быстро прошла в квартиру № 4. Рабочие на крылечке курили...

Минут через десять женщина в белом халате опять появилась на крыльце, ее провожал невысокий мужчина. Медичка громко отчитывала:

— Разве можно, папаша? К вашему ребенку мы чуть не каждый день: то врач, то патронажная сестра, а вы? В доме накурено, перегаром несет...

Мужчина пьяно ухмылялся.

Один рабочий потушил прямо об асфальт сигарету, встал со ступеньки и пошел к двери, обходя незадачливого «папашу». Задел его плечом и, резко повернувшись, схватил за руки. Негромко щелкнули наручники. Второй работяга, у которого была бутылка, спокойно сказал: «Тихо, Луконин. Идите в дом».

Москвич с женщиной в белом халате уехал, его место занял зеленый уазик, из которого вышли Шматлай и Барцев.

Дежуривший у центрального подъезда сержант сказал, что Шматлай из здания управления не вы-

лодил, но в кабинете его не оказалось. Сатаров отыскал майора в лаборатории научно-технического отдела.

— Мудрили над обрезом Лукошина. Калибр подходит... Однако, не то. Мы убедились, что из изъятого у Лукошина обреза не стреляли давно — каналы стволов мохом заросли. Конечно, он мог стрелять и из другого обреза, только нет, не то. Кстати, когда ему разъяснили, в чем его подозревают, он потребовал бумагу и написал «чистосердечное признание». Пойдемте ко мне, прочитаете, поделимся мнениями. Ведь у вас тоже есть новости?

— Есть новости,— подтвердил Сатаров.— Косвенно, думается, может проясниться. Но сначала — ваши.

В кабинете Шмаглая было прохладно, тихо жужжал кондиционер. Майор достал из сейфа и положил перед Сатаровым несколько листов, исписанных торопливым, невыработанным почерком, какой бывает у слабохарактерных, несобранных людей.

«В связи с разъяснением, в чем я подозреваюсь,— писал Лукошин,— я даю искренние и чистосердечные показания.

Обрез я изготовил сам из ружья ижевского завода двенадцатого калибра, принадлежащего моему отцу. Паспорт на ружье у него имеется. Изготовил без намерения совершить преступление, а для того, чтобы меня боялись соседи. Стрелял из обреза всего один раз два года тому назад, повредил себе руку и больше не стрелял и даже не чистил его.

Я действительно принимал участие в нападении на магазин в поселке Алга, меня уговорили на это преступление два парня, с которыми я познакомился на центральном колхозном рынке. У нас не было денег, и они сказали, что знают, где можно их достать. У них тоже был обрез охотничьего ружья 16-го калибра, но они из него не стреляли. Мы подошли к сторожу, спросили, нет ли у него вина на продажу. Он сказал, что есть. Тогда один из парней, зовут его Саша, ударил сторожа обрезом, потом мы его связали, взломали замок и забрались в

магазин. Там я взял семь бутылок водки, хозяйственную сумку и уехал в город на попутной машине. Больше я этих парней не видел. Что они взяли, я не знаю.

Потом в городе я совершил еще три ограбления пьяных, так как мне нужны были деньги, а брать их у своей сожительницы Лилии Куликовой я не хотел, но она не знала, что я добываю деньги грабежами, я ей говорил, что зарабатываю на рынке.

Один раз я ограбил сильно пьяного человека возле ресторана «Радуга» в подземном туалете. Он сам отдал мне деньги около восьмидесяти рублей, часы электронные и обручальное кольцо. Часы я оставил у отца, так как не мог их продать, а кольцо продал за 50 рублей приемщику стеклопосуды магазина «Универсам», зовут его Жунус.

Второе и третье ограбление я совершил через два дня. Одно — недалеко от ипподрома, другое в сквере возле кинотеатра «Заря». У одного пьяного взял деньги и перстень-печатку, а потом мне попались парень и девушка, они были выпившие, парень испугался обреза и уговорил девушку снять серьги и отдать кольцо с александритом. У него у самого было 12 рублей и золотая цепочка с крестиком. Все эти вещи я тоже продал Жунусу за 120 рублей. Больше никаких ограблений и нападений я не совершал.

С гражданином Трегубовым по кличке «Макоя» я познакомился еще два года назад на рынке, где вместе зарабатывали у частных лиц на переноске овощей и фруктов и распивали спиртные напитки. Я действительно уговорил его выкрасть из кармана моей бывшей жены кошелек с ключами от квартиры, так как хотел забрать там свои вещи, которые мне не возвратили после развода, в том числе облигации золотого займа на тысячу рублей, подаренные моей матерью на свадьбу. Тогда я самовольно оставил профилакторий, но мне пришлось срочно туда вернуться, потому что я боялся, что мне дадут срок. Поэтому попасть в квартиру своей бывшей жены я не смог. Патроны я зарядил после третьего ограбления, когда сам понял, что парень мог бы мне оказать сопротивление, если бы знал, что у меня обрез не заряжен. Но зарядил я патро-

ны только порохом без пули и дроби, забил их войлочными лыжами, которые сам нарубил в сарае. Чтобы только пугать. Сразу их не взял, напился и забыл, а потом идти домой побоялся, думал, что меня там ищет милиция, вот почему послал туда гражданина Трегубова... В грабежах Трегубов участия не принимал».

— Так,— сказал Сатаров, откладывая в сторону листы, исписанные убегающими косо вверх строчками.— Похоже, не врет, выворачивается наизнанку. А что, патроны и в самом деле оказались без пуль?

— Без. Одни лыжи. Трус он, этот Женя Луконин. Мы нашли в сарае валенок, из которого Луконин «наклепал» лыжей... Мне его отец рассказывал, что слышал, как Борька что-то «клепал в сарае». И Жунуса мы установили, тот сразу же выдал купленные кольца, серьги, перстень... Хорошо, конечно, что мы вышли на этих, ведь они могли еще развернуться. Как всегда бывает: дальше — больше. Да, кстати, ведь об ограблении парня и девушки возле кинотеатра «Заря» мы ничего не знаем. Потерпевшие не заявили, им стыдно, конечно... Луконин в этом ограблении сам сознался, вы правильно говорите — вывернулся наизнанку. И вот поэтому нападение на Серкова, как мне теперь кажется, дело рук более опытных преступников, не таких, как спившийся маленький сынок Луконин.

Шматлай спрятал в сейф показания Луконина и положил перед Сатаровым другие бумаги, исписанные мелким и четким почерком.

— Вот что показывает дочь убитой Кульковой, она прибыла из Ташкента. Утверждает, что из вещей, принадлежащих её матери, не пропало ничего. Понимаете — ничего. И в то же время там упорно что-то искали, ведь вспороты были даже диванные валики... Я убежден, что нападение на эту квартиру связано с Серковым. Что он там жил. Только так, и никак иначе. Это не простое совпадение. Преступник что-то искал, искал очень настойчиво. И вот что еще, пожалуй, самое главное. Дочь сделала после похорон в доме генеральную уборку и нашла в диване, которым пользовался Серков, снаряженный патрон к пистолету Макарова. Та-

кой же, как и найденные на месте нападения на Серкова — из одной партии. Я склонен думать, что Серков был вооружен: у него был пистолет. Такие у меня новости. Теперь выкладывайте свои.

— У меня тоже кое-что есть,— сказал Сатаров.— Выкладываю. Лейтенант Жакенов встретился с физруком 52-й школы Кимом, и тот рассказывает любопытные вещи. Он, оказывается, в свое время учился вместе с сестрой Анатолия Митюхина — помните «Тюльку»? Её зовут Валентиной, сейчас ей 21 год, как и самому физруку. Они соседи, и даже были дружны. Валентина училась после школы в университете, а сейчас «прожигает жизнь», как сказал Ким. И — главное. Физрук несколько раз видел ее с незнакомым молодым человеком, который напоминает одного из тех, что были в Новом микрорайоне. Их еще буфетчик Авеян приметил. Это, конечно, может быть, простым совпадением. А может быть — и нет. Дальше. Анатолий Митюхин действительно побывал у своей бабушки в Чимкенте. Но приехал он туда 17 июня, пробыл там всего один день, сказал бабке, что едет к своему отцу в Саратов. Отец его с новой семьей действительно живет там. Бабка упомянула, между прочим, что с Анатолием был еще один мальчик, чуть постарше ее внука. Обо всем этом мне сообщили товарищи из Чимкента.

Шматлай слушал Сатарова, не перебивая. А тот продолжал.

— И это еще не все. Сегодня, буквально полчаса тому назад, я сам побывал в доме Митюхиных. Как-никак это мой бывший участок,— я там начинал свою службу участковым — и Нину Филипповну Митюхину, мать Валентины и Анатолия, я помню еще молодой, только что окончившей институт женщиной. Она меня узнала, хотя и времени прошло много. Но не в этом дело. Сейчас у нее гости: сегодня приехали из Риги ее младший брат, военный, с женой и двумя детьми: не виделись лет десять. А Валентины и Толика нет. Толик, как думает мать, у бабушки в Чимкенте. Где Валентина — одному аллаху известно. Мать плачет, говорит, стыдно перед братом за дочь. Приходит позд-

но, уже несколько дней вовсе не является ночевать. Вот такие дела, Антон Юрьевич.

— Жорочка, можно тебя спросить? Ведь ты по документам — Егор. Почему? Твои родители вполне интеллигентные люди, не старообрядцы. И вдруг такой архаизм, чудеса! Ну да бог с ним, предки наши любят чудить. Кстати, я обещал рассказать тебе на досуге свою биографию. Сейчас у меня лирическое настроение и выдалось, наконец, свободное от дум время, наливай себе коньяку и слушай...

Родился в большом славном городе, где на душу населения приходится очень много квадратных метров зеленых насаждений. Среди них всеми статьями выделяются каштаны. Большой каштан рос на бульваре возле нашего дома, и я под ним резвился ребенком, поэтому у меня врожденная слабость к этим деревьям. Кроме того, они мне напоминают о Париже, которого я до сих пор не видел.

Мы жили очень хорошо, могли бы жить еще лучше, если бы не мой папа. Он был ученый палеонтолог и, понятно, все его устремления упирались в окаменелости. Он писал научные труды, но не получал за них гонорары, ибо кому же интересны давно передохшие ящерицы, даже очень большие.

А моя мама занимала ответственный пост в тресте столовых и ресторанов, вокруг нее пела, цвела и трепетала жизнь. Моей маме целовали руки скрипачи и администраторы, поэты и прозаики. Я, Жора, их всех поголовно помню. Понятно, что такая диаметрально противоположная направленность интересов не способствовала развитию чувств и укреплению супружеских уз. Мою маму совсем не устраивал палеонтолог — серый и бесполезный, как яйцо динозавра. Они сходились и расходились всю жизнь, а окончательно разошлись, когда мне уже надоело резвиться под каштанами, я гонял на «Яве», приобретенной на какую-то премию, все-таки полученную папой, и очень интересовался иллюстрациями в журналах, которые мама прятала от меня в своем секретере финского

производства. Эти журналы привозил из-за грани-
ны мамин друг Семен Ефимович, ставший вскоре
моим новым, правда, номинальным папашей. Кста-
ти, я научился ловко открывать хитрые замочки
закордонного секретера, что впоследствии мне
весьма сгодилось. В секретере вместе с журналами
бывали несчитанные приношения маминой паствы,
откуда я черпал дотацию к выделяемым мне офи-
циальным суммам. В этот период между моими
предками из-за меня шла слабая тяжба. Папа хо-
тел забрать меня к себе в Сибирь, или даже еще
куда дальше, но мама не соглашалась, так как не
хотела, чтобы я тоже стал палеонтологом. Кажет-
ся, папа не очень настаивал и, как я слышал крас-
уха, вскоре женился на коллекторше из своего
учреждения.

Тебе не скучно, Жорочка? Нет? Я, конечно, опускаю многие подробности своего жизнеописания. Они интересны, но не существенны. Важно то, что я своевременно понял, в чем состоит смысл жизни. Как только я вступил под своды того высшего заведения, куда помог мне внедриться мамин друг, я сообразил, что глупо обременять себя зубрежкой учебников Я ведь хорошо знал, как выбивала свой диплом о высшем экономическом образовании моя мама, помнил все ее компашки, сабантуйчики и междусобойчики. И, как ты знаешь, я получил и диплом, и ромбик. Но где они, эти символы счастья для усердных посетителей публичных библиотек, питающихся кефиром и пирожками с капустой в университетском буфете? Честно говорю — не помню. Они мне оказались без надобности, и я их, кажется, обменял на купюры. Мне нужны были средства для свободной, раскрепощенной жизни, Жора, и я выработал свою методику их добывания в состоятельных квартирах в отсутствии хозяев. Нет, я не был первопроходцем и изобретателем. Я был скромным энтузиастом-рационализатором, что дало мне возможность не раз взглянуть на Черное море, полежать на песочке на берегу Лиелупе, бывать частым гостем столицы нашей Родины... Но это все лишь крохотная капля, только молекула из того большого и полного бокала жизни, который я задумал выпить. Я, Жороч-

ка, хочу своими руками потрогать девочек из тех журналов, что хранились в запертом на хитрые замочки секретере моей мамы. Вот почему с некоторых пор мною стали овладевать сомнения. Я уже отметил свое тридцатилетие, Жора, и мне надоело шариться по чужим секретерам и выуживать из них жалкие сотни. Поэтому там, в родном городе, я задумал грандиозный план. Чтобы р-раз — и на долго.

Вот сейчас будь внимателен — начинается главное. К выполнению плана я привлек симпатичного и одаренного юношу Васю. помяни, господи, душу раба твоего. Я, Жорочка, объявляю минуту молчания.

...Этот Вася чем-то неуловимым был похож на тебя. Такой же волевой и целеустремленный, только не так интеллектуален, как ты. Даже совсем не так. У тебя за спиной три курса вуза и два года в нтэка, так? У него восемь классов и пэтэу. Есть разница? То-то. Он мастерил для своих друзей опасные игрушки, и я был поражен мастерством исполнения. У него оказались золотые руки и один недостаток — он мечтал получить диплом инженера. В армию его не брали из-за какого-то дефекта в суставе ноги. После того, как я рассказал ему о конструкторе Марголине, который, даже будучи слепым, успешно создавал замечательное спортивное оружие, мы стали друзьями. Я обеспечил ему подходящую материально-производственную базу в мастерской одного мелкого кустаря, и Вася стал творить чудеса. Первый пистолет он сделал очень похожим на настоящий, но с существенным недостатком: мог стрелять лишь один раз, потом его перезаряжали. Нужен был образец, но скажи, кто бы добровольно отдал мне пистолет Макарова в качестве эталона? А мне он был необходим. Тут уж я ничего не могу с собой поделать, Жорочка, таким я рожден и воспитан. В шутку кто-то сказал примерно так: если нельзя, но очень хочется, то можно. Для меня это не шутка, это — объективный закон. А иначе зачем жить, дорогой мой мальчик? И я взял пистолет у зазевавшегося лопуха после единственного выстрела из васиного несовершен-

него оружия. Это случилось во время моего крат-
ковременного пребывания на берегу Черного моря.

Ты закури, Жорик, вот, возьми, для тебя добыл. Я не поощряю пороки, но уважаю слабости своих друзей.

Образец был доставлен в мой родной город, и Вася изготовил две замечательные копии, можно было приступать к выполнению второго этапа моего плана. Я хорошо подготовился и взял с собой Васю, который, как я опрометчиво полагал, вполне созрел для этого. У него были не только золотые, но и очень сильные руки. Я, как ты знаешь, тоже сильный человек, и он мне почти не уступал, несмотря на разницу в возрасте и весе. Ты понимаешь, что я говорю сейчас именно о физических возможностях. Но этот сильный человек был плохо тренирован в моральном плане. И когда мне пришлось применять сильные средства в отношении старика-антиквара, Вася сдал. Вот тут я допустил промах и переоценил свои воспитательские способности. Желая укрепить его волю, я поручил ему сбережение нашего арсенала и добытых тяжким трудом ценностей. Это были замечательные ценности, Жорочка. Антиквар, спекулянт, валютчик и сволочь никак не хотел с ними расставаться. Но мы взяли у него бриллиантов почти на двадцать каратов и еще несколько бесценных раритетов. Со всеми этими предметами, на которые я возлагал большие надежды по осуществлению заключительного этапа моего плана, Вася скрылся, не оставив прощального письма. Но вот прошло полтора года, и я его нашел. Я уже говорил, что он был недостаточно интеллектуален и потому допустил роковую ошибку: он слишком любил свою мать, и написал ей. Я долго ждал это письмо из беспредельных просторов нашей страны, зная, что наступит момент притупления бдительности. Вот почему я оказался здесь, покрыв за четыре часа расстояние в три с лишним тысячи километров.

Жорочка, может быть, тебе кажется, что я что-то преувеличиваю? Не заблуждайся, все было именно так. Может быть, я говорю немного, как бы это выразиться, своеобразно, но это мой стиль, я упорно над ним работаю, и когда-нибудь, через

много лет, нежась под пальмами на берегу какого-нибудь теплого моря, напишу мемуары под таким, например, названием: Боб Гордон — так и тогда будут меня называть — Боб Гордон снимает маску... И тогда все вы узнаете мою истинную фамилию, известную лишь узкому кругу знатоков никому не нужных окаменелостей.

В вашем городе мне повезло, Жора. На его бульварах много каштанов, и здесь я встретил, и, поверь мне не случайно, тебя. И полюбил. Тебе, мой друг, я поведал историю своей жизни и верю, что ты меня не продашь. Деваться тебе некуда... Особенно после того, как ты, в нарушение моих инструкций, ударил табуреткой ни в чем неповинную старушку.

Кафе «Родник» расположено на границе города, в метрах ста от дороги, устремившейся в ущелье, в пригородную зону отдыха с гостиницами, кемпингами, ресторанами и прославленным спортивным комплексом. С конечной остановки открывается манящая панорама гор. Вблизи, рядом — это зеленые, нарядные холмы с мягкими, округлыми очертаниями, дальше идут серые, грозно неприступные уступы скал, а там, совсем далеко, высятся холодные голубые пики нетающих льдов. Оттуда-то и стекает быстрая речка с холодной и прозрачной водой, на берегу которой стоит кафе.

Это — предгорье Тянь-Шаня...

Двухэтажное здание «Родника» с шоссе почти не видно: вокруг него пышно разрослись березы, клены и плакучие ивы. Но звуки музыки доносятся оттуда постоянно, в любой день недели: у кафе выходных не бывает и остается лишь диву даваться — откуда только берется столько праздной публики даже в рабочие дни. На первом этаже «Родника» подают коньяки и вина, а если войти в доверие к бармену или официантке, то найдется и белая. На втором этаже рекой льется пиво. Днем любители этого напитка базируются, главным образом, на втором этаже кафе, представляющем собой широкую, незастекленную веранду. Многие со всевозможной тарой — кружками, бутылками и бидонами устраиваются на прибрежных камнях в

тени плакучих ив, поэтому речка в этом месте давно утратила свой девственный, родниковый вид.

Вечером народу больше на первом этаже, где в полумраке, в приглушенном свете, звучит негромкая музыка, за столиками шепчутся парочки, у стойки, рядом с барменом, скучающие девицы посасывают коктейли через химическую соломинку.

Надя работала эти дни на первом этаже. Вчера кафе закрыли ровно в 23, официантки гурьбой побежали к остановке, и Барцев видел, как Сычева с тремя девушками сходу уселись в одно из ждавших пассажиров на конечной остановке такси.

Барцев с автомата позвонил Шмаглаю и отправился домой.

Сегодня официантки и бармены не торопились. В зале уже почти никого не оставалось, а две девушки в белых фартучках стали уставлять столики закусками и бутылками, и Барцев понял, что намечается какое-то «мероприятие», что-то будут обмывать. Он еще вчера, предполагая всякие неожиданности выбрал место, где мог бы, оставаясь, незамеченным, вести наблюдение за кафе и дорожкой к автобусной остановке. Заняв эту позицию, он приготовился к продолжительному ожиданию. Прислушиваясь к гулу, доносившемуся из открытых окон, к гомону второго этажа, где еще остались гуляки, он не сразу заметил, как Надя появилась на дорожке.

Она была не одна: под руку ее очень элегантно поддерживал высокий молодой человек со спортивной фигурой. Он же нес ее сумочку. «Дела»,— поразился Барцев и даже присвистнул от удивления. «Вот тебе и горе у девахи». Но он все же вышел из своего укрытия и, пошатываясь, побрел к автобусной остановке. Неподалеку стоял мотоцикл дорожно-патрульной службы, милиционер прохаживался по осевой полосе дороги, помахивая жезлом. Здесь пост был до 24 часов.

Надя со своим неожиданным попутчиком остановилась у обочины и сразу же замахала рукой вынырнувшей из-за поворота машине. Через несколько секунд «Волга», мигнув рубиновыми огоньками, пошла вниз, к городу. На остановке никого не было. «Что будем делать?»— подумал Барцев и тут же

подбежал к инспектору. Тот, взглянув на удостоверение, включил рацию.

— К вам проследовала белая «Волга» ГАЗ-24, остановите, придержите... Поехали, старший лейтенант.

На перекрестке возле магазина «Весна» лейтенант проверял документы водителя белой «Волги»: «Подрабатываем, товарищ водитель. Пассажиры ведь вас даже по имени не знают». А Надя кипятилась, доказывала, что работает в «Родинке», что водитель ее постоянный гость и везет ее с другом совершенно бесплатно.

Барцев хоть и издали, но хорошо разглядел Надиного друга и успокоился. Ничего не поделаешь, это ее личное дело...

Утром Шматлай пришел на работу в парадно-выходной форме, в кителе с академическим ромбиком, знаком отличника милиции и ленточкой медали за безупречную службу. В десять часов ему надо было идти в горком партии, представляться в новом качестве начальника отдела уголовного розыска.

Форма преобразила Шматлая. Китель ладно облегал сильные, литые плечи майора, исчезла его обычная, простоватая улыбка, свободная, чуть вразвалочку, походка. Он был строен, подтянут и строг.

Выслушав доклад Барцева, он походил по кабинету и резко сказал:

— Вы правы, старший лейтенант, это её личное дело заводить друзей по своему усмотрению. Но лично вы не довели дело до конца. Понятно? Вас-то Сычева видела?

— Уверен, не обратила внимания...

— И то хорошо.

Сычева позвонила Шматлаю около двенадцати, когда он, вернувшись из горкома, успел снять форму и надеть легкую рубашку, светлые брюки и легкомысленные сандалеты. Он намеревался сам пойти в «Родинку», поподробнее разузнать о жизни и знакомствах Нади Сычевой. Но тут позвонила она сама.

— Мне нужно с вами встретиться, срочно,— торопливо заговорила она.— Вы знаете, мне кажется, за мной следят...

— Откуда вы звоните, Наля?

— С телефона-автомата в здании пятой поликлиники, знаете? Я отпросилась к врачу... Мне опять дали освобождение.

— Ждите там.. Увидите зеленый «Москвич» номер 62—33 подходите и, ничего не спрашивая, садитесь рядом с водителем. Поняли?

Телетайпограмма из Киева

УВД, Шматлаю. Выявлен в исправительно-трудовой колонии осужденный за кражу к трем годам Орехов Вениамин Иосифович, 25-ти лет. Лично знает Серкова Сообщил, что последнего разыскивает по стране опасный преступник по кличке Гордон, организатор преступных групп, практиковавшихся на квартирных кражах. У Серкова имелся пистолет системы Макарова. Гордон подозревается в ограблении и убийстве крупного спекулянта валютными ценностями Ширмана. Жесток, циничен, способен на любое преступление. Вылетаю сегодня утренним рейсом. Булатов.

— Чуешь, Жорочка, как пахнет гвоздиками, цветами любви? Здесь живет не только любвеобильная, но и очень корыстная женщина. Эта квартира напоминает мне период начала бурной деятельности моей мамы, здесь только поменьше вкуса... Ты заметил, как я уверенно справился с замками? Не терплю фомок, топоров и другого грубого инструмента.

— А обрезы, Боб? Любите?

— Обрез... То были издержки производства, друг мой!.. Не мог же я, прибыв в ваш прекрасный, но незнакомый мне город, сразу же приобрести что-либо более изящное. Однако, хватит слов. Начнем. Ничего не ломать, не бить, не коверкать. Все класть, ставить и вешать на свои места.

Митюхину задержали в ателье индпошива «Люкс», когда она предлагала купить у нее хрустальную с серебром вазу. Именно такая вещь значилась в ориентировке по квартирной краже у зубного врача Малышко. «Ведите ко мне»,— сказал Шматлай и вызвал Барцева.

Через четверть часа задержанная, смазливая девица лет двадцати трех со светлыми, нагловатыми глазами, была в кабинете начальника уголовного розыска. Шматлай сразу же приметил в подкрашенных глазах этой девицы мелькающие, хорошо знакомые ему искорки страха. У многих, с кем ему доводилось говорить при подобных обстоятельствах, он замечал эти искорки, мгновенные, почти неуловимые. Их пытались и не могли погасить.

Митюхина сначала упорно стояла на своем: никому ничего не продавала, никаких парней не знает, где находится ее братишка, не ведает, дружбами Толика никогда не интересовалась. «Нужны мне они, как воробью выпяжной парашют»,— сказала она и вызывающе насмешливо взглянула на Шматлая.

Тот переглянулся с Барцевым.

— Ну что ж, Валя, тогда нам придется делать у вас обыск. Поехали...

В машине Шматлай спросил, почему она, Валентина, не приходила несколько дней домой. «С матерью поссорилась»,— ответила девушка.

А помнит ли она своего дядю — летчика из Риги? Знает ли своих двоюродных братишек?

— А что?— быстро спросила Митюхина.— Откуда вы их знаете?

— Я их не знаю. Но вот сейчас мы все с ними познакомимся. Вчера они к вам приехали. Представляете себе мое положение?— продолжал Шматлай.— Ведь мне придется из-за вас причинить столько неприятностей — и вам, и вашей матери... У нее такой дорогой гость и вдруг — милиция, обыск.

И тут эта развязная девица разрыдалась. Не громко, без слез, но так горько, что Сергей резко подрулил к обочине и остановил машину.

— Не надо домой, не надо туда,— Митюхина перестала плакать.— Честное слово, там ничего нет, правда... Я все, все расскажу. Я очень боюсь...

— В управление,— сказал Шматлай, и Сергей круто развернул машину.

...Митюхина рассказала, как попала под влияние Зинаиды Каверзиной, по просьбе, а потом и по приказу которой иногда продавала привозимые той дефицитные вещи. У Каверзиной часто собирались

компании, появлялись какие-то — все новые муж-
чины.

Месяца два тому назад там стал частым гостем Боб — высокий красивый парень со своим другом Жорой. Он говорил о себе, что служит пилотом гражданской авиации и получил длительный — се-верный отпуск. Но потом Митюхина все поняла. По-няла, что попала в темную компанию. Особенно пос-ле того, как её брат, Толик, сказал, что ему надо бежать из города, потому что Боб сделал обрез, что-бы убить какого-то «предателя» и заставлял сле-дить за ним Толика и Виталия. Мальчишки, как огня, боялись этого «пилота». Однако с Бобом было весело, у него всегда водились деньги, и Митюхина надеялась, что никаких ужасов нет, просто ребята умеют жить и все, конечно, все обойдется.

— Вы знаете,— говорила Митюхина, и страх в её глазах теперь стал явным, и не мелькающими искорками, а постоянным, устойчивым,— он так умеет... сначала запугает, потом превратит все в шутку, затем расскажет такое, что не знаешь, ве-рить или нет... А вчера я слыхала его разговор с Жорой. Они много пили и говорили, будто меня и нет.

Это молодая, совсем еще юная женщина оказа-лась в переплетении чрезвычайно сложных для нее обстоятельств. Её новые друзья, в которых она пона-чалу увидела источник «красивой жизни», оказа-лись оборотнями, за которыми усиленно охотится милиция. Она вдруг поняла, что по её же вине ру-шится весь её мир: и прежний, где мать, братишка, дом и приехавшие сейчас родственники, и новый — с ресторанами, с самоуверенным, настойчивым, лас-ковым и таким страшным Бобом.

Она забыла в панике, но зыбкие остатки благора-зумия подсказывали ей, что нужно удержаться в том, старом мире, только там её спасение. Она го-ворила торопясь, будто стараясь как можно скорее выложить все, что видела и слышала.

— Они где-то, у какой-то старухи украли или отобрали пистолеты и патроны. Я сама видела их, когда выходила из ванной. Пистолеты лежали на столе, Жора накрыл их салфеткой, а меня послали на кухню приготовить закуску... Я поняла, что они

разыскивают какие-то ценности, бриллианты и деньги большие, что ли. Сегодня будут искать их на квартире у какой-то Надежды. Наверное, они уже там, это где-то в Новом микрорайоне. Они все время говорили намеками, но я совсем не думала, что все это так серьезно, поверьте.

«Будут искать у Надежды. Значит — у Сычевой,— размышлял тем временем Шматлай.— Значит, все правильно, значит, тянется одна нить: нападение на Серкова, убийство Кульковой, теперь — квартира Надежды Сычевой. Нужно спешить».

— Где жил это время Боб? Адрес вы, конечно, знаете? Там есть телефон?— майор говорил отрывисто и резко.

— Квартиру ему Каверзина нашла — улица Красная 16, квартира 81. Хозяин, её друг, завербовался куда-то на север, ключи Зинке оставил. Телефон там есть. Только звонить надо так — дать три звонка, потом положить трубку и опять позвонить .. Через десять секунд.

— Звоните...

Митюхина, нервничая, дрожащими пальцами набрала номер. В тиши кабинета послышались длинные унылые гудки.

— Никого нет, ушли,— сказала она, положив трубку, и истерично заплакала.— Они поубивают там всех, поубивают...

Шматлай встретил Сычеву у подъезда сам и быстро прошел с нею в кабинет.

— Надя, будем говорить только правду, и только напрямик. Обстоятельства не позволяют медлить. Прежде всего, кто у вас сейчас дома?

— У меня? Дома? Никого. Мама на работе, Олег уехал на Иссык-Куль с друзьями, сестра в командировке. А что?

— Прочтите эту записку. Её написал Василий Серков, когда ненадолго пришел в себя. Как все это понимать?

Сычева читала и лицо её заметно бледнело.

— Здесь написано Надежда... Это я, конечно. Надежда, он меня называл «свой надеждой». Но нет, честное слово, я не знаю никаких бриллиантов... Но слушайте, я же сказала вам сегодня, что

мне кажется, будто за мной следят. Это не то. Мне кажется, что кто-то меня преследует, хочет что-то выпытать. Вот вчера, пришел в кафе молодой человек, подсел за мой столик, сказал, что он Васин друг, приехал с Украины, и узнал про все это несчастье. Остановился, говорит, в гостинице «Турист»...

Шматлай бросил недобрый взгляд на Барцева.

— Но Василий мне сам рассказывал,— продолжала между тем Сычева,— что у него друзей нет. Нигде нет. А этот, что с Украины, говорит, что ему нужно сказать мне что-то важное. И я ему поверила, он культурный такой. А потом, в машине, все спрашивал, не привезли ли для Васи какую-нибудь посылку... Слушайте, слушайте,— Сычева широко распахнула глаза,— да ведь днями приехала моя соседка... Надежда Валентиновна Селезень. Она в нашем же подъезде живет, только на шестом этаже, а мы — на первом. У нас третья квартира, у нее семнадцатая. Она ко мне всегда хорошо... Простите, она нам с Васей зимой разрешала встречаться у себя... И когда в отпуске была, тоже... у нас ведь нельзя, моя мама против. А я ей иногда помогаю по дому... Убираю, и со стиркой тоже. С Васей она тоже подружилась, она вообще со всеми... умеет подойти к человеку.

— Она сейчас дома?

— Нет, должна быть на работе.

— Где работает? Телефон её знаете?

— Знаю, конечно. 42—22—22, легко запомнить... Фамилия её Селезень. Надежда Селезень.

Шматлай взял трубку черного, городского телефона, набрал номер.

— Здравствуйте,— сказал он. – Мне Надежду Валентиновну... Ах, так, хорошо. Извините...

И — теперь уже Барцеву:

— Отпросилась домой, сказала, что приболела. Берите Сычеву к себе, пусть даст точный план семнадцатой квартиры.

Все дальнейшее происходило в стремительном, но четком по своей последовательности темпе. Генерал был на заседании исполкома. Шматлай позвонил оперативному дежурному.

— Опергруппу в мое распоряжение. И выде-

дить людей, подготовленных к работе в высотных зданиях. Найти Сидорчука, направить ко мне, срочно.

К шестнадцатиэтажному дому в Новом микрорайоне подъехала грузовая машина-фургон. Из нее вышло несколько человек, одетых кто как.

Шматлай был в черных хлопчатобумажных брюках на помочах и клетчатой ковбойке, на голове — фланелевая кепчонка одесского образца. Он оглядел двор.

Людей почти не было. Мальчишки — пять или шесть — пинали мяч о стену дома. Возле решетчатой ограды газового хозяйства долбил ломом асфальт молодой белобрысый парень. Это был капитан милиции Сидорчук, давнишний сослуживец майора Шматлая. Не раз они вместе задерживали правонарушителей.

Шматлай подошел к капитану, тот встретил майора тихой песенкой: «Она в спецовочке, такой промасленной, берет немыслимый такой на ней».— И добавил: «Там они, проверено».

Шматлай, пальцами потрогал щель в асфальте, заглянул за решетку, будто его очень интересовали емкости для газа, и приказал:

— Под любым предлогом убрать со двора мальчишек. Мы пошли.

— Есть,— ответил Сидорчук. Срочную службу он проходил на морфлоте.

Возле машины парни курили.

— По трое на лоджию и на балкон,— распорядился Шматлай.— Аллюр три креста...

Старший опергруппы, невысокий, но плечистый крепыш в джинсах и белой с голубыми цветочками рубашке равнодушно взглянул вверх.

— Будет сделано, майор.

— Боб, не надо так, не могу...

— Молчи, идиот. Пусть говорит, сука... Долго мы будем еще копаться здесь? Иди, осмотри все в прихожей. Все прощупай, а мы пока продолжим беседу...

Когда Шматлай, Барцев и еще два рослых парня поднялись на шестой этаж, за обитой коричне-

вым пластиком дверью квартиры № 17 раздался крик. Кричала женщина. Это был короткий всплеск боли и ужаса, который сразу же оборвался, будто кричавшей зажали рот.

— Будем ломать,— сказал тихо Шматлай.— Можем опоздать. Давай сигнал, Алеша...

Две двери — с лестничной площадки и с балкона вылетели одновременно. Шум, грохот, звон разбитого стекла... Шматлай ворвался в квартиру первым, больно задев о косяк двери плечом. Барцев ребром ладони сбил с ног высокого парня, оказавшегося в холле: того самого, что был вчера вечером с Надеждой Сычевой.

Второго прижали к полу ребята из оперативной группы. Потом, уже в наручниках, он не переставал биться о пол — упорно и бесполезно.

— Ну будет, будет,— сказал Шматлай, разглядывая комнату.— Уже все, конец.

На диване, связанная полотенцами и с завязанным тряпкой лицом, лежала женщина. Когда её освободили от этих пут, она, шатаясь, встала и вдруг несколько раз подряд сказала: «там».

— Там, там, там,— она показала на дверь спальни.

Шматлай кивнул Барцеву и тот, быстро доставая пистолет, резко распахнул дверь. Никого...

А женщина пальцем указывала на скатанный в трубу палас, лежавший возле широкой тахты.

Развернули. Там оказался человек. Изо рта тоненькой струйкой стекала кровь. Барцев опустился на колени, прижал ухо к груди.

— Жив,— сказал он,— дышит...

— Срочно скорую,— распорядился Шматлай.— Кто этот человек?— спросил он женщину.

— Мой муж,— ответила она.— Виктор Дятлов...

Когда Шматлай переодевал порванную рубашку, в кабинет, резко открыв дверь, вошел начальник управления. Он, видимо, только приехал, был в кителе и фуражке. Шматлай в одной майке вытянулся в положении «смирно».

— Дров наломал,— громыхнул явно не в своем стиле генерал.— Тактика риска! А если бы...

Шматлай тихо сказал:

— Разрешите одеться, товарищ генерал...

Генерал опустился в кресло за столом Шматлая.

— Одевайся... Еще раненые есть?

— Нет, товарищ генерал. Не было ни одного выстрела. А это, это — чепуха, царапина.

— Целы остались — и то хорошо. Много там перебили?

— Ущерб небольшой... Мы самое главное спасли. Ведь этот тип ей собирался сигаретой лоб прижечь, к руке уже успел приложить. Он ведь ей так сказал: «Вы, сеньора, дарите мне бриллианты, а я вам — жизнь».—А этот тип с чужими жизнями не церемонился. Дверь что, товарищ генерал, дверь ерунда, новую поставят.

— Добро. Подробности изложите в рапорте. Сегодня можете отдыхать.

— Я не устал, Талгат Султанович.

Поздно вечером прилетел Булатов. Уже по дороге из аэропорта ему о некоторых событиях дня, о чем знал сам, рассказал Сергей. Поэтому Булатов и поехал в управление, не заезжая домой.

Шматлай еще работал. От него только что ушли Сатаров и два оперативника из отделения по особо важным делам. Они после допроса отправили в следственный изолятор Егора Бокача — Жору. На столе лежали пистолеты, деньги, несколько наручных часов. В углу кабинета — груда одежды и еще каких-то тряпок.

— Наслышан,— сказал Булатов.— Вовремя, стало быть, взяли?

— В самый раз,— усмехнулся Шматлай.— Они бы еще пару трупов сделали, а то и больше. Дело в том, что камушки,— он пододвинул Барцеву коробку из-под электробритвы «Харьков-15»— были спрятаны на квартире таксиста Дятлова, причем тот и сам не знал, что было в этой коробочке. Кстати, этот таксист легко отделался, так, добрая шишка на затылке... Выпишут его из больницы поедем в таксопарк, надо разъяснить таксистам всю неприглядность поступка Дятлова. Думал — обманет милицию и все? Нет, брат, не так. Сам знаешь, сколько пришлось потратить сил на раскрытие мифического разбойного нападения.

— А с бриллиантами-то, как? Кто и откуда их привез?

— Это, брат, длинная история. Привезла их с Кавказа эта самая Надежда Валентиновна Селезень. Еще, конечно, в этом во всем нужно разобраться, однако ясно то, что Серков был в группе Гордона, но потом вдруг порвал с ним, уехал и увез с собой бриллианты. Скрываясь, жил в селе Эшеры недалеко от Сухуми и там, у своих дальних родственников, оставил чемоданчик, где и были в коробочке из-под бритвы эти камушки стоимостью почти в двести тысяч рублей.

Шматлай подошел к большой, в полстены карте Союза и уставился прямо в Черное море, будто видел там, на берегу, утопающие в цитрусовых садах Эшеры.

— Может быть, и лежали бы они там еще долго, но подвернулась оказия — на отдых в Пицунду ехала Надежда Валентиновна, с которой Серков успел познакомиться как с соседкой своей девушки — Сычевой. Он не сказал ей, какой сюрприз таится в чемодане, но она, конечно, сразу же догадалась, что не из-за электробритвы, двух рубашек и прочей ерунды Васек уговорил ее побывать у своих абхазских родичей. Еще там, в пансионате, она разобралась что к чему, нашла камушки.

— И решила оставить их себе,— сделал вывод Булатов.

— Да, присвоила,— конкретизировал Шматлай.— И спрятала у Дятлова, таксиста. Кстати, она об всем этом рассказала сама, натерпелась сегодня страху.

— Было от чего.

— Было...

— Еще вопрос. Как преступники узнали, что ценности могут быть именно у этой, как ее зовут?

— У Надежды Валентиновны... Она экономист из ресторана «Встреча» и подрабатывала на дефицитах. Попросту занималась спекуляцией. Одновременно и легкомысленная, и очень хитрая бабенка... А некоторые подробности мы узнали из этих вот любопытных документов.

Шматлай пододвинул поближе к Булатову две толстые тетради в черных клеенчатых переплетах,

сверку которых лежала голубая записная книжка. Булатов полистал записную книжку — адреса, номера телефонов, фамилии. Словом — обычная записная книжка аккуратного делового человека.

— Эту книжечку Серков всегда носил при себе, преступники нашли её после нападения и постепенно проверяли все занесенные в нее адреса.— Майор взял записную книжку из рук Булатова, открыл страницу с буквой «Б» и сказал:— Здесь, кстати, и номер твоего телефона значится. Серков хотел, видно, к тебе наведаться. Не решился.

Булатов взял тетради, их страницы были испещрены рядами цифр.

— Шифр,— пояснил Шматлай.— Наивный, правда, но шифр. По-видимому, изобрел его сам Серков. В общем-то, конечно, очень смекалистый, сообразительный парень, если учесть его общеобразовательный уровень. Тетради - - это, понимаешь ли, дневник Серкова. Лаконичный, но четкий и последовательный. Наши ребята сразу же во всем разобрались, а вот Бобу Гордону эта самодеятельная шифровка оказалась не по зубам.

— Ну и что там писал Серков?

— Коротко все сводится к следующему. Когда Гордон сколотил устойчивую преступную группу, в его поле зрения попал Серков, как мастер на все руки. А руки у него действительно золотые. Он, например, изготовил вот эти два пистолета. Сегодня их уже смотрел наш оружейник — диву дается. Класс, говорит. Однако, когда на глазах у Серкова было совершено убийство антиквара, парень возненавидел Гордона. Вот тогда-то он схитрил, обманул своего шефа, захватил бриллианты, оружие и скрылся. Месяц петлял по Кавказу, пытался запутать следы, чтобы его не нашел Гордон.

Шматлай глубоко вздохнул.

— Документы у парня были в порядке, он устроился на работу, успел поступить в институт. Но его не переставали терзать угрызения совести. Он сознавал, и сознавал правильно, что является соучастником тяжкого преступления. Искупить вину он надеялся тем, что поедет на Украину и сам доставит в милицию Гордона: живого или мертвого. И возвратит ценности.

Шматлай опять огорченно, что вообще-то не в его привычках, развел руками:— Пришел бы к нам, рассказал все начистоту, мы бы гораздо раньше и проще справились с этим Гордоном... А так — вон что получилось. Да и сам Серков сильно пострадал: врачи опасаются, что у него на всю жизнь останется заметный дефект речи. Это еще одно преступление на совести Бориса Горлинко.

— Как ты сказал? Борис Горлинко?

— Все тот же Боб Гордон, о котором ты сообщил мне в своей шифровке, все он...

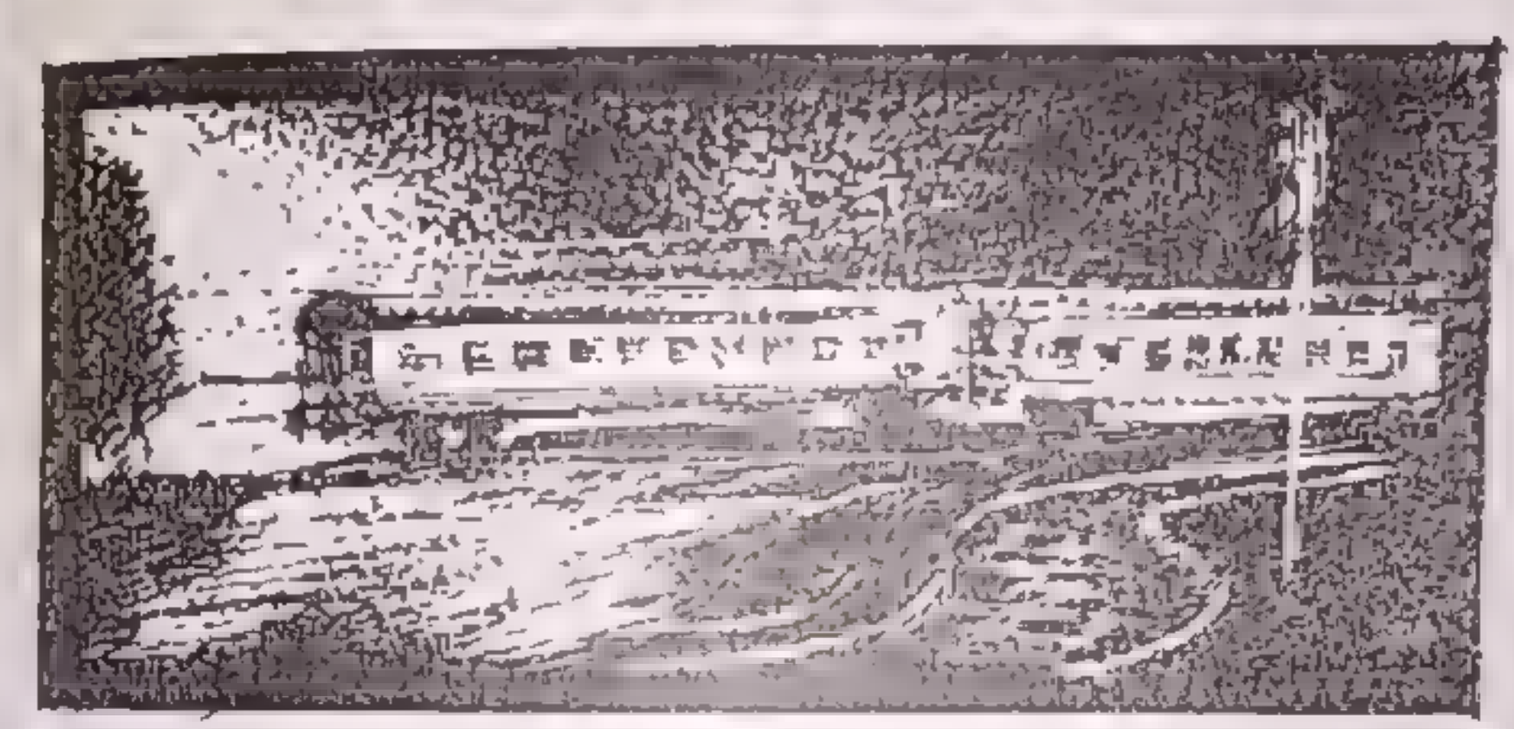
— Ясно. Я ведь тоже долго беседовал в исправительно-трудовой колонии с одним из горлоновских питомцев — Ореховым. Между прочим, неглупый парень этот Орехов. Он назвал Гордона «ловцом наивных душ». Короче, как я понял, этот Боб — властный и жестокий преступник, умеющий подчинять воле тех, кто клюёт на лжеромантику. Ориентировался, в основном, на ранее судимых. Действует любыми способами, вплоть до самых зверских запугиваний.

— Пожалуй,— сказал Шматлай.— Только теперь уже надо говорить так: действовал. Примером тому Егор Бокач, судимый ранее за хулиганство и кражу, Митюхина Валентина — Валерия — это тоже жертва Боба Гордона. И Селезень Надежда Валентиновна со своим Витенькой. Подумать, так не такие они и наивные. Жизни красивой захотели. За чужой счет...

Нет, не сбылись мечты Боба Гордона. Не довелось ему писать мемуары под пальмами на берегу лазурного моря. Написал он свое длинное, на многих страницах жизнеописание уже после суда, сидя на привинченной к полу табуретке, в камере следственного изолятора, когда сочинял прошение о помиловании. С него разом слетела спесь, ему захотелось просто жить, дышать, хоть в тюрьме, хоть в подземелье, хоть как — но только жить. Он писал своим четким почерком жалостливые слова о человеколюбии и милосердии, о принципах высокой гуманности, о глубоких заблуждениях молодости, даже о заслугах своего отца и дурном примере матери. Просил о снисхождении.

ТРУДНЫЕ ДНИ

РОЗЫСКА



Он видел людей, только неясно, смутно, как в трепещущем мареве. Они сновали вокруг, много их было, все белые-белые. В ушах — сплошной гул, но сквозь него все же доносилось, будто кто-то бубнил назойливо: «Аорта... поджелудочная... потеря крови... крови...»

То ли несут его куда, то ли катят на жестком и неудобном. Марево сгущалось, ширилось, сливалось в невыносимую муть. Миг — и все пропадало, меркло, потом он различал вдруг чей-то взгляд, чьи-то глаза: черные-пречерные, пронзительные, как у коршуна. Большие глаза на ослепительно-белом лице.

«Хирург,— догадался он.— Резать будет. А может быть, уже резал? По живому...»

Опять все заволокла душная пелена, и чей-то чужой голос в нем самом, песенно зашептал: «Врач резал вдоль и поперек...»

Где же он слышал эти слова? Где? Вспомнить не удалось — не было сил. К тому же сквозь слова этой знакомой, непременно слышанной песни пробился громкий голос. Не внутренний, придуманный, а живой, настоящий, хрипловатый и очень родной. «Мне только на минуту всего!»— требовал голос.

Какой громкий голос! Понятно, зачем голосу эта минута, все понятно. Крикнуть бы: «Понятно! Пустите! Хочу... совсем немного!»

А внутренний неживой голос уже нашептывал, перебивал, не давал крикнуть. Опять знакомое: «Хоть немного... еще... постоять, на краю — у.»

Огромные черные глаза на белом лице были совсем близко.

Хирург — у него до локоть засучены рукава халата, а руки жилистые, крепкие, в черных волосах, как у кулачного бойца — резко сказал:

— Нельзя. Сколько повторять, неужели непонятно?

Конягин настырничал, горячился, настаивал.

— На одну минуту всего. Надо ведь. Где у вас начальство? Главный где?

— Начальство ему подавай,— обозлился хирург.— Здесь Гиппократ главный, главнее нет никого. Сколько говорить?

Конягин был готов выпалить что-то несуразное, но хирург вдруг взглянул на него своими черными и очень уставшими глазами и сказал по-доброму:

— Пойми, чудак-человек, у него же шок. Шо-ок! Ножиком в живот — это плохо. А в спину — еще хуже. А у него — и то, и другое.

Он уже совсем было вышел из маленькой и тесной предоперационной, но на пороге задержался и сказал теперь уже совсем миролюбиво:

— А знаешь, парень, ведь он пел. Правда, пел. Кажется, что-то из репертуара Высоцкого. Он что, любит Высоцкого?

Хирург махнул своей волосатой рукой и пошел в белые двери. Туда, где на белом и страшном ложе, как представил себе Конягин, был распластан Федя Лучков.

Конягин гнал так, что чуть было не наехал на красный, резко сбросил газ, зажал оба тормоза. Мотоцикл, как живой, взвизгнул, развернулся боком, с метр протащился юзом. Мотор заглох. Откуда ни возьмись возник гаишник, подошел, сердито похлопывая жезлом по сапогу, как бы нехотя взглянул на раскрытое удостоверение и сказал равнодушно: «На том свете места много, капитан, чего спешишь? Успеется».

И пошел себе вдоль бордюра.

Конягин стукнул ногой по кикстартеру, взял скорость с места. Ведь совсем недавно, всего-ничего, два каких-то дня назад, собрались они втроем у Алексея Кныша. И причина была, и время нашлось. Как всегда — будто годы не виделись: говорили и говорили. Особенно Алеша с Федей, у них, как сойдутся, проблема за проблемой. Сосшыковались,

как говорится, на деловой основе и небезрезуль-
татно. Посидят вот так, поспорят, погорячатся да-
же и выдадут в областной газете материал под
рубрикой «Из кабинета следователя». Подписыва-
ют так: Ф. Лучков, старший следователь Завод-
ского РОВД., А. Киыш, наш корр.»

В тот день «наш корр» отмечал день рожде-
ния — двадцать девять исполнилось. Он на год
старше одноле́ток — Лучкова и Конягина, чрезмер-
но гордится этим и многие годы называет своих
младших друзей «салагами». Впервые так он ска-
зал давным давно, когда матери Лучкова и Коня-
гина, в один день и даже час, будто сговорились,
привели своих чад в детский сад. В непривычной
кутерьме малыши сникли, пригорюнились, но тут-
то и появился долговязый не по годам очкарик
Алеха Киыш. Он уже освоился здесь, обтерся. «Эх
вы, салаги,— покровительственно сказал он.— Дер-
житесь за меня!»

Вон сколько лет прошло с тех пор, почти чет-
верть века. И все это время Федор Лучков и Ми-
хаил Конягин практически вместе — как братья
близнецы. Разлучала, правда, армейская служба.
Но то были, как в песне поется: только две зимы,
только две весны... Потом опять рядом оказались.
Даже в один райотдел после юридического напро-
сились. Конягин в уголовный розыск, Лучков сле-
дователем. В соответствии с темпераментами.

Алексей Киыш в армии не служил, отроду бли-
зорук. Раньше «салаг» окончил университет по
журфаку, свои заботы у него, но дружба осталась.
Спаянная детсадовская тройка не распалась.

Четверть века дружбы. Больше даже, чем
дружбы...

И вот он, сегодняшний миг в двадцать часов
тридцать минут, когда Конягину домой позвонил
дежурный по райотделу и торопливо сообщил: тя-
жело ранен капитан Лучков, находится в скорой
помощи, обстоятельства неизвестны. Выясняются.

Нелепица какая-то, чушь. Чернявый хирург
втолковывает как маленькому: «шо-ок!» Это Федя-
то, Федор Лучков — и в шоке... на краю. Да, врач
ведь что-то спросил про Федю, любит ли он Вы-
соцкого? Наверное, этот отзвук того же дня рож-

дения у Киыша. Алеха, как всегда, устроил друзьям маленькую самодеятельность. Стихи читал, в тот вечер «Красавицы» Маяковского преподнес: «В смокинг вштопорен, побрит, что надо, по Гранд по опере гуляю грандом...»

Потом пел «под Высоцкого». Он способный подражатель, Алеха, как скворец. На гитаре наловчился. Может быть, припомнил те песни Федя? В шоке...

Слово-то какое противное: шок.

Конягин поставил мотоцикл у подъезда и, прыгая через две ступеньки, взбежал на третий этаж, к начальнику. Рогов сидел за своим широким столом насупившись, темнее тучи. Понять можно — такое ЧП в отделе.

— Все знаю,— сказал он,— я только что с места происшествия и звонил в клинику. Ты мне вот что скажи: сам его видел? Своими глазами. Жив будет?

— Не видел. Не пробился. Шо-ок, говорят.— Конягин, набравшись духу, спросил:— Домой сообщили? Матери, жене...

Начальник встал из-за стола, подошел к окну, уставился на желтые фонари, будто никогда не видел их возле подъезда своего райотдела.

— Дома их нет. Замполит туда ездил, соседи говорят, на дачу поехали. Все уехали, часов в семь. Лучков тогда дома был, соседи его видели.

— Так...— Конягин не знал, что говорить.— У матери дача, она, как на пенсию, так — дачу. Она на выходные всегда туда, в любую погоду. Не знаю... ждать будем?

Тихо было в райотделе, как всегда вечерами Посетителей нет, не ходят по коридору люди, не стучат машинки в машбюро. Начальник не ответил, думал, видно, о другом.

Минута. Еще и еще... Где-то в конце коридора, через открытую дверь хорошо слышно, в чьем-то кабинете зазвонил телефон. Начальник резко повернулся, вплотную подошел к Конягину и сказал:

— На место происшествия выехали Воронин, Туспеков и Жуйков. Из УВД два старших оперуполномоченных, из прокуратуры следователь по особо-

важным делам, эксперт-криминалист. Что толку? Ведь никаких зацепок! Они сейчас там, начальник УВД на контроле держит...

Конягин по своему обыкновению взорвался.

— Но так же не бывает, товарищ подполковник! Не может быть! Я сейчас тоже туда. Лишь бы Федька... Лучков лишь бы...

— Не кипи. Опергруппа работает, прокурор тоже. Но с тебя, Михаил, с тебя — спрос особый. Ты лучше всех его знал. Иди и думай. Посмотри вместе со следователями все его последние дела, и не только последние. Внимательно смотри, Миша.

Не замечалось раньше за подполковником Роговым такой фамильярности.

Знает, конечно. Конягин своего друга Федора Лучкова. Лучше ли всех знает — это еще как сказать, неизвестно, но знает. А поручили бы сейчас — напиши, мол, на Лучкова характеристику, что бы он стал писать? Волевой, мол, усидчивый, чего, кстати, самому Конягину, явно недостает, трудолюбивый исполнительный. Семьянин хороший, мать свою — Елену Васильевну, жену Татьяну, маленькую Леньку больше всего любит. Общественник хороший, много читает, книголюб... Все правда, все точно... Но сейчас, когда жизнь Федора так внезапно, так грубо поставлена на грань небытия, Конягин прежде всего думал о самой главной черте своего друга: его надежности.

Татьяна всегда говорит: «За ним, как за каменной стеной». Не очень оригинально, но точно. Да Татьяна и не гонится за оригинальностью, она за ним действительно, как за самым надежным укрытием.

Да, конечно, надежный он, Федор, во всем надежный: в работе, в любви, в дружбе. Если пообещал — выполнит. В характеристике Конягин написал бы так: «Честен, правдив до крайности. Чужую беду переживает, как собственную...»

Каменная стена.. Хрупкое, все же создание, человек, ломкое... Удар ножом. Шок. Шо-ок! И может быть, самое страшное: уйдет здоровый, умный, надежный, а значит, очень нужный человек.

Что же случилось? Лучкова всегда ставили в

пример: тренирован, бдителен, осмотрителен. Наверное, его застали врасплох. Был, обязательно был фактор неожиданности, внезапности. А может быть, преступник — знакомая Федору личность? Подошел такой тип, улыбаясь, и — ножом? По-разбойничьи...

Рассуждая примерно таким образом, Конягин подошел к дежурному, взял ключи от кабинета Лучкова. Дежурный подтвердил, что пока у опергруппы новостей — поль. Ни одного очевидца выявить не удалось, никто ничего не видел. Обнаружили же Лучкова так. Старик один искал свою собачонку, видит—у забора человек, согнулся, держится за живот. «Что с вами, товарищ?»

А человек, цепляясь за бетонные плиты забора, упал.

Обшарили там все. Ясно было — ранен он на том же месте, где и обнаружен. Может быть, и отошел на метр всего — от садовой скамейки до забора. Вот и все, что пока известно.

— Вызывайте начальника канцелярии и двух следователей. Будем комиссионно открывать сейф Лучкова. Пусть настраиваются работать на всю ночь.

2.

Последний вагон здорово мотало. «Если не везет, так не везет во всем»,— думал Веня, тоскливо глядя сквозь пыльное стекло вагонного окна на унылую, выжженную солнцем пустыню. Песок серый, саксаул серый, серенькие саманушки на разъездах. Только небо синее... Но что небо? Лететь бы ему, Вене, по синему небу, еще вчера был бы в Москве, шарился бы по столичным универмагам, отводил бы душу в «Праге», или еще где. Денька бы три так профилонил, приткнуться есть где. А потом дальше.

Но нельзя ему лететь самолетом. Не положено. В кассах аэрофлота строгие девушки в синей униформе паспорт спрашивают. А такового у Вени нет. Лишили его паспорта, как, впрочем, и многого другого. Да как ловко лишили. Облурили и пустили голенького. Нет, одним словом, паспорта.

А в сущности — что бы для него паспорт? Советские порядки гуманны: заявил, что потерял доку-

мент, заплати червонец — и нема делов, как ком-
рит Дзюбенко Федор Иванович, фотограф-мазила
из парка имени Максима Горького. За десятку по-
лучай новый — серпастый и молоткастый. И лети
себе самолетом в синем небе. Быстро и выгодно.
Только времени у Вени не имелось на эти процеду-
ры, надо было спешить.

Дзюбенко хоть и мазило-то он мазило, а деньгу делать умеет. Хорошие деньги. Из-за них вспочинает он теперь Веню, и клянет его, конечно, в три господа и всех святых. Правильно, конечно, с его эгоистичной точки зрения, в таком-то его аспекте. Только что же Вене оставалось делать? Ведь зажали его в такие тисочки, в такие испанские сапожки, такую ему казнь придумали, какую сам император Калигула, сатрап древнеримский, не сообразил бы. Как вспомнишь — мороз по шкуре и коленки сводит.

Мотает последний, мягкий вагон скорого московского поезда, мотаются мысли в голове, путаются. О завтрашнем дне думать не хочется — что толку? Будет день, будет и то, что надо. Отсидеться в тени да в тиши ему надо — это прежде всего. Всегда сухим из передряг выходил, и сейчас должен вывернуться.

А история приключилась кислая. Влип Веня в историю — хуже быть не может. Два дня назад, два всего, шел он в парк, к своим автоматам, аттракционам, к фотографам своим, к мальчикам и девочкам ресторанным, в парковую вечно праздничную круговерть. Спокойненько так шел вниз по улице Пушкина, помнится, даже песню какую-то мурлыкал — такое уж утро очень хорошее было. Сентябрь — золотой месяц.

На углу, возле школы, догнал его красный «жигуль». Цвет такой яркий, парадный — алое пламя. Тормознул рядом. Белобрысый, даже рыжеватый парень, лицо доброе, открытое, окликнул: «Привет, Веня! В парк шлепаешь?»

— Туда,— отвечает Вениамин.— У меня одна дорога. Ты чей? Не узнаю что-то...

Парень весело засмеялся, не ответил на вопрос, сам спросил:

— Пешечком по холодку, значит? А телега твоя все на ВАЗе, тебе все голову морочат?

— Ага,— соглашается Веня и силится вспомнить: то ли костоправ какой,— Веня со своим машинами ко многим обращался,— то ли со станции ТО, или с заправки какой мужик? Рядом с ним, на заднем сиденьи, девица большеглазая, тоже улыбается, как родному. За рулем толстый амбал, туда же, щерится, показывает золото во рту, и нос свой приплюснутый, как у поросенка.

— Все не узнал еще? - искренне так удивляется блондин.— Давай к нам садись, подбросим. Мы одним курсом.

Ничего удивительного во всем этом не было. Кто не знает Веню? Да все знают, особенно вот такие, модячие, фирменные. Деловой он человек, и со связями. Диски, бар на островке, тряпочки клевые, книги, которые по пять номиналов,— это все хорошо, но это пустяки, мелочевка, Веня и не то может, потому как он вполне современный, самостоятельный и практичный молодой человек. Вилно, рыжий к нему вопрос имеет. А девочка очень даже... почему бы не заметь контакты?

Сел Веня рядом с водителем, тот ему дверку услужливо открыл, оперился золотыми зубами. Сел Вениамин, и не знал, что это его электрический стул. У амбала руки большие, ведет машину спокойно, легко, красиво. Уверенно ведет, без толчков, без лишнего тормоза. На первом перекрестке кладет руль направо, делает плавный поворот, не сбавляя скорости, и — вперед. Стрелка на спидометре за восемьдесят поползла. Вене совсем не в ту сторону.

Рыжий сзади упредил вопрос, сказал, зевнув, что заедем, мол, в одно место ненадолго. Амбал молчит, гонит; девчонка в сумке своей копается. Веня не привык к такому обращению.

— Стоп,— сказал он своим начальническим тоном.— Приехали.

И потянулся к ключу. Амбал, не поворачиваясь, ткнул железными пальцами в бок, под ребра. Веню согнуло, ударился лбом о переднюю панель.

— Не суетись, Веня, не напрашивайся,— посоветовал добродушно рыжий.— Мы не в парке.

Мелькают деревья, зеленые еще. Люди на тротуарах. Гаишник вон промелькнул. Выехали за го-

род, пошли на подъем в горы, туда, где дачи. Будний день, конец сентября, сады убраны. Безлюдье на дачах. Страшно стало Вениамину, очень страшно. В кармане и в дипломате — деньги, четыреста половиной тысячи, в трех конвертах. Передать поручили, верный барыш. Сберкнижка его собственная, на пять тысяч, паспорт. Решил на всякий случай снять, недавно следователь вызывал свидетелем. Вроде бы ничего особенного, но все же лучше снять. От греха. Перстень с изумрудом, часы старинные, карманные, одна цепь — хоть собаку привязывай. По случаю купил.

Приехали. Амбал вышел из машины, открыл металлические створки низеньких дачных ворот. Дом хороший, но в саду запустение, бурьян сухой, под ногами яблоки — мелочь, паданец — полно. И началось. Как в дурном сне.

Показали ему яму в самом конце большого сада. «Видишь,— сказал рыжий,— у нас все предусмотрено, все по уму. Глиной завалим, листьями притрусим и лежи до второго пришествия. Фирма веники не вяжет».

В дачном домике, построенном с явным нарушением садоводческих уставов, в комнате с камином, было убрано, чисто. На стене олени рога, кабанья шкура с клыкастой головой, фазан на полочке. Большеглазая девица взяла в холодильнике бутылку и брезгливо сказала, выходя на веранду: «Одно прошу учесть: блевать неохота. Вы же знаете, я кровь замывать не могу». «Обойдешься»,— равнодушно бросил рыжий.

Амбал зачем-то стал разжигать камин. Он достал нож, кнопочный, лезвие широкое, блестящее с выгравированными узорами. Открывается с треском, с шиком. Амбал несколько раз продемонстрировал и довольно улыбнулся. Сидит возле камина, колет своим тесаком березовую чурку, подбрасывает щепочки в огонь. И все молча. Немой, что ли?

А рыжий сразу стал говорить о том, что «его фирма» хорошо знает все дела Вениамина, его связи, ходы и выходы. Убедительно говорил, приводил примеры и факты, фарцовка, утверждал он, дело наживное, но скользкое и опасное. Мошенничество — того хуже. Милиция усиленно борется с

теми, кто занимается подобным промыслом, справедливо усматривая в этом общественно-опасные проявления. Вот почему Вене гораздо лучше сейчас без сопротивления отдать все то, что есть, и то, что будет. От греха. Они тогда его не обидят, яма пусть себе пустует, руки марать они не очень-то хотят. Наоборот, если все по-хорошему, они люди полезные, их покровительство кое-что стоит. Отдать нужно добровольно, с чувством дружбы и любви к ближнему. Только потом в милицию ходить не надо. Это аморально и весьма опасно для свободолюбивой Вениной натуры: может обернуться солидным сроком в заведении усиленного режима. За посредничество во взятках ого-го как здорово пришлепают. Такие-то, брат Вениамин, дела.

Обобрали Веню подчистую. Перстень сняли, часы, деньги при нем же пересчитали. Под конвоем амбала съездил Веня в сберкассу, получил вклад — сам же вчера заявку сделал! Не хочется вспоминать, как все это было. Амбал стоял рядом, дружески так улыбался. Какие чувства забегали в Вениной душонке, когда в сберкассу зашел капитан милиции, рядом почти проверял билетики денежно-вещевой. Ничего не выиграл, прочитал какое-то объявление, и пошел. Одно бы слово тогда сказать! Не вышло. Прав был рыжий, ох, как прав. Потом рыжий с его же ключами съездил с девахой на Венину квартиру, облазил там все, рылся в ящиках стола, в шкафу, осмотрел библиотеку. Даже похвалил за аккуратность и бережливость, ворюга. Обидно до смерти.

Кончался день. Рыжий, довольный успешно проведенной операцией, незлобно сказал, прощаясь:

— Мы, друг мой, интеллигенты. Ты — историк, я — технарь. Нам известно, что у братьев наших меньших, в мире животных, то есть, имеется закон: доминирующие особи получают больше пищи и чаще вступают в брачные отношения. Такова селявуха. Мы тебе обеспечим доминирующее положение, к которому ты упорно стремишься. Только надо достойным образом зарекомендовать себя. Знаешь такой обычай: повязаться кровью? Так вот: у нас просьба...

Веня слушал, вздрагивал, холодел, соглашался. Он все отлично понял, не дурнее паровоза. Эти проходимцы ведут точную, продуманную и наглую игру. Она изобретена не ими, все просто, как сига-рета: они вымогают там, где жертва не может при-нять ответных мер, не посмеет, не решится, не ос-мелится идти в милицию, например, за помощью — у самой рыльце не то что в пуху, а в самом, что ни на есть, настоящем дерьме. Можно не бояться, брать голыми руками. Веня понял — бить пока не будут. Он им нужен для других подобных опера-ций. Легче ему, однако, не становилось.

Мотает последний вагон. Муторно смотреть на пустыню и вспоминать, как выполнил он требова-ние шантажистов. В то же время можно и гордить-ся тем, как ловко он их обвел, какую ловушку соо-рудил. Пусть там все крутится-вертится, горит си-ним пламенем. Рыжего с амбалом наверняка уже посадили. Пройдет время, все утрясется, уляжется. Он переждет в надежном месте, не зря говорят: имей сто рублей и барыжных друзей. Хорошо, что мазила Дзюбенко свои большущие деньги отдал на сохранение Вене. От супруги своей прятал, раз-вод затеял, старый хрыч. «У Кыив пойду,— мечтал он.— У Кыиви гарно жыты...»

По-русски он говорил лучше, чем по-украински, а это так, придуривается. Вот с его-то деньгами и улизнул Веня. Хорошо, что про них не пронюхала фирма рыжего. Пока хватит этих денег, а там — видно будет.

Бежит поезд через пустыню. В его купе сосе-ди — супружеская пара, неопределенных лет, в Сочи едут через Москву, в отпуск — по-дикому. Еще командированный какой-то. В карты они игра-ют, в подкидного, на столе посудина стоит, с узким горлом, сухое, что ли.

Веня достал сверху свой чемодан, вытащил бу-тылку коньяку, подумал, прибавил бутылку «По-сольской», поставил на вагонный столик.

— А ведь у меня сегодня день рождения,— сказал он,— двадцать восемь стукнуло. Отметим?

Вообще-то он не очень соврал: двадцать восемь лет ему исполнилось месяц назад, он широко отме-тил эту знаменательную дату в ресторане «Иртыш».

3.

Заполночь, когда Конягин почувствовал, что вот-вот заснет, приехал Воронин, старший в опергруппе, которая работала по делу о нанесении тяжких телесных ранений Лучкову.

— Ищите женщину, так, кажется, говорят французы. А может, итальянцы?— без улыбки сказал он.— Мы искали девушку, искали, да не нашли. А она, может быть, то единственное звено, которое как-то пристегивается к делу. Та самая соломинка...

— Ты мне хоть немного подробностей дай,— попросил Конягин.— Я ничего толком не знаю. Мы тут с бумагами сидим, я и два следователя, они по своим кабинетам.

Воронин оценивающе посмотрел на папки, разложенные на столе Конягина, поморщился.

— Не зря говорят: дела у прокурора, у нас делишки. Ни за какие пироги не пойду в следствие надо же такую гору бумаги в голове держать... Нашел что? У нас-то ничего. Зло берет.

Он принялся подробно описывать место, где был обнаружен раненый Лучков, а Конягин ясно представил себе знакомый сквер за Дворцом пионеров — молодой, недавно засаженный сосенками и туей, убегающее в горы шоссе, бетонный забор вокруг станции юных натуралистов. Лучков недалеко живет от этого сквера — пять минут ходьбы...

— Что на голом асфальте увидишь?— сокрушался Воронин.— Никаких следов. Людей тоже не было. Дворец пионеров по пятницам не работает, в сквере пусто, как раз ветер начался, дождь. Дед один увидел Лучкова, он точно запомнил: восемь двадцать было. Мы прибыли тут же, пустили собаку, что толку? Асфальт, бетон, машины. Там, за станцией юннатов есть поселок, ты его знаешь. Сколько там дворов да домов обошли — и никто — ничего. Только и нашлись два парня, они-то и рассказали про девушку.

Моросил мелкий дождь, ветер мел пыль по улице, прохожих сразу поубавилось. Два дружка — Толик и Калырбек стояли на углу Дачной и Гоголя под зубом и думали, куда бы девать время.

Толян взглянул на часы.

— Через полчаса кино — сказал он,— без десяти восемь. Ко мне, что-ли, пойдем? Мои предки на даче, вернутся только в понедельник.

— Пошли,— согласился Кадырбек.— Чего еще делать будем? Дождь пошел, стало сыро.

Тут-то и появилась незнакомая девушка. Она бежала, ничего не замечая, со стороны сквера, что за Дворцом пионеров и плакала. Небольшого роста точка, но ладненькая такая. Волосы длинные, растрепались, она на ходу старалась их привести в порядок, а сама плачет, даже приговаривает что-то. Толян сказал еще: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди...»

Кадырбек приложил палец к губам: не надо, мол.

— Мне показалось,— говорил он потом,— здесь что-то не так, что-то случилось.

Девушка ничего не видит, не слышит, побежала к автобусной остановке, двадцать девятый там останавливается. Тут и он сам. Народу полно, но она втиснулась. Вот и все. Уехала.

И забыли бы про это Толян с Кадырбеком, но через несколько минут,— они еще не ушли смотреть телевизор, не спешили,— проскочила машина скорой помощи, за ней — милиция с синей мигалкой. Потом еще — криминалистическая лаборатория.

— Вот там, наверное, кино,— сказал Кадырбек.— Бежим?

Там и заговорили про эту деваху: не она ли того парня? Приревновала, что ли?

— Вы-то ее разглядели?— спросил Воронин.

— Одета как я, точно,— усмехнулся Толян.— Джинсы, рубашка черная, белые кроссовки. Копия.

— Одна только разница, ты не заметил, что ли?— возразил Кадырбек.— У тебя серег нет, а у нее в ушах бриллианты. Розочкой.

— Ты скажешь — бриллианты. Увидел в темноте.

— Какая темнота?— рассердился Кадырбек.— Под фонарем иголки можно собирать. Я такие серьги в «Алмазе» видел, пять тысяч стоят, хотел купить — двух рублей не хватило.

— Брось трекать. А девчонка красивая...
— Какая там девчонка, ей двадцать, не меньше.
— Ну и что? Самое то...
Воронин тут прервал перепалку друзей.
— А узнать ее сможете? Если вдруг в толпе встретите.
— А зачем? Если она не при чем?— засомневался Толян.— Может, ее мама побила?.. Но если очень надо — узнаем.
— Сами видите, какая ситуация,— развел руками Воронин.
— Тогда поможем, — согласился Толян — Поищем, Кадыр?
Кадырбек задумчиво сказал:
— Поехала она двадцать девятым в сторону конечной. Туда всего четыре остановки. Здешняя она, что ли? Может, из дома отдыха? Пошли, искать будем.

— Вот до сего времени и лазил с ними, все ноги отшиб,— закончил свой рассказ Воронин.— Девушка, которая плакала, как в воду канула.
Он положил перед Конягиным листок бумаги.
— Это координаты Кадырбека и Толика, у обоих дома есть телефоны. Хлопцы, в общем-то, неплохие, без царя маленько, да ведь возраст... Мы разве не такие были? Думаю, тебе их искать не придется, сами объявятся, заводные ребята, я им твои позывные оставил.
Воронин потянулся, зевнул.
— Пойду. Ты еще будешь работать? У меня завтра отгул.
— Поработаю, — сказал Конягин.— Дреману немного только...

В семь утра Конягин ополоснул лицо холодной водой, вывел свою «Яву» и поехал домой, но не по прямой,— всего с километр — дороге, а сделал широкий круг по городу. Быстрая езда взбодрила, свежий осенний воздух согнал остатки усталости. Хотелось скорее начинать настоящий поиск, не рыться в бумагах.
Мать ждала его с завтраком.
— Что приключилось?— начала она свой обыч-

ный вопрос, хоть и знала, что Михаил найдет отговорку.— Опять чепе?

Конягин захохотал.

— Ты, мама, всю мою терминологию усвоила. Конечно, чепе, «Ява» моя поломалась, в гараже возился, дежурный механик помогал. Я же звонил. Потом дреманул на диване.

— Ну, ладно, ладно,— умиротворенно сказала мать.— Тебе бы семью, как у Феди, хорошо бы. Он как всегда, весь в делах, наш Федя-то? Давно не видела...

— Как всегда, мама, как всегда.

У матери гипертония, давление скачет. Как ей скажешь правду про Федора. Он ей свой, но пуще того она боится за своего Мишку, который работает в непонятном уголовном розыске. Одно слово-то: уголовный! Страху-то!

Когда в прихожей Конягин надевал шлем, мать смотрела и думала, что ладный у нее сын, не высок, но строен, плечи сильные. Надел шлем — как космонавт. Конягин улыбнулся, поцеловал мать в щеку: «Пока, мама, звони, если что». И побежал по лестнице.

В восемь тридцать Конягин и Воронин стояли перед столом начальника райотдела. Рогов смотрел на них, своих подчиненных, начинавших свою службу в этом же отделе, у него, у Рогова. Разные, совсем непохожие. Даже в одежде. Оба в гражданском, но у Конягина, хоть и на мотоцикле он гоняет, брюки в стрелочку, под спортивного покроя пиджаком — галстук. Со вкусом все. А на Воронине и штаны, и куртка — мешком. Длинный, как жердь сухая, да еще и туфли не обмахнул, когда к начальнику шел. У Конягина на ботинках — ни пылинки. И в работе. На Конягина можно положиться во всем. Непоседлив, правда, горяч, вспыльчив но начатое доведет, добьет. Времени не пожалеет. Воронин знает дело, но лишнего часа на него не потратит. С прохладцей человек, без крепкого стержня.

— Я только что из госпиталя,— сказал подполковник Рогов.— Лучков в реанимации, к нему не

пускают, но сказали: можно надеяться на улучшение.

(Он посчитал лучше умолчать о том, что хирург сказал ему примерно так: жить будет, но к вам, в милицию, вряд ли вернется... И стал перечислять повреждения. Слушать не хотелось.)

— Ваше предложение, капитан Воронин, что он мог быть ранен девушкой отпадает, оно не имеет оснований. Удары нанесены очень сильным человеком. Но девушку, о которой вы докладывали, нужно интенсивно искать. Очень уж подозрительные тут совпадения. По времени, по ее поведению...

Подполковник подошел к сейфу, достал толстую тетрадь в черном клеенчатом переплете, протянул Конягину.

— Это тетрадка Лучкова. Дома у него была. Передала мать, я сам к ним утром на дачу ездил, пораньше. Привез домой. Изучи тетрадь, там телефоны, адреса...

Рогов уселся в свое потертое, несменяемое кресло и стал вдруг говорить резко, отрывисто.

— Что у вас еще появилось, Конягин? Нашли что-нибудь?

— Несколько нерасшифрованных телефонов по календарю и рабочей тетради. Уточняем. Есть невыясненные фамилии. Какой-то Маркин В. Б. несколько раз записан. В последнее время. Выясняю.

— Все? Идите. Мне председателю горисполкома докладывать надо.

Кныш ждал Конягина возле двери кабинета. Взъерошенный, злой, агрессивный. Не поздоровался даже.

— Почему не позвонил мне сразу? Игнорируешь? Я только что из больницы, консилиум надо...

— Не кипи, Алеха,— применив выражение своего начальника, попытался остудить друга Конягин.— Консилиум был, работает бригада реаниматологов, все что надо — есть, в том числе и кровь, мы все надеемся на благополучный исход. Дома у него уже все знают, представляю, конечно...

— Представляешь... Я тоже пытаюсь представить, не могу. Сволочей-то вы как ищите? Вот гады, ну скажи, гады...— Он достал сигареты, заку-

рил.— Мне все же легче жить, Миша. Я все-таки всегда с хорошими людьми, хороших людей много. С дрянью редко встречаюсь. А вам не повезло, у вас все наоборот.

Он дымил, а Конягин пошире открыл окно. Сам он табаком не баловался, а по райотделу приказ имеется: в кабинетах не курить. Но Киш — гость, что делать будешь? А гость покопался в своем портфеле, извлек тоненькую папку, подал Конягину.

— Подшивка,— сказал он.— Здесь я собрал материалы под рубрикой «Из кабинета следователя» и «Из зала суда». Вместе с Федором делали. Один— «Плесень», опубликован позавчера. Сразу каюсь: «Плесень», как заголовок не здорово, зато по-существу. Читал?

— Тоже каюсь — не читал.

— Как говорил Остап Бендер, тех, кто не читает газеты, нужно убивать на месте. Морально. Тебя я прощаю. Не хватало бы тебе о преступниках в газетах читать. Живых хватает. Так? Но этот материал тебе прочитать нужно, и немедленно. У меня есть основание подозревать, что кто-то из этой самой «Плесени» начал мстить.

— Ну, это чушь собачья,— не очень, впрочем, уверенно сказал Конягин.— Статья есть статья, это не обвинительное заключение. Сколько Федор обвинительных заключений написал за свою следовательскую практику?

— Как посмотреть на дело. Иной газетный материал — это обвинение не только для тех, кого вы посадили, привлекли, а суд осудил. И для некоторых других, кто в тени остался. Помнишь наш материал «Стоит ли отодвигать скамьи?». Там про взрослых подстрекателей, о родителях было, о тех, кто прошляпил своих чад.

— Это помню, я по этому делу работал, сам задерживал убийцу. «Шефом» его, кажется, величали. Еще там были Ратуш-паша, Алямс, Шестуряк. Точно? С кастетами ходили.

— Так. Правильно помнишь. После публикации, редакция по этому материалу два мешка писем получила. Все в них было: и гнев, и презрение, и требования строже наказывать, лучше воспитывать, больше требовать. Это и есть общественный резо-

нанс. Эта статья, «Плесень», то есть, только что напечатана, писем мы еще в редакции не получили, но резонанс уже есть. Подлый резонанс, ты не смотри на меня так скептически. Прочитай сейчас, времени не много займет, потом поговорим.

Конягин взглянул на часы.

— Немного времени у меня есть, к прокурору ду к десяти. Уложимся.

— Читай вслух,— попросил Киыш.— У тебя вслух всегда хорошо получается.

Конягин налил в стакан воды, поставил перед собой, и начал читать без особой, впрочем, охоты. Так, чтобы не обидеть друга.

«Плесень»,— прочитал он заголовок. Из кабинета следователя.

В своем собственном двухэтажном доме, богато обставленном модной мебелью, увешанном и устланном коврами, Неля Досхоева на самом видном месте повесила портрет. Изображенный на нем моложавый мужчина был в форменном кителе с юридическими эмблемами в петлицах.

— Это мой Эдуард,— говорила Неля, многозначительно поднимая палец.— Мой супруг...

О себе она говорила по-разному. Где-нибудь на отдыхе, на Черноморском побережье, представлялась новым знакомым ответственным работником. В своей автобиографии написала, что ее отец был очень большим начальником. А в застолье друзьям доверительно сообщала, что происходит из старинного и знатного княжеского рода. Отсюда, мол, и генетический аристократизм и неистребимая приверженность ко всему богатому и красивому. Так она рекомендовала себя. Однако, истина открылась в условиях, совершенно не соответствовавших привычкам и устремлениям Досхоевой и компании...

Конягин отпил глоток воды и сказал: «А ведь видел я обвинительное заключение по этому делу, отложил, чтобы ознакомиться. Одно обвинительное, кажется, на двухстах страницах. Я обратил внимание». «Ты читай, читай,— сказал Киыш.— Потом поговорим». Конягин продолжил чтение.

...Не так давно было закончено следствие, состоялся суд. Следователи Заводского РОВД на

предварительном следствии и народный судья на судебном заседании проделали большую работу, чтобы с полной достоверностью установить «кто есть кто».

На скамье подсудимых находились: сама «княжна» Досхоева Неля Валитовна — заведующая продовольственным магазином № 12 Заводского райпищеторга, продавцы этого магазина Огнев Семен Семенович и Ахмеддин Нияз Утегенович, а также заведующая оргметодическим отделением научно-исследовательского института бытовой техники Савельева Лина Сергеевна.

В обвинительном заключении говорилось, что Досхоева за неполных три года путем служебного подлога совершила как лично, так и совместно с Огневым и Ахмеддиным хищения государственных денежных средств на сумму 141227 рублей 95 копеек и за это же время как лично, так и по сговору с Савельевой совершила мошеннические действия в отношении 46 человек на сумму 256600 рублей.

(«А ты говоришь Остап,— опять прервал чтение Конягин.— Слабо ему!»—«Да ты читай, потом комментировать будешь»,— рассердился Киш). И Конягин читал.

... Живучи мошенники, ох живучи! И ведь что удивительно: на каждого мошенника есть свой ротозей. Но обратимся к материалам дела.

«В августе прошлого года Досхоева по сговору с Савельевой, войдя в доверие к гражданке Филатьевой, познакомилась через нее с работниками горпивзавода Трофимовой и Новиковой. Пообещав им оформить кооперативные квартиры и указав адреса таких квартир, завладели принадлежащими Трофимовой 6000 рублями. У Новиковой они тоже получили 6000 рублей»...

Это был основной трюк мошенниц. Причем они отыскивали таких, кто хотел заполучить квартиру немедленно, без хлопот и очереди, в обход существующих правил. Такие люди, к сожалению, находились. Трудно назвать их простачками и простофилями. Многие из них отдавали деньги, хорошо зная, что идут на противозаконные действия. Но надеялись «обмануть закон». А когда поняли,

что оказались обманутыми сами, то сразу же обращались в правоохранительные органы с требованиями возвратить их законные средства.

Характеризуя Савельеву, обвиняемая показала, что «Савельева любила жить и жила на широкую ногу. Рестораны, гулянье, курорты, приобретение автомашин — все это требовало денег».

Лина Сергеевна Савельева прибывала к месту «обработки» очередной жертвы всегда эффектно. Сама сидела за рулем новенькой автомашины, ее представляли то каким-то ответственным работником, то вообще влиятельной женщиной, умеющей «делать квартиры». Но квартиры и что-либо другое ни Досхоева, ни Савельева делать не могли. Они делали деньги. Любыми путями.

В мае прошлого года Лина Сергеевна Савельева познакомилась с приехавшим в отпуск из Узбекистана главным бухгалтером одного из совхозов Онгаровым. Лина быстро смекнула, что отпускник «при деньгах» и повела разговоры о красивой жизни, о машинах и драгоценностях. Все сводилось к тому, что хранить деньги на сберкнижке, а тем более «в чулке»— мещанство. Деньги надо умеючи тратить, а то вдруг — мало ли что? К тому же она, Лина, занимает высокий торговый пост и многое может. Бриллианты, например, машины. Все, что надо.

Обработка проходила успешно. Через неделю отпускник съездил к себе домой и привез большую сумму денег.

Лина хорошо продумала свои дальнейшие действия. На другой же день в магазине ювелирторга через знакомую она приобрела два перстня с бриллиантами и изумрудом. Эти кольца вместе с оставшейся суммой денег Савельева положила в портфель и сказала, что отправляется на деловое свидание. Далее авантюра развивалась стремительно, как в настоящем детективе.

Своему новому знакомому Савельева объявила, что по дороге ее задержали работники милиции и изъяли дипломат с деньгами и ценностями. Ну, а ей чудом удалось бежать.

Убедившись в скором времени, что деньги Савельева не вернет, главный бухгалтер вынужден

был обратиться в милицию, с которой ранее сове-
товаться он не считал нужным.

Досхоева и Савельева совершили десятки прес-
туплений, много раз вступали в конфликт со своей
совестью и законом. Обман, двуличие, лесть стали
нормой их жизни, а деньги добывались не только
мошенничеством, но и путем хищений государствен-
ного имущества.

Каким же образом Досхоевой и ее подручным Огневу и Ахмеддину удавалось длительное время проводить свои махинации в магазине? На юридическом языке это звучит так: «хищение денежных средств и продуктов скрывалось значительным увеличением лимита товарных запасов для магазина, а также путем служебного подлога, то есть позднего оприходования поступающего в отдел товара, внесения исправлений в товарные отчеты и товарно-транспортные накладные, включения в инвентаризационную опись неоприходованного и незачащагося в отделах товара».

Ну вот хотя бы один факт. В день ревизии Досхоева велела Огневу сказать ревизорам, что часть его товаров находится якобы в ее складе, который она закроет и не покажет. Огнев так и поступил, воспользовавшись халатностью ревизоров, убедил их приписать в инвентаризационную опись товары, не имевшиеся в наличии.

Не будь такого верхоглядства со стороны ревизоров, преступная деятельность Досхоевой, Огнева и Ахмеддина могла быть вскрыта гораздо раньше.

Досхоева занималась хищением и путем реализации дефицитных продуктов со своего склада с последующим присвоением торговой выручки и продуктов. Таким путем она похитила тысячи рублей, которые скрыла путем повторного списания одного и того же количества вина, поступившего в магазин.

Обвиняемый Огнев в разное время входил в доверие к гражданам и предлагал им содействие в освобождении их родственников от уголовной ответственности за совершенные преступления, для чего вымогал у них деньги якобы для передачи должностному лицу в виде взятки. Помимо того, Огнев незаконно приобрел и хранил у себя листо-

лет с боевыми патронами, а также несколько финских ножей...

— Как звали Огнева?— прервал чтение Коняги и поискал глазами по тексту.— Семен Семенович. Так, помню. Обыск у него на квартире делал, у него был пистолет «Эйлер», венгерский, еще трофейный, наверное. Мы так и недоискались, откуда он взялся... Пойдем дальше.

...Но сколь, говорят, веревочке не виться, а конец будет. Так случилось и на этот раз. Ни машины, ни драгоценности, ни хоромы, приобретенные и построенные ими, не принесли радости. Каждый день жили под страхом разоблачения, каждую ночь ждали ареста. Все это было похоже на кошмар, который они пытались утопить в коньяке.

И вот процесс закончен, преступникам воздано по заслугам. Суд возбудил уголовное дело в отношении и других «деятелей», которые покрывали преступников. Это решение вполне справедливо.

Надо надеяться, что извлекут должный урок и те, кто хотел в обход закона приобрести дополнительные блага. На этот раз они назывались потерпевшими. На этот раз...

— Все,— сказал Коняги.— Концовка многозначительная. Кое-что я знаю по этому делу, Федор рассказывал, очень много он тогда работал, переживал за каждый эпизод. Но, понимаешь, я не усматриваю связи. Знаешь, дельцы такого пошиба, как я знаю из практики, сами ножа боятся, к кулачной расправе не прибегают. Они, если и решатся на месть, то действуют исподтишка, чтоб самим безопасно было. Анонимка, поклеп, другая какая гадость. Нет, не вижу связи...

— Связь есть,— возразил Кныш.— Мне сегодня ночью, в три часа, звоночек был. По телефону. В три часа, учти. «Берегись,— сказали,— писака. Одного убрали, тебя не помилуем. Это расчет за Лину и Верочку...» И повесили трубку.

— Так что же ты, что ты резину тянешь,— взорвался Коняги.— Газетку меня читать заставил!

Однако он тут же поутих, сбавил тон.

— В три, говоришь? Не спится же кому-то. Слу-

шай, Лину я понял, это Савельева. А Верочка? Про такую в вашей статье ничего нет.

— В том-то и суть. Верочка — подруга этой самой Лины, близкая подружка. Она кое-что знала, прятала кое-что. Осуждена без лишения свободы, но без права работать на материально-ответственных должностях. А она складом заведовала. Видишь, тот, кто звонил, все знает...

4.

День в мягком вагоне скорого московского поезда прошел весело. Соседи перезнакомились, перешли на «ты», пили за дружбу и тесные связи. Веня был душой общества: рассказывал анекдоты, пел песенки Беранже. «Как яблочко румян, одет весьма беспечно, не то, чтоб очень пьян, но весел бесконечно...» Ему аплодировали. А песенкам его обучил пьяненький артист какой-то — Веня, уже давно забыл какой — областной филармонии, очутившийся в тех краях на мели.

Отпускники — она музейный работник, он — преподаватель пединститута — строили планы: как устроятся на несколько дней в Москве, что купят, где побывают, как потом все сложится в Сочах. В центре находился, конечно, квартирный вопрос. Командированный налегал на бутылки, раза два ходил в вагон-ресторан за дотацией. Компанейский товарищ.

К вечеру соседи угомонились. Веня вообще-то пьет мало, а в дороге тем более остерегается. Так, немножко, для тонуса. Он пристроился в коридоре у окна, пустыня теперь не действовала на нервы, темно, в оконном стекле он отчетливо, как в зеркале, видел свое отражение. В меру упитанный, мордатенький, черная корсарская бородка, усы. В своем импортном костюме он совсем не похож на подсобного рабочего парковых аттракционов. Впрочем, таковым его никто и не считал.

...В тот совсем недавний день, который, казалось, вместе с расстоянием отодвинулся в далекое прошлое, в чистенькой комнате с камином, Веня получил соответствующую инструкцию, разработанную Рыжим с завидной пунктуальностью до

...челочей, до минут. Этим подонкам понадобилась Римма. Веня, конечно, догадался зачем, да Рыжий не очень-то и таился. Вот так же привезут ее сюда, посимают с нее бриллианты, все ее побрякушки, которыми она увешана, будто новогодняя елка, потом вместе с нею направятся к ее папе — Инвару Хамматову, обчистят и его, как липку. Принудить его ничего не стоит, а за любимое чадо он последние штаны снимет. Штаны, конечно, скидовать не придется, а кубышку вытащит.

Что поделаешь, думал Веня, этим, в том числе и кубышкой Хамматова, пришлось пожертвовать. Эх, сладилось бы у него с Риммой, а дело туда и шло, можно было бы подняться вон куда. Папина заначка, деловой Веня — вот слагаемые успеха. И Римма — как дивидент. Не стыдно с нею при людях-то.

Однако теперь, при всех обстоятельствах, семейка Хамматовых девальвирована, потерпела крах. Зачем об этом думать?

Совсем другое дело — это его, Венина библиотека. Рыжий — пройдоха с добрыми голубыми глазами, хитрыми и цепкими, когда был у Вени дома, все точно, хоть и на глазок, оценил. На полках, в шкафах и на антресолях этой двухкомнатной кооперативной квартиры размещались — самое маленькое!— две новенькие, прямо с конвейера «Волги» ГАЗ-24. В переплетах, тисненных золотом, в суперобложках и без таковых, новенькие, нарядные и заслуженно потертые, стояли и лежали книги — целое состояние. Не зря у Вени в книжных магазинах, на базах, в библиоколлекторах и «буках» имеются знакомые девочки, которые мечтают что-то разлобыть, достать, купить, где-то побывать. Билеты на концерт, на дискотеку, столик в ресторане, путевочка на турбазу для Вени не проблема, а доступ к книжкам за это — не так уж и много. Не бесплатно же берет, за свои. Зато книги у него какие! Каждая по пять-шесть, а то и более номиналов по рыночным ценам. Пятьсот процентов чистой прибыли — это доход, это тебе не трехпроцентный заем, по которому выиграешь или нет — еще как сказать. Однажды был у следователя, свидетелем по одному противному делу, в портфеле как

раз оказалось несколько книг. Показал их милиционеру, а он книжником оказался. Так у того глаза на лоб полезли. И были-то там «Спартак» из серии ЖЗЛ, Токвилл и еще что-то, Веня не помнит. А у капитана дух перехватило. Но не взял, даже не купил.

...Рыжий сказал: «Книжки продать. Ты что, Веня, хочешь, чтобы они перешли на полки городской публичной библиотеки? Ведь никто не напишет, что это бескорыстный дар такого-то мецената. При вашем деловом, чисто коммерческом складе характера держать дома такое громоздкое сокровище просто опасно. С моей помощью реализуем. Выручка делится прямо пропорционально затраченному труду. Идет?»

Ну уж — дудки. Многого захотел...

Римму он им обеспечил, все было сделано строго по плану, по минутам. Но Веня допустил одно добавление к плану, разработанное им вполне самостоятельно. Никто не догадается, комар носа не подточит, ведь бывают совпадения во времени и в пространстве. Почему бы к моменту встречи Рыжего с Риммой там не появиться, например, следователю из милиции? Город большой, люди снуют, туда-сюда, дорожки пересекаются. Он рассчитал все точно, срыва быть не может.

При книгах осталась мама, ей он сказал, что выезжает в командировку в главк, в Москву, она-то уверена в своей честолюбивой мечте, что ее горячо любимый сын Веня — главный администратор городских парков. Бедная, бедная старушка, глядящая своими близорукими глазами на жизнь сквозь очки двадцатых годов. Не нужно Вене быть главным администратором, его вполне устраивает его нынешняя должность. Кто его кинется искать? Дружки прикроют, он им обеспечил пивной бар с шашлыком.

Мелькают в темноте какие-то огоньки, кто-то живет в этой дремучей пустыне, что-то делает, чему-то радуется. Грустно вдруг стало путешественнику. Привык он, что каждый божий день, включая выходные, приносил ему доходы. А сейчас? Билет в мягкий, вагон-ресторан, бутылка «Посоль-

ской», два коньяка... Одни расходы. Грустно стало Вене.

— Осведомленный тип звонил мне,— продолжал Кныш,— и я делаю выводы, что это, конечно, человек, причастный к делу Досхоевой. Миша, я ни капли не боюсь этих угроз, я не боюсь подонков. Мы живем не в Техасе... Но ведь Федя пострадал? Кто-то его изувечил? Видимо, была особая, теперь говорят — экстремальная обстановка. Не верю, чтобы Лучкова можно было так просто, взять — и ножом... Очень хочется, чтобы вы скорее нашли этих подонков, чтобы их не было среди нас.

Зазвонил телефон. Конягин взял трубку, с минуту слушал.

— Пропустите,— сказал он.— Объясните, как пройти... Я всё понял, Алёша,— продолжал он, положив трубку.— Но Фёдор — тренированный человек, кандидат в мастера по самбо. А видишь, что вышло? Поэтому ты...

Он не закончил мысль, в кабинет вошли два паренька — русский и казах, вошли смело, будто сколько раз уже были здесь.

— Нам надо старшего оперуполномоченного уголовного розыска капитана милиции Конягина,— сказал русский, небольшой по росту, упитанный, веснушчатый и улыбчивый. Выговорив свою длинную фразу, он не сдержал смешок.

— Я такой,— признался Конягин.— А вы — Калырбек и Анатолий?

— Мы такие,— не улыбнувшись, ответил казах. Он — Анатолий Попов, я — Кадыр Утешев.

Калырбек был высок и очень смугл. Чёрные глаза смотрели серьезно, даже строго. Ребята покосились на Кныша, который курил уже третью...

— Это свой,— успокоил их Конягин. Журналист Кныш Алексей Александрович. Не стесняйтесь.

Ребята с любопытством взглянули на худого, длинного очкарика, фамилия которого им была, по-видимому, знакома. Заговорил Анатолий.

— Мы засекли ту девушку. Которая плакала. Вам капитан Воронин про нее говорил?

— Говорил, говорил,— несказанно обрадовался Конягин,— Где она, адрес знаете?

— Где не знаем,— вздохнул Анатолий.— Узнали, что зовут ее Марица, а с таким именем не потеряешься, правда, Кадыр? Теперь найдем.

— Найдем. Она в баре бывает, на набережной. Тула так не пройдешь, по приглашительному только. Но мы пройдем.— Кадыр говорил так уверенно, что сомневаться не приходилось: и пройдут, и найдут.

— А как же вы ее засекли?— поинтересовался Конягин.— Если не секрет.

— Секреты у вас, у нас примитив,— засмеялся Анатолий,— грубая работа. Дали клич по всем пацанам, которые выше нашей остановки живут по двадцать девятому маршруту. И свидетель нашелся. Видел, говорит, Марицу, села около восьми в автобус на остановке возле пионерского дворца, в автобусе прямо ревела, отколотил кто, что ли? Сошла на остановке возле гостиницы, тот парень тоже там сходил. Взяла таксуху и поехала в город. Парень говорит еще — ей лет семнадцать, нигде не учится, так...

Анатолий сделал неопределенный знак рукой и заверил: найдем, сегодня времени много, суббота — не работа.

— А работаете-то вы где?

— В ателье телевизионном, что на Пушкина, знаете? Оба там. После десятого класса перед армией поучимся. Сгодится...

Конягин подошел к друзьям, обнял их за плечи.

— Спасибо, хлопцы, вы и так уже помогли. Теперь давайте так, уговор дороже всего. У вас чистая разведка, никаких проникновений в дома, задержаний и захватов.

Парни засмеялись. Конягин тоже.

— Если что узнаете — ко мне сразу. Меня нет— к дежурному, он найдет. Есть?

— Есть, товарищ капитан. Что к чему понимаем.

Парни ушли, Конягин тут же взял трубку, набрал номер.

— Адресное бюро? Конягин из Заводского, здравствуйте. Запишите: Маркин В. Б. Других данных нет... Имени не знаю, год рождения тоже... Хорошо, только побыстрей.

Положил трубку, повернулся к Кипшу.

— Дело вот в чем, я не договорил, юные сыщики прервали. Не скрою, телефонный звоночек очень подлый, он меня испугал. Сначала. Отчаянные, подумал, со следователем расправились, теперь корреспонденту грозят. Нет, брат, так не бывает. Звонят и предупреждают — это, мол, за Лину и за Веру. Они же адрес точный дают: ищите вокруг этих подруг. Есть смысл во всем этом?

— Есть,— сказал Кныш.— Я уже говорил — осведомленный человек звонил, в той команде искать надо. Кто знал, что Лучок — следователь? Он же в тренировочном костюме был, пароду уже почти никого, увезли сразу его. А он знает.

— Не спорю, не спорю, осведомленный человек звонил. И команду ту, как ты говоришь, знает, и о преступлении в сквере знает. Может, сам там был. Я не в том смысле. Логики никакой нет, докапываться до смысла надо. Тень какая-то на плетень, черт возьми. Я сейчас этой самой Марицей займусь, что это еще за штучка такая? Несовершеннолетняя, если у моих следопытов данные правильные. А ты же знаешь, как Лучок к пацанве относится. «Проблема трудных подростков,— это он так говорит в своих выступлениях,— проблема трудных подростков — важнейшая в деле борьбы с правонарушениями...»

Конягин взял тетрадь в черном клеенчатом переплете, переданную ему Роговым, открыл заложенную бумажкой страницу.

— Слушай, это он у Всеволода Кочетова выписал. «Если мы при нашей жизни не успеем обводнить Кара-Кумы и повернуть течение сибирских рек с севера на юго-запад, это еще ничего, за это нас судить не будут, но если мы плохо воспитаем молодежь, вот этого история нам не простит, мы будем сурово наказаны». В. Кочетов. «Молодость с нами».

Конягин закрыл тетрадь, отложил в сторону.

— Алеша, когда Кочетов написал «Молодость с нами»?

— Давно. Где-то в пятьдесят пятом, помнится. Правильные слова, на все времена правильные. Особо для самих нас, для молодых. Федору бы в школе работать, вот бы из него педагог вышел.

— А у него партийная нагрузка — шеф в школе,

в девятом классе сейчас. Пацаны за ним — табуном. И время же находит.

Киыш встал.

— Пошел я, Миша, работай. У меня статья ложит в номер. Чуть что, звони.

— Ты сам позванивай, я, правда, уйду сейчас... Но к шести буду, приходи, вместе в больницу пойдем.

6.

В дачном домике, в комнате с камином, на этот раз было неубрано. Бутылки на столе — коньяк, пепсикола, разбросаны как попало колбаса, сыр, хлеб, помидоры. Высокий светловолосый молодой человек с приятными, немного женственными чертами лица, тоненький в талии, сидел за столом, как чай, прихлебывал из стакана коньяк. Другой, не по годам грузный, с мощными, как у грузчика или землекопа руками, примостился на низенькой скамеечке возле камина, лениво колол ножом небольшую березовую чурку и бросал щепки в слабый огонь.

Белобрысый говорил и говорил, язык иногда пьяно заплетался.

— Ты тупое, ограниченное с-существо. Неандерталец, троглодит, знаешь? Так хорошо все ехало, п-по-правильному руслу, хорошо бы нам было. Сколько денег уже есть? А еще бы сколько? Спрашиваю... У девчонки папка — док, профессор, у него трехпроцентного — куча. Она сама болтала, балоболка... Знаешь, что такое трехпроцентный? Это тебе не сберкнижка, фамилию не спрашивают. Наливай и пей...

Он выпил коньяк залпом, налил еще.

— Все бы мы забрали, папашка за свое чадушко все...

Щепки горят слабым огоньком, сильная рука лениво строгает большим, с широким лезвием ножом сухую чурку. Светловолосый с пьяной брезгливостью смотрит на своего напарника голубыми, помутневшими глазами. Уничтожающе так глядит, с откровенным презрением.

— Что ты наделал, ишак? Скажи спасибо, что я принял меры, что повел милицию в другую сторо-

ну, не в ту степь. павел туману. Теперь библиотеку брать нельзя, шуму много. К доктору пойдем, к папочке. А? Только без ножа, я хороший, я добрый и умный. Точно, кролик?

Названный таким безобидным словом человек спокойно закрыл нож, нажал кнопку — лезвие с треском выскочило. Парень опять спрятал лезвие в пазы, опустил нож в карман, улыбнулся. Встал, потянулся, подошел к столу, выпил стакан пепси и точным, профессиональным ударом ткнул своего напарника в висок. Тот охнул и упал на пол. Последовал еще удар — теперь ногой.

Убийца легко поднял бездыханное тело и вытащил его из уютного домика. Через несколько минут от профессорской дачи отъехала машина «Жигули» ярко-красного цвета. Шел мелкий дождь. Конец сентября, сады убраны, на дачных участках никого не было видно.

Вскоре дождь пошел сильнее.

7.

Но люди неподалеку были. На мансарде своей дачи одноногий инвалид складывал в корзину яблоки, надо бы снести их в погреб, как бы заморозок не ударил. Он со своей верхотуры и видел, как рослый, хорошо одетый парень, вынес с профессорской дачи человека, усадил его на заднем сидении, сам сел за руль, подал машину немного назад, но все же задел багажником забор, потом развернулся и стал осторожно съезжать по крутому и скользкому спуску вниз, на асфальт.

Одноногий ловко слез по узенькой лестнице в небольшую, обогретую газовой плиткой комнату. Там жена перебирала яблоки: на сок, в погреб, для посылки сыну в Ленинград.

— На профессорской даче балуют,— сказал одноногий.— Хозяин болеет, слышал, второй инфаркт у него, а они повадились.

Инвалид сбросил стеганку, стал надевать толстый зеленый свитер.

— Куда собрался?— спросила жена.

— К санаторию схожу, позвоню участковому. Говорит, с него начальство за дачи стружку сним-

ет. Не его, вроде бы, дёло, а народ жалуется. Сторож-то наш ни за что деньги получает, сидит на базаре сейчас. А на дачах шалят. Вот и на этой тоже. Днями там три парня были с девкой, сейчас вот двое уехали, один так нажрался, что дружок его волоком пер — бугай бугаем. Уехали, а печка дымит, труба курится. Спалят, а дача, как картинка. Хозяина только нет. За весь год — эти алкаши первые гости. Поначалу думал, что дочка профессорская с друзьями наладилась гужеваться. А тогда гляжу — нет, не она. Хоть и та не подарочек, но не такая бесстыжая. Эта ходила по саду, винище прямо из бутылки лакала.

— Тьфу,— сплюнула в сердцах жена.— Откуда такие? Ты иди скорей, я есть сготовлю.

— Пойду,— одноногий надел плащ.— Я и номер машины приглядел, заметная она, красная... Хлеба взять? В магазин зайду.

— Возьми, заночуем здесь.

Хозяин вышел и похромал по тропе под дождиком.

8.

Кто звонил Клышу, зачем звонил, цель какая, почему ночью? Конягин выстроил с десяток скоропалительных версий, но ни одна его не устраивала, и он ругал всех анонимщиков, какие только встречаются в нашей беспокойной жизни.

Прокурор Рябинин даже рассердился.

— Чего вы, Михаил Павлович, ерепенитесь? Ведь этот тип нам хоть что-то подбросил, он лично, сам того не желая, сузил круг, в котором надо его искать, а вы его еще и ругаете. Надо его искать, сукина сына, надо, он наверняка в какой-то мере причастен к преступлению, никакого сомнения нет. Поверьте, он знает Лучкова, знает обстоятельства уголовного дела по обвинению Досхоевой и ее сподручных. Вот они — все восемь томов,— он кивнул на кипу потрепанных «дел» в коричневых обложках. («Кто только не листал эти бумаги»,— подумалось Конягину).

— Я поручил нашему следователю по особо важным делам Косаеву — знаете его?— проанали-

зировать материалы, он быстро управится, работал по делу вместе с Лучковым, мы подключали его. Так что не огорчайтесь, вы скоро будете знать, кого искать. А пока свою Марицу ищите. Чувствую, что это важно.

Тихонько звякнул телефон на прокурорском столе, спрашивали Конягина.

— Ваш дежурный,— сказал прокурор.— В райотдел зовет. Срочно.

ТЕЛЕФОНОГРАММА. На двадцатом километре дороги на Арасан, в урочище Коксу, обнаружена разбитая машина «Жигули» красного цвета, госномер 18—87. Предполагается, что находившийся в нетрезвом состоянии водитель не справился с управлением и допустил опрокидывание с обрыва высотой около десяти метров. При погибшем обнаружен паспорт на имя Маркина Вениамина Борисовича, выданный...

— Когда поступило сообщение?— спросил Конягин.— Потом, здесь нет подписи — кто сообщает?

— Сообщение поступило минут двадцать назад, товарищ капитан, от участкового инспектора милиции Пригородного отделения старшего лейтенанта Жунусова. Обнаружили два туриста. Опергруппа на место происшествия выехала, старшим в ней следователь ГАИ майор Алешин,— дежурный достал из папки листок бумаги.— Тут по вашему запросу поступили данные на Маркина В. Б. Я понял, что это сообщение вас заинтересует.

— Спасибо.— Конягин хлопнул дежурного по погону с одной маленькой звездочкой, и быстро пошел к себе в кабинет за кожаной курткой. Через пять минут его «Ява» неслась в сторону гор.

— Маркин Вениамин Борисович, Вениамин,— твердил сам себе Конягин.— Работает в парке, подсобник, живет почти рядом с Федей Лучковым. В бумагах Лучкова записан три раза, последний раз на календарном листке — позавчера. Есть ли какая связь? Событийная?

Мелкий дождь сек лицо, бодрил...

А скорый поезд, в последнем, мягком вагоне, которого ехал живой и невредимый Вениамин Борисович Маркин, уже давно протарахтел по пролетам моста через реку Урал.

— По Европе катимся, завтра днем будем в Москве,— мечтательно говорил Веня своим соседям, супругам-отпускникам.— Третьяковка, ВДНХ, музеи, выставки...

Он вздохнул. Обо всем этом он знал только по наслышке, часто бывая в Москве, он больше интересовался теми подворотнями, где можно было из-под полы чьего-то кожаного пиджачка раздобыть тряпку с заграничным клеймом, чтобы потом, дома, оправдать на ней расходы по поездке...

— В этот раз обязательно побываю в алмазном фонде и в музее боярского быта, я историк. В Публичной библиотеке поработаю.

Веня сейчас ничего не боялся. Ни ножа золотозубого амбала, ни сотрудников ОБХСС, которые могут привлечь его к уголовной ответственности за перекупку вещей, спекуляцию и другие, не менее вредные для общества действия. Все это было далеко — за реками, за пустынями и горами. Конечно, ему было несказанно жалко потерянного богатства: денег, золотых часов на замечательной цепочке, не сбывшихся надежд на легкую жизнь. Жалел он об утраченной возможности влезть в привлекательный мир отца рано созревшей Риммы, девицы не очень твердых правил. Он и там бы нашел свое местечко, он верил в свое умение жить.

— А знаете,— обратился он к супругам,— в городе Сочи, друзья мои, есть очень симпотичный, уютный и веселый пансионат «Светлана». Бассейн, ресторан, сауна, море — рукой подать. Конечно, путевки туда не очень дешево, там все по высокому классу. Если хотите, я в Москве сделаю, у меня по этой линии есть связи. Конечно, сами понимаете...

Супруги поняли без слов и очень обрадовались. Хотели выложить деньги сразу, но Веня отказался. Вместе пойдем в ту контору, там и дадите. Он хорошо знал, сколько учреждений имеют парадный вход и по нескольку запасных выходов. Он тешил свою

маленькую совесть: «Это на мою бедность. Лишние две-три сотни пригодятся, не помешают».

Эти мысли его немного успокоили.

Когда Конягин притормозил недалеко от места происшествия, возле оперативных машин, майор Алешин говорил по рации со своим начальством из госавтоинспекции. Конягин краем уха слышал, что майор просит прислать следователя прокуратуры, и работников уголовного розыска. Значит, здесь не все по его части, подумал Конягин.

— Вовремя, как раз кстати, Михаил Павлович, как раз, как раз,— радовался Алешин.— Вам придется съездить, у вас и транспорт свой. Про дачный кооператив института стройматериалов слышали? Туда надо пробежаться, допросить одного дачника. Участковый говорит, он видел недавно эту машину.— Майор посмотрел вниз, под каменистый обрыв, где на острых скальных обломках лежала автомашина ярко-красного цвета. Лежала кверху колесами и это, почему-то, скрадывало весь трагизм ситуации — не было видно искореженного кузова, разбитых стекол.

— Водитель один был? Без пассажиров? — спросил Конягин.

— Один. Не знаю, водитель ли он... Однако сомневаться не приходится — погибший был пьян. Наш доктор тоже не имеет на этот счет другого мнения. Правильно говорю, Кенес?

Неподалеку, среди больших валунов, стоял судебно-медицинский эксперт Куанышев и разглядывал сильно побелевшие за последние дни горные вершины. В долине моросил мелкий, не холодный пока дождик, а в горах, похоже, валил снег. Эксперт дружески махнул рукой Конягину и сказал: «Пил. Квантум сатис — сколько схватишь...»

А майор говорил, будто размышлял.

— Почти уверен — эта машина не по оплошности водителя упала, не потому, что он не справился с управлением. Да нет, это точно. Знаете, дорогой мой сынок, ее столкнули. Убийство здесь, это точно. Я вызвал следователя прокуратуры, оперативников, эксперта-криминалиста. Мотор-то, когда она падала, не работал, это я точно определил. Столкнули Маркина, если это правда Маркин...

— Я как раз разыскиваю этого самого Маркина, сегодня запросил на него данные, а он вот где. При нем было еще что-нибудь, кроме паспорта?

— В том-то и штука, капитан, что ничего не было. Карманы у него вывернуты, обыскали его, и обыскали до аварии. Мы его вон с каким трудом из машины извлекли. Но в машине нашлась бумажка, похоже, страница из блокнота, на ней несколько телефонов записано.

Майор открыл папку, там лежал этот листок, верхний срез — как зубцы на почтовой марке. Ясно — блокнотный листок.

На страничке столбик телефонных номеров, шестизначных. Конягин бегло просмотрел их и — будто кипятком его, по сердцу. Один из номеров был телефонным номером Алексея Кныша. Написан красной пастой и дважды подчеркнут. Телефон Кныша...

«Есть контакт, есть событийная связь,— застучала в голове мысль.— Надо срочно узнавать у Рябинина, как там идет анализ материалов по уголовному делу группы Досхоевой, не приходил ли там как-нибудь рикошетом Маркин Вениамин Борисович, рабочий по парковым аттракционам...»

Но тут появилось новое обстоятельство. Алешин, пока Конягин обдумывал ошарашившее его открытие, говорил о том, что машина «Жигули» госномер 17—87, номера шасси и мотора такие-то и такие-то принадлежит Стулову Виктору Антоновичу, инженеру-механику станции техобслуживания, проживающему на улице Ботанической, в доме таком-то. Майор говорил и говорил. Он уже многое установил, многое продумал.

— Сомневаюсь я, что погибший — Маркин. Как бы не убийца был этот самый Вениамин Борисович. Мог же он впопыхах забыть свой паспорт у убитого им человека? Туристы подошли — колеса еще тихонько вертелись, веришь? Труп обезображен, но на паспорте Маркин с усами и бородой, а этот — без них. Сбрить, конечно, мог, но... разберется будем, одним словом,— резко закончил свою мысль майор.

Одноногий инвалид на даче усадил Конягина пить чай. С малиной.

— Холодновато сейчас, а ты, гляди-ка, на мотоцикле гоняешь. Простыть — раз плюнуть.

Хозяйка принесла из какого-то закутка тарелку оладьев, угощает: «Кушайте, кушайте, сьеженьке». По крыше монотонно, так уютно барабанят дождевые капли, по-осеннему рано смеркается. И не хотелось Михаилу Конягину думать о том, что на этом, таком хорошем свете, есть подонки, которые едва не убили Федю Лучка, сбросили с обрыва машину. Вместе с человеком. А старый, искалеченный на войне человек, много и трудно поработавший на своем веку, говорил:

— Я уже участковому все подробно обрисовал, написал, даже. Видел я эту самую красную машину возле профессорской дачи раза два, а то и три. Сегодня гляжу со своего чердака — яблоки у меня там лежали, убрал уже все — гляжу: один другого волокет на горбу из дома в машину. Легко так несет — бугай бугаем. Я его хорошо приметил. Одет красиво — курточка коричневая на молнии, брюки тожс коричневые, думаю, из вельвета, а самое главное, мать вон смеется, углядел, говорит, рот у него весь в золоте, все зубы золотые, это точно. У меня глаза острые, не смотри на мои шестьдесят пять. И лицом вроде бы курносый. Но здоров, ох и здоров! Бугай, одним словом. Посадил он своего дружка и поехал вниз, аккуратно так, осторожно.

— В дом кто-нибудь заходил?—

— А то как же? Заходили мы с участковым, они и не заперли дом-то. Бутылок — страсть, и непочатые есть. Мы ничего не трогали, только камин водой я залил, они туда больших чурок накидали, далеко ли до беды.

Вечером Конягин сказал матери:

— Я, мам, сегодня пораньше лягу. Устал. И дело не дело, суббота ведь, я сгонял в горы, проветриться захотелось, и устал.

Мать вдруг всхлипнула.

— А мне Танюшка сегодня звонила, плачет она... Танечка звонила, Лучкова...

10.

Когда утром около десяти, Конягин по звонку пришел в кабинет инспекции по делам несовершеннолетних, майор Досжанова — она была старшим сотрудником райотдела, всю свою жизнь проработавшая с «трудными», разговаривала с девушкой, которая, как сразу заметил Конягин, была одета с подчеркнутой аккуратностью. Скромненькое, но зато хорошо пошитое платьице очень ловко подчеркивало именно то, что хозяйке хотелось подчеркнуть.

— Я вас попросила прийти, Михаил Павлович,— сказала начальница инспекции своим учительским голосом, а Конягин почувствовал, будто он опять пятиклассник и вызван в кабинет завуча, за дело, конечно.— Ты, девочка, подожди немного в вестибюле, я позову.

Девушка, перекинув легкий плащ через руку, вышла.

— Слушаю, Куляш Досжановна,— сказал оперативник.

— Миша, это та самая Марица, которую вы ищите. Вообще-то ее зовут Римма, Римма Хамматова. Прежде чем вы будете с нею говорить, хочу немного сказать о ней. Это несчастный, да, именно несчастный ребенок. Все у нее есть — даже бриллианты. Отец ее, знающий в своей отрасли человек, большой специалист, автор нескольких специальных книг. Но... Не нам его судить. Он болен, жена ушла от него давно, с военным уехала куда-то в Прибалтику, девочка росла с отцом и престарелой бабкой. Они забаловали девочку, все ей было доступно. Ей сейчас семнадцать, а она, знаете что, она мне сейчас сказала? Замуж, говорит собиралась, да не вышло... Как, спрашиваю, замуж, тебе ведь только семнадцать. Смеется, я акселератка, говорит. А отец?— опять спрашиваю. Отец, отец, отвечает. Что отец?.. Что мне с такими прикажете делать?

Дверь открылась, стремительно вошла Марица.

— Я не могу больше. Там опять эти типы, они меня преследуют, все с того дня, с пятницы.

Конягин быстро вышел в коридор, там оказа-

лись Толяи и Кадыр. Конягин ничего не сказал, стоял так и смотрел на парней.

— Это она,— почти шепотом произнес Кадыр.— Ну, мы пошли...

Наверное, нелегко пришлось этой «акселератке» в последние дни. Когда капитан опять вошел в кабинет, она плакала, уткнувшись лицом в ладони. Повидавшая всякое, начальница детской инспекции говорила: «Ну что ты, девочка, будет. Расскажешь, легче станет...»

Римма выпрямилась, кончиками пальцев убрала слезинки с глаз, пристально посмотрела на Конягина и спросила:

— Вы кто? Из уголовного розыска?

— Да. Старший оперуполномоченный Конягин. Вас это устраивает?

— Вполне. Я вам все расскажу.— Она порылась в сумочке, которую держала на коленях, достала скомканный платочек, тихонько высморкалась и сказала спокойно и отчетливо:

— Сволочь, подонок. Хотел продать меня этим скотам. Позвонил, назначил встречу...

— Вы о ком это? — прервал ее Конягин.

Девушка опустила голову.

— О нем. Маркин есть такой, Венечка. Альфонс, сволочь...

— Не надо так, не надо,— остановила ее Доскжанова.— Не к лицу тебе.

— Извините, не буду, сорвалась. Вы что хотите узнать? Мне эти мальчишки сказали, пойди в милицию и расскажи, что видела. Там что, человека убили?

— Вы сами — что видели? Это расскажите,— Конягин начинал злиться, но держал себя крепко в узде.— Что вы видели, что знаете?

— Он мне позвонил, Маркин, еще днем. Назначил встречу в сквере за дворцом пионеров. Я еще удивилась: почему там? Мы чаще в парке встречались. Иногда у меня дома, когда бабушки нет. А тут сквер. Надо,— это он говорит. Ладно, прихожу. Его нет. Вдруг подъезжает машина, красная, «Жигули». Молодой парень выходит, симпатичный. Мы от Вени, говорит, просил тебя привезти. Почему сам не приехал, спрашиваю, а сама хотела уже в машину

садиться. Вдруг смотрю — за рулем личность знако-
мая...

Лицо девушки, Конягин сразу заметил, пошло красными пятнами.

— Личность... животное. Я говорю все, как было. Он однажды напоил меня, никогда не забуду...

— Хорошо, о нем вы расскажете подробней. Что потом?

— Убирайтесь, говорю, никуда я не поеду. Тогда этот, симпотный-то, хватает меня и тащит в машину. Я крикнула, успела увидеть, прямо по газонам бежал человек в синем спортивном костюме, как-то сразу он, как в кино, отбросил этого... Я побежала. Что там было — не знаю. Это уже мальчишки мне сказали: человека там убили...

Прокурор Рябинин внимательно смотрел на Конягина.

— Что не весел, Михаил Павлович? Мы тоже озабочены состоянием Лучкова, он-то у нас здесь постоянный... да нет, не гость, свой он. Сейчас только спрашивал у главврача, говорит — все страхи позади. И жив будет, и здоров. И искать есть кого. Уже установлено точно — погибший в машине — Стулов, бесспорно. Перелом основания черепа. Да, по делу Досхоевой он проходил, как свидетель по эпизоду о мошенничестве с узбеками. Его Лучков дважды допрашивал. Уже установлено, что телефонный номер на листке из блокнота, корреспондента этого...

— Кныша,— подсказал Конягин.

— Да,Кныша,— прокурор опять внимательно посмотрел на Конягина,— он же ваш друг?

— Да,— подтвердил Конягин и добавил:— И Лучкова тоже.

— Номер написан рукой Стулова, значит все стало на свое место. А криминалисты нашли в машине и на профессорской даче отпечатки пальцев Моргунова, ранее судимого за разбой. Когда-то был спортсменом, занимался боксом. Тут все его данные, возьмите. Его искать надо.

— Я сам его брать буду. Сам.

Непрестанно звонят телефоны в дежурной комнате областного управления внутренних дел, отстукивают все то, что необходимо, телетайпные аппараты, приходят и уходят сотрудники. Конягин заглянул в окошко телетайпной.

— Моя срочная ушла, Любочка?

Любочка улыбнулась:

— Ушла в свое время, не беспокойся... Это что, так важно?

— Тип один, в Москву рвется. Напакостил, и в столицу, да еще в мягком вагоне поехал.

— От вас куда денешься,— Люба опять улыбнулась и занялась своими бумажками.

Скорый поезд с юга медленно проходил вдоль длинного перрона Казанского вокзала. Веня стоял со своим чемоданчиком возле окна и смотрел на встречающих. Сегодня его никто не ждал, телеграмм он никому не посылал. Соседи по купе от него не отходили — на него вся надежда. И гостиница в столице, и пансионат в знаменитом городе-курорте. Поезд дрогнул, лязгнул буферами и стал. Пассажиры потянулись к выходу. Проводница Женечка, которая всю дорогу подавала Вене чай покрепче, как он любит, стояла возле вагонных ступенек с высоким, модно одетым парнем и чему-то весело смеялась. «Ишь ты,— подумал Маркин,— и в Москве у нее хахали...»

— Пока, Женька,— сказал он.— Спасибо за чаек.

Модно одетый молодой человек подошел к Вене и просто так спросил: «Вы Маркин? Вениамин?»

У Вени подкосились колени. Он отчетливо представил себе, в каком кармане модной рубашки этого улыбчатого паренька покоится красная книжечка сотрудника Мура.

— Пошли?— сказал парень. Книжечку он не показал, и так все было ясно.

— Куда же ты, Веня?— всполошились вагонные друзья.

— Я скоро,— пробормотал Веня,— вы идите, я догоню.

Что еще он мог им сказать?

II.

Красивая и строгая медсестра, сияющая белым своим нарядом, предупредила:

— Пять минут, не больше. Он очень слаб.

— Не больше, не больше,— заверил Киыш, а Конягин добавил:

— Мы очень послушные, сестрица. Как отличники учебы и поведения.

Сестра не удостоила его вниманием, пошла по длинному коридору.

Федор улыбался. Слабо так, не по-лучковски, но улыбался.

— Молодцы, ребята, прорвались. Даже моих женщин еще не пустили.

— Мы же с одного детсада,— сказал Киыш.

Лучков слабо пожал его руку.

— Миша, времени мало, ты слушай, я помню...

— Не надо, Лучок. Ты одно скажи, тебя Маркин вызвал? Беда, сказал, спасать девочку надо?

— Почти так... Он меня накануне предупредил, мол, дело есть важное, нужна ваша помощь... Девушка так кричала... Я, знаешь, не заметил, как другой сзади подобрался... подскочил. Прошляпил, понимаешь?

— Ничего, Лучок, ничего. Я его сегодня возьму, сам брать буду... Ты давай, выздоравливай скорее.

А Киыш вдруг не к месту вспомнил, как однажды, еще в детском саду, он спас Лучка и Конягу от брезлющей собаки. Он-то был верзила, не то, что они.

Дверь открылась. Строгая сестра молча смотрела на посетителей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЕ ДЕЛО 3

ТАКТИКА РИСКА 57

ТРУДНЫЕ ДНИ РОЗЫСКА 133

Для старшего школьного возраста

Альберт Владимирович Штульберг

ТАКТИКА РИСКА

Повести

Редактор
В. Киктенко
Худ. редактор
С. Макаренко.
Художник
Ю. Димурин.
Техн. редактор
Г. Ахинова
Корректор
А. Мусаева

ИБ № 3004

Сдано в набор 27.01.85. Подписано в печать 10.07.85. УГ 17376. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,6. Усл. кр.-отт. 8,9. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1062, Цена 45 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41,

45 коп.

Штульберг Альберт Владимирович родился в 1921 году в Донбассе. Окончил Казахский государственный университет им. С. М. Кирова. Его очерки, рассказы и повести о казахстанской милиции публиковались в разные годы в периодической печати, в книгах «Синие шинели», «Преступления могло не быть», «Особое назначение», «Бессонный патруль», «На страже общественного порядка», «Без свидетелей».
Штульберг А. В.— заслуженный работник МВД СССР, член Союза журналистов.

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПУТЕШЕСТВИЯ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190